

ОДЕССА. 10 ДНЕЙ СЕНТЯБРЯ 2009 г.

*Есть город, который я вижу во сне,
О, если-б вы знали, как дорог.....*

Несколько предварительных слов для возможных, вне круга семьи, читателей.

Для читателей вне круга потому, что в кругу это обязательное чтение, и тут никому никуда не деться, приходится преодолевать (или, что бывает чаще, пробежать) и выразить свои восторги (некоторые манкируют, но: мене, текел, фарес! – взвешено, измерено, сосчитано!).

А вне круга изложение предполагает знакомого с Одессой, или интересующегося этой темой и располагающего некоторым временем читателя, с иронической улыбкой произносящего: «ну-ну, что тут ещё?».

Нужно сказать, что если краткость – сестра таланта, то моя сестра – Людмила, чудесная женщина. Поэтому, если приступать к чтению, то при наличии не только времени, но и терпения. И если с этим есть проблемы, а время может появиться и в другой раз, то вот с терпением, это воспитывается с детства... впрочем, об этом я уже писал (есть в архивах или у счастливых в личных библиотеках, но выпросить почитать не надейтесь). Вместе с тем, пропустив изложенное, вы рискуете не приобщиться. Так что, сделайте Ваш правильный выбор, впрочем, о правильном выборе я тоже писал (тоже архивы). Но об этом, что ниже, только написал и – милости просим (в архивах и библиотеках не ищите).

Ну вот, это только если в нескольких словах.

Специальное примечание для собеседников Ани по данному материалу: вся последовательность, время и содержание совместных автора с ней событий были только такими, как это изложено ниже; никакие доводы этой обаятельной девушки, сопровождаемые улыбками, выразительными жестами и повторами «ну, папа тут...», «да нет, это же было...» и т.п. не имеют под собой никакой аргументной или иной доказательной базы. Dixi!

Итак, я был те дни в Одессе ...

Но сначала собрался туда прилететь.

«До того как»* улететь.

*ставшая крылатой фраза из диалога знаменитых Ильченко и Карцева: «До того! До того как!».

А до этого покупал билет. Доверить это серьёзное дело решил той же девушке из того же агентства, что отправляла меня 4 года тому назад в Америку – положив в основу выбора тот факт, что удалось вернуться назад вовремя и невредимым. И пока значимая корреляция между агентствами и благополучным возвращением назад наукой и статистикой не установлена, можно считать этот выбор поводом для встречи с приятным агент ...ством. Хотелось недельки на 3 и числа с 25 августа. Однако девушка особого выбора не предложила: или с 28 на 3 недели и за \$750, или с 1 сентября на 10 дней и за 500. Ну, решил я, конечно, 10 дней это помельче, но зато по 3 руб. ..., то есть, по 500. Ударили по рукам, то есть по моему кошельку, и, попорхав изящными пальчиками над клавиатурой РС, она протягивает мне распечатку на обычном листе бумаги: «Вот Ваш билет». «??? Это билет?». «Да, это билет, электронный». «Девушка» – говорю я, сопровождая текст самой приветливой улыбкой – «я таких билетов могу за пару часов нарисовать не менее 100; но мне так много не нужно, мне хватит и 10, ведь работая минут по 30 в день и всего 10 дней в месяце, я буду иметь ...э-э-э, 50 тыс. – неплохо, да?». «Нарисовать сможете, но иметь не будете!» – отвечает она, тоже с очень приветливой улыбкой. «Ну да, расходы на регистрацию, текущие платежи...». «Не только это». «Ладно» – меняю я направление и не забываю про улыбку – «куда позвонить, когда на посадке мне вернут бумагу и попросят билет?». «Так это билет и есть». «Девушка, билет это не лист принтерной бумаги, а несколько небольших цветных листков из бумаги специального качества, на которой отпечатаны все мои полётные данные, туда и обратно». «Тут тоже всё это есть». «А бумага?» – не сдаюсь я. «Подойдёт и эта» – не сдаётся и она (да-а, с ними работают психологи, какая выдержка!). «Я понял, теперь полёты становятся ещё более адреналинонасыщеннее: к риску прилёта не туда (риск неприлёта, тьфу-тьфу, исключаем), добавляется риск невылета, это бодрит, особенно учитывая вечернее время!». «Всё будет хорошо!». «Вашиими бы устами...», но остаётся только проверить. До свидания!» – и не забываю про улыбку.

Ну-ну, не нужно думать обо мне, как о чуланном грибе, я, конечно, слышал об электронных билетах, но представлял их себе в виде одноразовых магнитных карточек – как на железной дороге, которыми счастливые обладатели проводят по прорези автомата с турникетом, поэтому обычный лист бумаги вызвал во мне такой протест. Возможно, так оно и будет, просто на переоборудование нужно время. А может, не догадались? Надо будет подсказать им в аэропорту. Впрочем, нет, пусть так, ведь за это переоборудование платить нам с вами.

По части прилёта «не туда» все мы, конечно, имеем опыт, но в моей коллекции (которая пылится не в шкафу, а в памяти) есть случай уникальный.

Из памяти-1.

Это было в далёком от этого года времени, когда я интенсивно бороздил воздушное пространство б. СССР, осваивая передовой опыт изготовления самых продвинутых тогда железобетонных конструкций. Конечно, нельзя было оставить в стороне и такой продвинутый во всех отношениях город, как Ленинград. Но вот уже всё по части новых конструкций записано и сфотографировано, «проутюжено» Невский и окружающие его неповторимые пространства, субботний день (10 часов, из них 1.5 в очереди) отдан Эрмитажу, и 5 марта я приезжаю в новый, тоже продвинутый а\п «Пулково» (изящное конструктивное решение, получившее Государственную премию: плоское покрытие огромных размеров подвешено на нескольких центральных столбах, выступающих сквозь широкие отверстия выше него, с образованием остеклённых световых фонарей). 7 марта у Алисы (дочь) день рождения – успеваю, думаю я, даже при каких-то задержках. Не обращая внимания на многочисленных посетителей 1 этажа, поднимаюсь к регистрационным стойкам на 2-й и упираюсь в сплошную стену спин. Приподнимаюсь на цыпочки: насколько достаёт взгляд, колыхается сплошное море голов. Это море колыхалось сутки (!), слушая однообразные «...откладывается на 3 часа» и организовывая круговороты по трассам «буфет-стенка-туалет» (стенка – чтобы прислониться и сползти на корточки; на улице не погуляешь, март и довольно холодно). Утром 6-го раздаётся долгожданное: «...Одесса...регистрация». Море образует энергичные буруны, один из них несёт меня, и я говорю нетерпеливому субъекту в себе: «ну, видишь, я же сказал – успеваем!». Всё, летим. Я, едва успев пристегнуть ремень, проваливаюсь в сон, проспав кормление и тысячи километров пространства. О, пора готовиться к посадке. Но мы летим и летим. Вызываю стюардессу, показываю на часы и изображаю вопрос. «Скоро объявят». Не очень скоро, но – «приготовитесь...». Приготовились и: «..по метеоусловиям ... посадка в аэропорту города Сухуми». Оп-па. Но зато юг, весна, тепло, цветущие деревья. Затем до вечера «...откладывается на 3 часа», в течение дня садятся ещё десятки самолётов, образовав в тесном зальчике и снаружи новое море голов. Вечером энергичные сухумцы (или сухумчане? или сухумичи?) разбирают по паре десятков голов на ночлег, устраиваюсь и я за 1 рубль в курятнике на раскладушке. «Ну что, успеваем?» возникает язвительный субъект. Не успею ответить, засыпаю. В 6 утра уже колыхаюсь вместе с морем, не на пляже, конечно, а в зальчике. Субъект периодически возникает, но я его энергично отодвигаю подальше. С 10 часов начинают отправлять самолёты, к 11 дня доходит черёд и до нас. Из оставшихся 5 руб. покупаю за 3 букет роскошных кал и – летим. Одесса через час с небольшим! Хоть и поспал, но еду уже не проспал. Теперь можно и побеседовать с субъектом: «ну, видишь...». Молчит. Несмотря на прошедшее время, молчит и радио. Подзываю новую стюардессу, разговор повторяется старый. И вот: «..по метеоусловиям ... посадка в аэропорту города Львова». Это уже блям. Серо, сыро. Субъект оживает, отодвигаю. Так, 1 рубль под правую пятку (НЗ), остаток дня проходит на рации: стакан газировки без сиропа 1 коп, 1 бублик 5 коп. Под вечер летим! Дрёма, не проспать еду! Время, стюардесса, о: «по метеоусловиям ... посадка в аэропорту города Кишинёва». Оп-па-блям! Ночь коротаю в аэропорту, утром на автовокзал и за разглаженный по пяткой рубль в спасительные Бендеры, где мама, накормив меня борщом и любимой мамалыгой, снабжает деньгами. Усаживаюсь в междугородний автобус и насмешливо говорю субъекту: «ну что, я же сказал: успеваем!». Успеваю аккурат к накрытому столу и вручаю букет счастливой Алисе.

И вы ещё говорите «прилёт не туда, прилёт не сюда». Вот это был прилёт туда и сюда! Или вот ещё, когда я летел в Сургут ... Ах, да, так мы же начинали за Одессу! Хорошо, про Сургут в другой раз, только напомните!

Продолжим же с прерванного места.

Нужно сказать несколько слов о гривнах. Это национальная валюта Украины и надо обзавестись ею здесь, ведь я прилетаю поздно, а чем оплатить там проезд? Обход всех обменных пунктов на главной улице Адара в Хайфе даёт один результат: «не бывает». Бывает, нужно знать где. Нашёл сам и делюсь: если дойти по этой улице к повороту налево-вниз-ступеньки на базар, то сразу, повернув, справа есть место, где мне отстегнули 100 гривен за 85 шекелей. Доволен был очень, пока в Одессе не понял, что заплатил вдвое больше положенного, или получил вдвое меньше (в Одессе доллар стоил 8.7 гривен, и он же здесь 3.8 шекеля, т.е. мне полагалось 195 гр., ладно, с наваром для них 180, ну, 170, но не 100 же!). Хорошо, что не понял там сразу, потому что скандалить всё ещё не научился, а искать варианты было уже поздно.

Да, с этими обменами всегда что-нибудь найдёшь, возможно, кто-то помнит: «кто ищет, тот всегда найдёт!».

И был вечер, в Хайфе и потом в Одессе, и было утро, в Одессе. День 1-й – 01.09.

В аэропорту у меня, помимо какого-то там вылета, есть более важное дело. Нужно обеспечить связь. Для этого я накануне провёл получасовые переговоры с поставщиком услуг моего мобильного. Из получаса 25 минут ушло на ожидание ответа под громкую весёлую музыку, во время которого меня перебрасывали несколько раз из рук в руки, т.е. из уха в ухо: вначале бодрый женский голос на ив-

рите что-то говорит, потом тоже бодрый и тоже женский, уже по-русски предлагает для разговора по-русски нажать 2. Нажимаю. Затем после музыки-музыки-музыки уверенный мужской голос говорит: «ориентировочное время ожидания около 1.5 минут». Потом после музыки-музыки-музыки тот же голос говорит: «время ожидания возросло и составит около 3 минут, для перехода на иврит нажмите 1». Для этого я потратил столько времени и нажимал 2, чтобы по-русски, чтобы нажать опять 1, и чтобы на иврите? Нет, жду ... музыка, музыка и, наконец, бодрый женский голос говорит что-то ... на иврите. «Пожалуйста», почти плачу я, «по-русски!». О, русит, ахшав, в смысле сейчас, музыка, музыка и музыка, и все нервы уже намотаны на ножки стула во время кружения вокруг него, но вот быстрый голос что-то отвечает ... да, на иврите. Это типовой сценарий, который повторяется каждый раз при звонке в компанию. «Ну», уже на последнем дыхании-издыхании, «а по-русски?» «Да», отвечает голос, «можно по-русски», сваливая с моих плеч гору, а заодно с моего счёта приличную сумму за проведенное в сети время – по-видимому, это у них такой необременительный способ дополнительного заработка. Улаживание дела проходит молниеносно, после идентификации мне сообщают, что в аэропорту меня будет ждать специальный телефон для заграницы, который я по возвращении возвращаю. Уф! Сматываю нервы с ножек стула и заталкиваю их на место. Не подумайте, это не компания-садистка, у каждой из них свои примочки и приёмы, но любой придётся отдать минут 15 – 20, если нужно пообщаться по-русски.

Так что первым делом, первым делом не самолёты, как пели в одном оч-чень давнем фильме бравые пилоты, а стойка компании Пелефон. Вот и они: «Да, пожалуйста, можете получить, после прохождения контроля». «Так что, потом вернуться к вам?». «Нет, там есть наши люди». Ладно, идём на посадку, то есть ещё не на приземление, а чтобы посадиться в самолёт. Адреналин не дремлет, приближается минута показа бумажки, которая билет. Всё проходит на редкость буднично и гладко, и адреналин разочарованно растворяется в крови. При сдаче багажа говорю девушке, что у меня там стекло (везу пару бутылок здешнего вина) и меня препровождают к лифту, где специальный приёмщик осторожно приставляет мой чемодан к группе таких же избранных. Сервис! Вот я уже налегке, с одним портфелем в руке и посадочным талоном в кармане гуляю по холлу в поисках наших, то есть их людей, но никого похожих нет. Спрашиваю у внушительных размеров охранника, он говорит, что это дальше, после паспортного контроля. Ага, думаю я, наверное, прямо у трапа дожидаются, сервис! Прохожу и этот контроль, попадаю в необъятных размеров помещения круглой формы с выходами по периметру к самолётам и бесчисленными магазинами Duty free, буфетами, киосками с сувенирами и пр. Над всем этим пространством парит в высоте бледно-жёлтого цвета купол. Парит потому, что опорами служат совершенно несерьёзные по соотношению размеров, редко расставленные V-образные стоечки, поддерживая купол и образуя кольцевой световой зазор. Да, за это решение и исполнение я бы тоже присудил Госпремию! На всякий случай, ищу их людей и здесь, ведь связь это главное. О! Вот же, напротив киоска с какими-то совсем не дешёвого вида монетами сияет надпись «Pelefon». «Здравствуйте, на моё имя ...». Внимательный взгляд, улыбка: «иврит о англит, бвакаша», иврит или английский, пожалуйста. В общем, с их прекрасным английским и моим средним – между плохим и очень плохим – как-то договариваемся, и я получаю сумочку с телефоном, всеми к нему принадлежностями и парой распечаток, на одной из которых имелись тарифы, в баксах. «В сумочке ты и останешься, дорогой зарубежник», сказал я этому телефону, взглянув на тарифы. «Откуда такая смелость?», спросите вы. Дело в том, что у меня с собой было. Жена и многоопытная перелётчица Татьяна, летающая регулярно в Россию, и не просто в рукой-подать-Москву, а аж до Урала, а то и в другие места (конечно, Старший Брат, который Битуах леуми, он же Главный Пособник, не дремлет и все эти полёты засекает на своих радарх, что нам хорошо аукается в пособиях, но что же делать, если небо – это страсть! и не одна – есть ещё и стрижка, куда Старший Брат тоже простирает недреманное око, и семейная кулинария и мн. др., но на это, тьфу-тьфу, Старший Брат пока не простирает), вот она-то и снабдила на «мало ли что» аккуратненьким Эрикссоном, это он питал мою смелость.

Выраж 1.

Это красивое слово я выбрал для мест, где хочу высказать свои «соображения по поводу».

Чтение необязательное ни для читателей «в круге», ни вне него. А для кого? Скорее всего, для самого себя, чтобы эти мысли не крутились всё время в голове, а, будучи переведенными в байты, успокоились в другой памяти, у РС, пусть скребутся там, ему – пока его ещё не наделили эмоциями – без разницы.

Вот, думаю я себе, телефон мобильный. Какое счастье и удовольствие иметь его всегда рядом, быть всегда на связи. Сколько компаний во всём мире соревнуются, что угодить нам (разумеется, попутно не забывая угодить и себе)! Первое поколение, второе, 3G, 3.5G, 4G ... Если в 1-м нас за 5-10 минут при покупке обучали всему, во 2-м нужно было потратить денёк, то дальше уже недельные мини-курсы, а для полноценного владения красавцем 4G потребуются колледж. Зато всё, что только можно вообразить и пожелать. Фото в любой момент, звонок или сообщение, куда и откуда угодно, новости отовсюду, игры на любой вкус, музыка любая, календарь, время, будильник, беспроводное соединение для перемещения всего этого богатства в места хранения... Весь мир в кармане! Мало того, получите GPRS - самый экономный маршрут прокладывается из любой точки вашего города в любую другую в городе или стране, а можно и по земному шару – мгновенно. И

вот, в каком бы месте не оказаться, повсюду склонённые головы, быстро прыгающий по кнопкам или экрану мобильного палец, полное отключение от окружающей обстановки. Ладно, пропускаем все страшилки, регулярно появляющиеся в печати и Интернете о вреде излучения мобильного и многих прочих вредах. При этом, по данным моего Личного Статистического Управления более 90% пользователей используют менее 10% возможностей аппарата.

Известная запись у Ильфа и Петрова гласила, что все ждали – вот будет радио, и будет счастье; но вот радио уже есть, а счастья всё нет! Всё повторяется. «Вот будет телевидение, и будет счастье». Я помню счастье увидеть диктора на чёрно-белом экранчике размером с почтовую открытку поверх голов обитателей всего двора, набившихся в комнатную счастливой обладательницы первого телевизора. Сейчас уже в цвет, на любой карман, с экраном от размера газетного листа до стены гостиной, рассрочка выплаты на год, два, три. «Вот будет телефон в кармане, и будет счастье». Есть, на любой вкус и карман, от изящных игрушек до гибридов-наладонников, рассрочка выплаты на год, два, три.

А счастье, размером хотя бы в ладонь и без рассрочки, где оно?

О чём я? Я о тотальном наступлении на внутреннее пространство человека. Наше ментальное (кому больше нравится – душевное) устройство таково, что для нормального существования нам требуется не только достаточное личное наружное пространство (для разных людей и разных нужд различных размеров; ну, например, Диогену для проживания хватало бочки, а современному олигарху и виллы в пару тысяч кв.м. мало, прикупаются ещё несколько особнячков в разных странах и к ним вилочки на побережьях), нам необходимо и неприкосновенное внутреннее пространство.

Посмотрим, что получается.

Вот телевизор. Сотни каналов на всех языках мира, все жанры, все новости ежечасно, все сведения обо всём, что нужно для жизни, обучение всему на дому, медицина, спорт, жизнь животных... Ну, утром, мотаясь между ванной, шкафом и кухней, надо же, хоть краем глаза-уха схватить главные новости в мире, в стране? Ну, вечером, можно пропустить сериал, где лощёный Хуан отворачивается от рыдающей Хуаниты? И ещё сериал, где крутые сыщики заваливают ещё более крутых мафиози? А сводка футбольных новостей, что там Арсенал, как Барса? А во время обеда-ужина набежавшие за день новости?

Вот мобильник. Звонки начинаются утром в постели и заканчиваются вечером там же. Дастают в любом месте и в любой ситуации, и если сразу не откликнуться, то потом не оберешься возмущений: «чего не берешь трубку?» (интересно появление – откуда? – у всех звонящих чувства полного права на ваше внимание тут же, в первую секунду этого звонка). Уже легализована тотальная слежка – вам предлагают возможность познакомиться с сообщениями мужа-жены, друга-подруги (включая даже удалённые из аппарата): что-то вы там такое сообщаете, а кому? И чудо GPRS учудило, теперь ваше местоположение можно засечь в любой момент и в любом месте (нет, для экстремальных ситуаций, конечно, да, нужно). Бедному Оруэллу и не снилось. Остаётся самая малость: видеозапись всех наших действий через наш же мобильник на записывающее устройство Старшего Брата. И всё. Колпак опустился на землю. Мы внутри.

А вот ещё автомашина: заправка, техосмотр, пробки, место для парковки...

А вот компьютер: не загружается, тормозит, теряются файлы, Интернет отключается...

Вот друзья. Вот родственники. Вот семья. Продолжить? Да, я тоже так думаю.

Получается вопрос: где время для Личной – в смысле Личности – жизни? Где время, чтобы побыть наедине с самим собой? Просто посидеть, подумать о непреходящем, полюбоваться цветком, птицей, облаком? А вот со всех сторон советы компетентных людей для тех, кто хочет болеть не очень часто и после 60 не идти по жизни в обнимку с Альцгеймером: 2 раза в день занимайтесь упражнениями по 15-30 мин., не менее 2 раз в день медитируйте по 15-30 мин., не менее 3 раз в неделю посещайте тренажёрный зал, обязательно плавайте ... А ещё очень хорошо гулять утром и вечером с собакой.

Рецепты? Увы, я не владею латынью, у меня нет рецептурных бланков и нужного для этих целей образования.

Просто зафиксируем факт тотального наступления на личное пространство человека, в котором есть необходимые элементы – семья, родственники, друзья, для многих компьютер и машина, и вещи, которыми под видом удовлетворения наших потребностей (реклама и навязываемые стандарты моды делают их неизбежно необходимыми) нас вовлекают в безостановочную гонку к лучшему, ещё более лучшему – т.е. к ещё более дорогому, и ещё ... При этом предыдущее просто выбрасывается – нужно ли удивляться синхронному росту Гималаев мусора и стоимости жизни?

В появлении возмущённых, язвительных, протестующих голосов не сомневаюсь, но я и мой РС при своём мнении остаёмся.

Плавнo сворачиваем с Виpажa-1 нaзaд, в Тель-Авив, аэропорт Бен-Гурион.

Вpемя возни с этим зару6ежником пролетело быстро, пора и в самолёт. Прохожу ещё контроль, на наличие посадочного талона, и оказываюсь в светлом широченном коридоре, в котором размещены две длинные аппарели с боковыми движущимися тротуарами: одна, с моей стороны, для убывающих,

спускается вниз к самолёту, другая с противоположной стороны, с этого же уровня и тоже вниз, но встречно, для прибывших, ко входу в аэропорт. Прохожу-спускаюсь, попадаю в изогнутый рукав, ведущий к трапу самолёта. Наверх, к приветливым стюардессам, они смотрят мой посадочный талон и называют давно выученное наизусть место: 35-J. Медленно продвигаясь за впереди идущими, пытаюсь понять: если нумерация мест начинается с А, и мест в ряду 3+3, то А-В-С и D-E-F, причём же здесь J? Если А-В-С и J-K-L, то где будут сидеть владельцы всех промежуточных мест? Если нумерация начинается с первого ряда и идёт слева направо змейкой до конца алфавита, и потом опять сначала, то до 35 ряда это повторится, это повторится ... (34 ряда x 6 мест) : 26 букв, э-э-, 204:26, э-э-, 8 раз по 26 это 208, значит, в мой ряд попадают первые 4 буквы, А-В-С и моё место D, но никак не J. А-а, бог с ними, с владельцами промежуточных букв, пусть разбираются сами, значит 35-й ряд, и если, конечно, действует алфавитная логика, это G-H-I и J – первое место после прохода. Время на эти рассуждения как раз ушло на то, чтобы самые медлительные впереди успели утрамбовать свои неподъёмные баулы и сумки в отсеки над головами сидящих. О, да, ведь можно было просто посмотреть на таблички над креслами! Надо с этим разобраться после набора высоты. Усаживаюсь на своё J и не успеваю пристроить портфель между ногами, как возникшая передо мной дама предьявляет претензию на моё место, показывая своё L. «Как», пытаюсь возразить я, «слева же направо, J-K-L». «Нет», уверенно возражает она, «справа налево, J-K-L». Цугцванг – времени на обдумывание варианта «с первого ряда, с первого кресла справа, справа налево, змейкой» нет, пытаюсь пошутить насчёт нумерации по правилам иврита, но потом спохватываюсь, вспомнив категорический запрет Козьмы Пруткина на шутки с женщинами, и пересаживаюсь к окну. Во избежание дальнейших между нами пререканий, место посередине предусмотрительно выдано симпатичной девушке, которая отвлекает на себя всё моё внимание. Впрочем, внимание пришлось тут же переключить, т.к. она стала энергично помахивать впереди сидящему мужчине. Ладно, сосредоточимся на процессе. Пристегнулись. Просмотрели демонстрацию спасательных движений на случай чего. Стоим. Долго. Минут 100 (по ощущениям, в реальности, наверное, 10). Тронулись всё же, однако, едем помалу. Едем. Долго. Тоже минут 100. Потряхивает иногда, но наличие движения успокаивает. Прикинув расстояние до адресата девушки, и успокоив Пруткина тем, что это не шутка, говорю ей: «Ехать так будем до Одессы. К утру как раз прибудем». «Да?», удивляется она. «Да!». Подумав, она говорит: «Так, а море же?». «В Хадере у электростанции причал, там ждёт паром, потом Турция и до Одессы уже рукой подать». «О-о, первый раз так добираться». «Да, это впервые, специально для Вас». Но тут самолёт останавливается, через мгновение начинают реветь двигатели и мы, ускоряясь, начинаем взлётный разбег. Девушка вопросительно смотрит на меня. «Передумали, проблемы с паромом. Попробуйте в следующий раз!». «А-а», облегчённо улыбается она, и прикрывает глаза.

Полёт проходит в рутинных действиях, но задача не проспать ничего из положенного при раздаче.

Ну вот, выпив под занавес горячих и горячительных напитков, можно и расслабиться. О, уже приземляемся, аплодисменты, самолёт останавливается, девушка, которая рядом, упархивает, все встают и начинают выдёргивать из отсеков свой багаж. Спешу вперёд, прощаюсь со стюардессами на выходе, про нумерацию, конечно, забыл, ступаю на трап, и – таки да!

Знакомое небо, знакомый воздух, знакомый аэропорт.

Здравствуй, Одесса, как живёшь, 8.5 лет не виделись!

Вот я уже вхожу в зал ожидания, где ко мне, как и на любом постсоветском вокзале, устремляются с десятков мужчин: «Куда едем? Подвезём!». «Спасибо, всё в порядке», и группа устремляется к следующему за мной пассажиру. «Ребята», думаю, «я же в курсе, поездил сюда, слава богу, и летал-прилетал, и пока с фундаментами для цеха ремонта авиатехники возился; время, конечно, к полуночи, но на площади ещё должны появиться и 14 троллейбус, и 129 автобус, ну, в крайнем случае, возьму такси». Повозив минут 20 свой внушительных габаритов и веса чемодан по пустынной площади, где стояло несколько десятков автомобилей частного вида, возвращаюсь в зал и подхожу к мужчине, скользящему под вывеской «Прокат автомобилей». «Привет, я тут не был какое-то время, скажи, пожалуйста, как с городским транспортом?». «Привет! Да нормально». «Троллейбус, автобус?». Внимательно, но недолго смотрит на меня, отвечает: «Не бывают». «А, так что же?». «До 5 часов вечера маршрутки, потом до утра они», взгляд в сторону десятка мужчин.

Что делать, иду сдаваться. «Кто везёт?». «Куда?», мгновенно оживляются они. «Черняховского угол Говорова». «Пошли», увлекает меня в сторону выхода один (ясно, районы распределены, очередь живая), «сколько даёшь?». «Сколько берёшь?». «Сто». «Друг», мягко говорю, «я же тутешний, ну днём 30, ну вечером поздно 60, короче, 70 и всё». Откуда такая эрудиция? Звонил ещё накануне Серёже*, договаривался о встрече, он-то и подковал на всякий случай. Убедил, видимо, поехали. Как раз вовремя, потому что на том углу через 20 минут, как уславливались, должен появиться Серёжа с ключом от своей квартиры, предоставляемой мне с Аней* во владение до 10-го.

*Серёжа – это Анин соученик по 35-й школе. Аня – это моя младшая дочь, единственная из моего многочисленного потомства, которая смогла вырваться, оставив на время семью и бизнес – рекомендую: лучшее на постсоветском пространстве и в Европе, вполне возможно, что и во всём мире, ландшафтно-флористическое бюро: потрясающий сайт, потрясающие букеты, потрясающий выбор и

сервис! да что я рассказываю, заходите, любуйтесь, заказывайте: www.bambusta.ru – это не реклама, у меня нет с ними партнёрских программ и т.п. штучек! правда, чтобы не погрешить против объективности, отмечу одного цветочного мастера в Копенгагене, у него есть на что посмотреть, будете там, не пропустите, он отмечен во всех туристических справочниках. И сделала это Аня для встречи с городом своего детства в компании папаша, устроившего ей здесь это детство, как и всем остальным своим детям. Люблю её больше всех своих дочерей! Нет, и Алису, старшую дочь, тоже люблю больше всех своих дочерей! «Как же так?» – спросите вы. Точно также спрашивали и мы, я и мой младший брат Толя, у нашего папы, когда он говорил сначала, что любит Толю больше всех сыновей, и я вспыхивал, потом, что меня, и вспыхивал Толя, а потом отвечал: «Ну, ребята, всё же понятно: Толю я люблю больше всех среди всех своих младших сыновей, а Сашу среди всех старших» – и мы вдвоём бросались ему на шею. Мои девочки не смогут сейчас броситься мне на шею, не позволяют разделяющие нас моря и океаны, но при случае, не сомневаюсь.

Покружили по узнаваемым местами улицам, останавливаемся на углу Говорова-Черняховского, и не успеваю я высадиться из машины, как рядом возникает атлетическая фигура Сергея. Обмениваемся рукопожатием, он подхватывает чемодан и через несколько минут мы дома. Передача ключа, короткий инструктаж на кухне и он убегает, 2-й час ночи. Я в душ и спать, завтра – уже сегодня, встречаю Аню.

И был вечер в Одессе, и было утро в Одессе. День 2-й – 02.09.

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, ДОРОГАЯ ОДЕССА! С 215-ЛЕТИЕМ!

ЖИВИ ОДЕССА И ПРОЦВЕТАЙ!

С утра выскакиваю на Черняховского за продуктами и водой (буква «к» не участвует). На углу разменный пункт в банке, отдаю \$50 и получаю 437 гривен 50 коп. Отчётливо ощущаю себя разбогатевшим – как всегда, когда в обмен на малое количество получаешь большое. На остальных 3-х углах лотки и киоски с овощами и фруктами. Всё ослепительно красивое, вот только корнеплоды не моют так тщательно, как у нас, зато есть морковка-каротель. О! Огурцы! Какие красавцы, один в один, твёрдые, бледно-зелёные, к хвостику темнее, и – пупырышки! Не могу, сразу 2 кило. А груши, груши! Увесистые, в плотной золотисто-жёлтой кожуре, под которой благоухающая, текущая медовым соком мякоть. Не могу, тоже 2 кило. А вот любимого сорта яблок шафран не видно, так мечтал! Заскакиваю в небольшой супер рядом, набираю всего, 2 здоровые бутылки воды «Воп aqua» и домой, надо перехватить что-то и опять заняться главным: обеспечить связь!

Выраж 2.

Нет, как хотите, но я решительно не понимаю, как выжило человечество. Эпидемии, наводнения, землетрясения, ураганы, и всё это при отсутствии связи. Караваны месяцами через пустыни, группы проводников с навьюченными ослами-яками неделями по заснеженным горным тропам – и без связи. Братья Райт, Можайский, Сент-Экзюпери, Чкалов, Покрышкин, без радаров и без связи тоже! Магеллан, Васко де Гама, Марко Поло, Кук, Беринг, Амундсен, да Ермак, Никитин – и без GPRS! Конечно, язык до Киева доведёт, и все дороги ведут в Рим, но ведь они-то все в другие стороны?

Уму непостижимо. И не только великие, вот я уехал из родного дома в Одессу учиться, и там на весь город несколько почтовых отделений, откуда можно было только послать телеграмму, а позвонить в другой город – на тот же весь город Центральный почтамт на Садовой, с двумя телефонами в кабинках и очередью на полчаса. Сейчас без мобильного с места бы не сдвинулся. Значит, без высшего, ничего, со средним тоже люди нужны. Куда вслепую-то, то есть вглухую ехать?

Да, как хотите, но есть, есть незримая ниточка наверх, которая вела нас вперёд и вперёд через все невзгоды и испытания. Теперь, слава науке, прогрессу, и дорогим операторам, можно уже так сильно не волноваться по поводу её прочности – у нас есть мобильная связь! Что-о? Есть места, где люди не знают, что такое сотовая связь? Ха-ха, хорошая шутка! Отдайте её ребятам из ПрожекторПерисХилтон или из любимой команды КВН, они её обыграют.

Соскальзываем с Выража-2 в квартиру, где я наспех перекусил, и вперёд, на связь! Выскакиваю и бегу опять на Черняховского. Да, что это такое под ногами при переходе от одной асфальтовой дорожки до другой? Тёмно-серое, слегка проседает в незатоптанных местах. А-а, да земля же! Поразительно, как прочно заменилось представление о земле, которая земля, на представление о земле, как поверхности, повсеместно покрытой камнями разных размеров. Догоняю маму с двумя детьми, лет по 4-5, спрашиваю, где можно наладить мобильник. Мама немного молчит, потом смущённо говорит, что не знает. Не успеваю сказать «спасибо, извините», как мальчик выступает вперёд: «Вот там, на углу сидит дядя в окошке, чинит мобильные телефоны». «Спасибо, друг!» и маме: «Вот молодёжь растёт, всё знает». Мама с некоторым удивлением смотрит на сына и гордо улыбается.

Бегу, высматриваю дядю в окошке. Почему всё время бегу? ***Так ведь более же 12 часов обо мне ничего неизвестно! И никто не может ко мне позвонить!*** Да, есть дядя, в угловом доме у Площади 10 апреля и в окошке – какой молодец мальчик, запомнил же наверняка мимоходом. Дядя

показывает за угол, где в закуточке сидит девушка, которая за 50 гр. и пару минут меняет в Эрикссоне чип, возвращая меня в мир коммуникаций. Меня охватывает чувство покоя и защищённости: я на связи. Обзваниваю всех и вношу покой и их жизни. Заодно скажу, что за 9 дней мне пришлось внести ещё раз 50 гр., чтобы обеспечить бесперебойную и достаточно интенсивную внутригородскую и международную связь.

Теперь можно осмотреться, бывал здесь, на Площади 10 апреля, часто. Продутовый магазин осовременился, знакомая аптека тоже. Вот и трамвайная колея через площадь, пятёрочка из Аркадии по Французскому бульвару, по Пантелеймоновской мимо Привоза, по Старопортофранковской ... О-о! Какие новые красавцы-дома, блеск зеркального остекления, этажи ввысь. Здорово! Беру на заметку посмотреть и на них без спешки, и дальше вдаль – в направлении Аркадии ещё просматриваются новые высокие этажи. Возвращаюсь назад по Черняховского. Погода прекрасная, солнечно, тепло, как обычно в это время. Почти во всех первых этажах кафе, мини-магазины, отделения разных банков, аптеки и даже центр восстановления позвончика. Как-то много банков и аптек: на одном квартале 3 отделения банков, и на углу громадный банк, 2 аптеки, и в доме на Говорова, где я остановился аптека, и в соседнем доме тоже есть. Перефразируя, можно сказать, что раз банки открывают, значит это кому-то надо? И не только тем, кто открывает, значит, есть кому и что вложить! И аптеки – значит это тоже кому-то надо? Надеюсь, одеситы используют их не столько для лечения, сколько для профилактики. Много людей, много молодёжи, все хорошо одеты, все куда-то спешат или ожидают транспортные средства. И они есть – сплошной поток маршруток, легковых машин, троллейбусы пореже, автобусов вовсе не видно. Дышитесь не так легко, как раньше, воздух ощутимо загазован. Иду дальше до Фонтанской дороги, к 5-й станции. Ещё магазины, ещё аптеки, там, где есть надпись «социальная» цены пониже. По правой стороне заканчивается строительство современной многоэтажки. Перекрёсток на 5-й станции почти без изменений – памятник лётчикам на месте, появился цветочный магазин. Возвращаюсь домой поесть, теперь можно ехать в аэропорт, встречать Аню.

Иду опять на 5-ю станцию к знакомому месту остановки автобуса и маршрутки №129. Поток машин, маршруток. 10 минут, 20. Спрашиваю рядом стоящих о №129, ничего не знают. Ясно, приподнимаю руку, тут же тормозит машина, аэропорт, 30 гр., поехали. Самолёт прибывает по расписанию, в 18.30 выпархивает Аня, катя сзади объёмистый чемодан. Объятия, «Что такой чемодан?». «А наряды?», как-бы непонимающе спрашивает она. «Ах, да!». Я, уже грамотный, сразу иду к заправилам колёсного сервиса. Полный повтор вчерашних реплик, та же стартовая цена, 100 гр. Но 70 уже не проходят, последний рубеж 80, видимо по случаю праздника. Едем. Начинаем обмениваться с Аней новостями, но нам такой возможности не дают – водитель подхватывает нашу тему и начинает её развивать в своём направлении. После второй попытки поговорить понимаем, что это исключено – видимо, он считает себя обязанным исполнять и роль гида, освещая все остающиеся за окном места сквозь призму багажа своей памяти. Хорошо, что ехать не в Люстдорф или Дальник, через 20 минут на месте. С трудом заволакиваю Анин чемоданчик на 4 этаж (фолианты? кирпичи?), знакомлю с квартирой и её комнатой. Обмен подарками, я получаю настоящий «Remy Martin» (вот он, один кирпич! для непосвящённых: это одна из трёх марок настоящих напитков «коньяк» из французской провинции Шампань).

Вираз 3.

Приятно чувствовать себя настоящим мужчиной! Ведь только таким дарят настоящий французский коньяк. И тут Аню не заподозрить в лести. Меня таким воспринимают все. Вот Лёня (муж Таниной сестры, Ольги) присылает мне со своими сынами, приехавшим погостить летом, бутылку молдавского пятизвёздочного коньяка «Русское собрание» (?! – никаких параллелей провести не могу: насколько знаю, на русских собраниях когда-то пили брагу и медууху, после великого открытия великого Менделеева и по сей день русский национальный напиток, водку, а выше лесостепной полосы так и вовсе 70° спирт). Мало того, под занавес пребывания в Одессе я получаю в подарок бутылку отборного одесского коньяка с сертификатом, но об этом событии в своё время.

И вот, связав всё это воедино, я понимаю, что должен перестроить имидж и стиль жизни. Надо начать курить сигары, и не какие-нибудь, а настоящие, кубинские, ручной работы (знаете, в таких деревянных коробках, надо заказать Алисе, от них уже, кажется, туда безвизовый въезд), обзавестись смокингом, бриджами и веллингтонами, машиной с шофёром, договориться на ближайшем конном заводе о расписании верховых прогулок, обедать в клубе. В общем, есть чем заняться. Правда, если сигары, смокинг, машина и др. не проблемы, то вот клуб... Единственное общественное место, где я бываю, это Дом Учёных. Да в нём есть клубы, но вот обедов там нет. Зато на лестничной площадке есть автомат с 3 сортами кофе! Чего, уверен, ни в одном английском клубе нет. Ладно, сигары, смокинг, машина – и в Тель-Авив, в английское посольство, пусть попробуют отказать джентльмену в обеде.

Что, джентльмены пьют не коньяк, а только виски? Значит, я 100% джентльмен – я уже выпил бутылку элитного виски, подаренную мне Романом ко дню рождения - я хочу, чтобы у вас было полное представление об этом напитке: “Dewar’s 12”, TWELVE YEARS OLD, Special Reserve, Blended Scotch Whisky. 43% Vol, 750 ml. John Dewar & Sons Ltd. Product of Scotland. Правда, если*

откровенно, то коньяк вещь более приятная, но – назвался груздем, то есть, джентльменом, наливайся, то есть, наливай себе виски.

*Роман это мой сын. И хотя возрастом он ещё не обременён, в напитках разбирается, как эксперт. Нет, не алкоголик. Повар. Последнее место работы кафе «Лехем Эрец» (чуть более, чем двухгодичный рабочий стаж разнообразен: начинал мойщиком посуды в “Café-Café”, через 3 месяца уже самостоятельно работал поваром, потом повар в “Al Capone”** и даже в китайском ресторане в гостинице Dan Rapogama, последнее время также работает в престижном русском ресторане на ул. Бен-Гурион, готовит суши). Заходите в Лехем Эрец, очень вкусно и разнообразно, а также большой выбор всевозможных свежих хлебов на продажу (в Хайфе, на улице Мориа, две остановки автобусом после Аудиториума, вам покажут). Почему в кафе продажа хлеба? Так это специализация, ведь «Лехем Эрец» и означает «Хлеб этой страны». Заходите и на Бен-Гурион (эта улица продолжает аллеи знаменитых Бахайских садов). там подают нестандартные суши, творчество повара.

**По имени знаменитого американца, Аль Капоне, которому принадлежит знаменитое выражение: «С помощью доброго слова и револьвера вы можете добиться гораздо большего, чем только с помощью только доброго слова». В этом кафе советом классика пренебрегают, обходясь только добрым словом: классик не имел дела со здешней полицией.

«Папа!» доносится откуда-то.

Спрыгиваю с Виража-3, Аня повторяет «Папа!» и смотрит на меня. «Мы опаздываем!». «Куда, Анюша?». «На Дерibasовскую, там ребята играют, мы приглашены, начало в 7 часов». «Бежим! А во что они играют там?». «Папа. Не во что играют, а что играют. Они играют музыку». Больше уже ничего не спрашиваю, бежим на угол, запрыгиваем в маршрутку, через 20 минут на Греческой площади, выбегаем на Дерibasовскую. «Куда?». «К ирландскому пабу, там для нас заказан столик». М-м-м, притормаживаю, джентльмены не бывают в пабах... Ах да, это же ещё впереди, пока можно. Вот уже доносятся усиленные мощными динамиками звуки оркестровой музыки с зажигательным ритмом. Проталкиваемся сквозь плотное ограждение из стоящих слушателей, лавируя между занятыми столиками проходим в первый ряд, и садимся рядом с сияющей худощавой женщиной, отбивающей такт ладонями. Аня знакомит нас, это мама Серёжи. Музыка бушует, рядом с пабом, под стеной дома, в ярком свете прожектора полукругом сидит квинтет её генераторов.

Что он, этот квинтет, генерирует, т.е. исполняет? Ирландскую народную музыку 19 и 20 вв., есть и шотландская. Но не простую народную музыку, а в собственной интерпретации, стиле и аранжировке.

Как исполняет. Сказать «Прекрасно!» это ничего не сказать. «Великолепно, неподражаемо!» – и этого мало. Потому, что ещё и вдохновенно, и азартно, и весело, и – профессионально. Высокопрофессионально. При том, что это хобби, увлечение для души, способ доставить себе и слушателям радость от совместного полёта – каждый из них «в миру» занят собственным делом.

Когда исполняет. Каждую пятницу, с 19.00; сегодняшний концерт, в среду, исключение по случаю Дня рождения города.

Сколько времени исполняет. 1.5 часа безостановочно, перерыв около 10 минут, ещё раз 1.5 часа безостановочно.

Оцените стиль: ирландский паб, ирландское пиво, ирландская музыка, авторский джазовый стиль, голосовое сопровождение – английский язык, непрерывное вдохновенное исполнение.

Позвольте представить (слева направо):

Виктория – скрипка;
Богдан – виолончель,
жалейка;
Сергей – гитара;
Олег – ударные;
Николай – скрипка,
банджо, керамическая
флейта.

Войдите в «Youtube» по адресу: «Aistominainbox. <http://www.youtube.com/watch?v=ObA9VRGvYTE>» и вы увидите и услышите их «живую» в нескольких записанных фрагментах.

Время летит незаметно, по окончании концерта Олег произносит благодарственные слова и приглашает публику на следующее выступление. К ним подходят поклонники и поклонницы, разводят по сторонам и долго выражают свои восторги. Затем усталые музыканты собирают аппаратуру, сматывают кабели и заносят всё в паб, зачехляют инструменты и мы – они и я с Аней: Аня на правах близ-

кой подруги, я на правах «при ней» – отправляемся к Олегу на работу, где инструменты хранятся. Это недалеко, на углу Греческой и Преображенской. Поговорив немного, все решают, что нужно подкрепиться, и мы спускаемся вниз, в кафе на углу, судя по уверенным шагам Ани – давно ею облюбванное (как я обратил внимание, эта уверенность была у неё во всех местах, где нам приходилось перекусывать, по-видимому, её вниманием были охвачены все достойные его точки). Заказываем, каждый себе по вкусу, но Вика с Колей прощаются и уходят. После лёгкого (у меня, за остальных не ручаюсь) ужина, выходим на Преображенскую, Серёжа ловит машину, и мы едем домой. Вскоре нас покидает Алекс, Серёжа через пару остановок, и мы с Аней вскоре добрались домой.

Я засакиваю в свой минисупермаркет, хватаю с разбега 2 знакомые бутылки воды с синими этикетками и прихожу домой. Знакомлюсь с библиотекой, много художественной литературы, есть и специальная, по самым разным областям знаний, Аня усаживается за свой ноутбук. Вскоре слышу из кухни: «Папа, посмотри, какую ты воду купил!». Выхожу, Аня дежит в поднятой руке бутылку, я всматриваюсь в надпись и вижу внизу «Сильногазированная». «Не открывай», беру бутылки и мчу в супер, подхожу к молодому человеку за компьютером, которого я аттестую на должность дежурного администратора. «Вот, купил полчаса назад, но не заметил, что газированная, можно поменять на обычную?». «Чек?». Шарю по карманам, «не сохранился». Аттестованный администратор слегка пожимает плечами и отворачивается к экрану. Что делать, всё ещё нет у меня привычки современного покупателя раскладывать все чеки по видам товаров в скоросшиватели и хранить их в специальном шкафу до окончания употребления покупки или до истечения срока годности. Покупаю ещё 2 бутылки с тщательным прочтением этикетки от первого до последнего слова, несу всё домой. Аня рассматривает содержимое пакета и не без ехидства говорит: «Ага, вижу поменял и ещё прикупил», (от кого это у неё, ума не приложу, ни я, ни Таня никогда себе такого не позволяли – набралась, конечно, в университете и в самостоятельной жизни). Не поддерживаю эту тональность – «Решил газированную оставить Сергею, наверняка среди его гостей найдутся любители».

День удался. За одним исключением: Одесса отпраздновала 215-летие без нас. Жалко, судя по газетным описаниям, было очень много интересного и весёлого. Ну, мы тоже хорошо провели время, да ведь и не за горами 220-летие, там уж мы ничего не пропустим.

И был вечер в Одессе, и было утро в Одессе. День 3-й – 03.09.

У нас с Аней, помимо прогулок и встреч с её друзьями, а у меня с моими знакомыми, есть метатель: обход исторических семейных мест. В программе: места и дома, где мы рождались, жили, учились. Наутро намечена встреча с Аниной школьной подругой, Таней, а затем по программе. Едем маршруткой до конечной остановки, угол Греческой и Александровского проспекта, выходим к Греческой площади, о-о, какой гигант-торговый центр на месте старого дома, какие страсти кипели при его отселении, разборке и в начале строительства на его месте нового здания. Какими прекрасными и глубоко аргументированными статьями в «Вечерней Одессе» возражал против строительства Виталий Чечик, обосновывая свою позицию, в том числе, и замыслом отцов-основателей города: Греческая улица – это градостроительная ось с востока на запад, завершающим акцентом которого являлся Собор на Соборной площади. И новое здание закрывает возрождаемый Собор. А дом на площади был построен в советские времена, после разрушения собора.

Из памяти-2.

Витя, Виталий Чечик... Сокурсник, учились с ним в одной группе. Высокий блондин, немного нескоординированный, слегка рассеянный, он обладал феноменальными способностями во всех науках. Учился легко, периодически становясь центром внимания всего курса. То он приносит курсовую работу по начертательной геометрии не на положенных полулистах белого ватмане с чертежами чёрной тушью, а на громадном листе черной бумаги, где многочисленные проекции фигуры (много больше, чем требовалось) и её аксонометрии (требовалась одна) были вычерчены разноцветной тушью, что произвело неизгладимое впечатление на всех – и на преподавателей, и на нас. То на лекции по железобетону, где излагались закономерности температурных деформаций конструкций, когда в конце лектор произносит дежурную фразу «вопросы есть?» и в ответ повисает тягостная тишина, Витя говорит: «есть – а как поведёт себя при нагреве кольцо?». Доцент поворачивается к доске со словами «ну, так это же так...», рисует внутренний круг, затем постепенно замедляющимся движением наружный, потом подносит к глазам часы и объявляет: «за недостатком времени мы рассмотрим это на следующей встрече». Для «этого» недостаток времени остался до конца нашей учёбы (через много лет я наткнулся на статью в одном журнале, где «это» рассматривалось на многих страницах, покрытых вязью из формул). То он становится героем всего потока, когда атлет и штангист Юра Измайлов однажды появляется с подбитым глазом и на удивлённые вопросы, обыгрывая комизм ситуации, со вздохом отвечает: «Чечик побил!», вызывая хохот и одновременно уважение к Вите – ведь всем было понятно, что у Вити никаких шансов не было, но смелость уважаема всегда (как это бывает часто, они потом много лет дружили). Когда мы с Сеовой Великановым (тоже сокурсником и другом, о нём ниже) писали дипломные работы, у Севы что-то долго не получалось с расчётами, и я ему помочь не мог; однажды появляется Витя (уже год, как не учился – тоже ниже) и на вопрос «как дела?», Сева говорит: «вот, не идёт что-то». «Давай посмотрим» – Витя бе-

рёт учебник, недолго читает и потом подробно рассказывает, что к чему. После его ухода Сева говорит мне: «знаешь, я никому, ни в чём не завидую – только Витиным мозгам!».

Смелость и твёрдость характера прошли с ним через всю его жизнь: и на последнем курсе, на лекции ректора, когда шутник Жора Лернер выдернул из под него стул, и он с грохотом вместе со стулом упал, потом встал и на виду у ректора и всей аудитории влезил шутнику оплеуху, за что на другой день оба были исключены из института (Витя через год досдал все предметы и защитил диплом); и когда он, народный дружинник, смело бросился на двух воров в трамвае и с помощью пассажиров задержал их; и когда, будучи одним из десятков старших инженеров, вступил в спор с самым главным конструктором проектного института, отстаивая свой вариант расчёта, а когда тот презрительно о них отозвался, подал заявление об увольнении (главный инженер института с трудом добился от них примирения); и когда он публиковал в «Вечерней Одессе» разоблачительные статьи в адрес Одесских теплосетей, доказывая завышенность расценок на отопление, за что был жестоко избит неизвестными в своём подъезде, но вышел из больницы и продолжил публикации.

Он уверенно прошёл по ступеням карьерной лестницы – старший инженер, руководитель группы, начальник отдела, главный конструктор института, а в 90-х годах стал известным в городе человеком, как автор многих актуальных публикаций в газетах, кандидат в депутаты.

Возвращаюсь к дому на Греческой площади: да, конечно, замыслы отцов-основателей это прекрасно, и градостроительные оси важны, но что эти эфемерные вещи против тарана бизнеса, ось которого всегда направлена в точку получения максимальной выгоды. Дом был снесен, когда начиналось восстановление Собора, и впоследствии на его месте вознёсся торговый центр.

Проходим мимо Русского и Детского театров и у подъезда дома, где работает Олег, встречаем Таню со старшей дочкой в коляске и Серёжу. Таня совершенно не изменилась с тех пор, как я её видел в 10 классе, такая же тонкая и улыбчивая. Объятия, знакомство с дочерью, и все поднимаемся к Олегу, в рекламную студию. Замечательное это место, работа Олега: в центре города, просторные комнаты, где у стен стоят компьютеры, гостеприимный народ, всегда можно завалиться, попить чайку или ещё чего, поболтать – но в меру, конечно. Вскоре Олег освобождается и вся компания отправляется в «Компот», перекусить и попить настоящий, домашней закатки компот, это на Дерибасовской, там где, если кто помнит, был «Стейк», а ещё раньше гастроном. Проходим Греческую площадь – выглядит прекрасно, расчищенная от мелких строений, выложенная узорной брусчаткой, с действующим фонтаном – выходим на Дерибасовскую, оставляя справа огороженный для строительства участок, вот и «Компот». Заказ, разговоры, но я несколько отстраняюсь, мне нужно переписать из старой – «одесской» записной книжки телефоны для звонков людям, с которыми я хочу встретиться. Переписал и подключаюсь к трапезе, в середине которой приходит Танин муж с младшей дочерью. Становится ещё веселее, а вот и компот, в литровых банках под закатанными крышками, да, настоящая домашняя закатка вишни. Поев и выпив – только компот! – расходимся по своим делам. Мы с Аней начинаем поход по семейным историческим местам – ИМ. Сворачиваем на Гаванную, где к старым ресторану и кафе по левой стороне добавились ещё и по правой живописные рестораны и кафе, и вскоре выходим в исторический переулочек Некрасова.

Здесь находится ИМ-1 (вообще-то, порядок нумерации моих ИМ в Одессе, если перечислять их в историческом порядке, должен быть несколько другим: экипаж Вышего мореходного училища на Пастера – ИМ-1, общежитие Инженерно-строительного института на б. Комсомольской № 28 – ИМ-2, дом №, не помню, на ул. Южной, квартировал с сокурсником Юрой Журбенко в 6-метровой комнатухе у дворничихи – ИМ-3, и т.д., но эта нумерация будет использована в другом месте – в «Жизнеописании», здесь же описаны семейные ИМ).

Итак, ИМ-1. С этим переулком и домом №2 в нём, вернее с его квартирой на 1-м этаже (6 окон) и его обитателями, была связана моя жизнь на протяжении десятилетий.

Из памяти-3.

В этой большой квартире с незапамятных времён обитала семья Великановых. Я впервые попал в неё по приглашению Севы, с которым мы подружились на 1-м курсе. Здесь я познакомился со всеми его тогдашними и появившимися позже обитателями: с Любовью Яковлевной, мамой Севы и Кирилла Антоновича, старшего брата Севы, с Полиной Георгиевной, женой Кирилла Антоновича, с другом семьи, известным в прошлом адвокатом Раухвергером (принадлежавший когда-то ему великолепный дом и поныне украшает улицу Екатерининскую), с детьми Антоном и Сергеем.

Нижеследующие описания, конечно, не исчерпывают всей полноты личностей персонажей моих фрагментарных воспоминаний и основаны на услышанных мной их рассказах о себе и друг о друге, и впечатлениях от встреч с ними.

Все обитатели квартиры были людьми незаурядными.

Любовь Яковлевна, известный в городе психиатр, заведующая отделением в психоневрологической больнице на Молдаванке, прекрасный знаток литературы, музыки, и, конечно, прекрасная мама и кулинар, остроумная и гостеприимная хозяйка. Из многих эпизодов отмечу случай, когда она, будучи уже много лет на пенсии, вдруг появляется дома с двумя увесистыми авоськами картошки. Кирилл Антонович подхватывает их и говорит: «Мама! Ну, зачем ты это делаешь! Что же, мы не купили бы картошку сами?». «Не могла пройти мимо, выбросили по 30 копеек» (для современного читателя: «выбросили» это не на мусор, а на прилавки, т.е. неожиданно появилось в продаже; из того же набора слов времён тотального дефицита – «дают», это не подходи и бери даром, а тоже вдруг появилось в продаже). «И на чём же ты приехала?». «На трамвае». «Ма-ма! Разве нельзя было взять такси?». «Что? Чтобы картошка стоила мне не 30 копеек за килограмм, а 40? Никогда!» – ответом был дружный смех и поток шуток. Но вдобавок ко всему, Любовь Яковлевна обладала уже редким по тому времени качеством – она была носителем настоящего, бабелевского «одесского» языка, усвоенного в детстве на Ближних мельницах и сохранённого на всю жизнь; и хотя она не пользовалась им повседневно, но иногда по ходу разговора вставляла пару слов или фраз, вызывая смех присутствующих. И этот её дар оказался востребованным: к ним специально приезжал знаменитый Зиновий Гердт, чтобы освоить дух и интонации этого говора во время подготовки роли Паниковского в фильме «Двенадцать стульев». Так что в успехе этой роли и фильма была заслуга и Любви Яковлевны.

Кирилл Антонович. Всегда оживлённый, с открытой дружелюбной улыбкой, остроумный и обаятельный, он покорял всех с первого знакомства. Прекрасный знаток литературы и искусства, коллекционер картин одесских художников, хорошо владел французским языком. Фанат радиотехники, он постоянно заменял аппаратуру на самые последние модели, дружил с радиомастерами. В не меньшей степени был и фанатом автомобилей, также переходя от распространённых моделей к новым. Когда я с ним познакомился, он был восходящей звездой урологии в Одессе, кандидатом медицинских наук, с законченной рукописью докторской диссертации. Как отметила на одном его дне рождения сокурсница, вся группа была поражена, когда узнала, что он читает в учебниках всё, даже необязательный справочный текст мелким шрифтом, который все пропускали. Блестящий хирург, он смело и успешно применял всё новое, что появлялось в его области, а во многом и опережал – ему принадлежала первая разработка искусственной почки, он первым применил радиоактивный метод анализа короткоживущими изотопами для диагностики состояния почек (у моей жены Татьяны, когда она была беременна Аней, были какие-то отклонения в анализах мочи, что вызывало сильное беспокойство врачей; Кирилл Антонович пригласил её на эту процедуру и дал заключение, что с почками всё в порядке; после рождения Ани, что-то опять вызывало озабоченность врача в роддоме и их задерживали там на неопределённый срок – авторитет Кирилла Антоновича был настолько высок, что одного его звонка оказалось достаточно для выписки: как он мне объяснил, эти отклонения вызывались повышенной эмоциональностью Тани и колебаниями её настроения, что отражалось на гормональном фоне и находило отражение в анализах). Доцент кафедры урологии, затем профессор, заведующий этой кафедрой в Одесском мед. институте, доктор медицинских наук, блестящий хирург, он пользовался необыкновенной популярностью у больных, которые называли его «доктор-солнце». Специально для него на территории Горклинбольницы на ул. Малиновского бала построена урологическая клиника, с первых дней открытия ставшая местом паломничества больных из Одесской и других областей Украины (географический круг, возможно, был шире).

Полина Георгиевна. Что вспоминается сразу – это гармоничная красота лица и фигуры. Но это была не застывшая в самолюбовании красота, это была живая, душевно расположенная ко всем очаровательная молодая женщина. Происходила она из простой семьи (родители были дворниками), которая (думаю, что без дидактики, а просто примером своей жизни) привила ей самые главные человеческие ценности – смелость и независимость, сострадание к слабым и беззащитным, тягу к знаниям. Эти качества и определяли выбор поступков в её жизни. Во время оккупации Одессы двое близких ей людей оказались в застенках: тётя и подруга. Вина тёти была в том, что отцом её ребёнка был еврей – тюрьма. Вина подруги была в том, что она была еврейкой – гетто. Полина Георгиевна чувствует себя обязанной сделать всё, чтобы им помочь. Вот она, молодая девушка, идёт на приём к комиссару жандармерии города (! – несмотря на предупреждения об опасности этого шага), и, зная что он румын, спрашивает с порога: «Вы христианин?» (на этом, как я понимаю, был построен интуитивный психологический расчёт – вывести начальника из рутинного круга представлений о своих обязанностях). На необычное начало обращения полковник отвечает «Да». «Моя тётя сейчас в тюрьме с моим маленьким братом, они погибают! Прошу Вас, как христианка христианина, не дайте погибнуть христианской душе, освободите их!». И их освободили! Вторым шагом стала помощь подруге: увидев как-то на улице священника, она бросилась к нему и умолила его дать ей свидетель-

ство о крещении подруги. Получив это свидетельство, она передаёт подруге предупреждение, предъявляет свидетельство в Управление гетто – и подругу освобождают! Через много лет в Израиле, в мемориальном комплексе памяти погибших евреев во 2-й мировой войне, на аллее Праведников Мира появится дерево, посаженное в её честь. В школьном возрасте перечитала русскую и зарубежную классику, всю жизнь не расставалась с лучшей прозой и поэзией. Блестяще окончив Медин, она попадает в аспирантуру к руководителю – «диктатору», требовавшему прорабатывать огромное количество материала из источников в самые сжатые сроки. Из всех аспирантов она единственная приняла вызов участвовать в этой гонке, и единственная защитила диссертацию в установленный срок. Кандидат медицинских наук, доцент, она читала лекции в Медине, на курсах повышения квалификации врачей и даже офицерскому составу милиции. Конечно, она была и любящей женой и матерью, вырастившей с мужем двух сыновей – Антона и Сергея.

Кирилл Антонович и Полина Георгиевна протянули мне щедрую руку помощи в трудный момент жизни, когда я разошёлся с женой Галиной. Не считая для себя возможным разменять квартиру, в которой она осталась с нашей дочерью Алисой, я очутился перед стеной советской системы прописки: чтобы выписаться оттуда, нужно было представить справку из районного отделения милиции, куда я собирался перебраться; но получить такую справку можно было только при переезде к родственникам и только при наличии у них излишков жилплощади. Как говорится, без вариантов. Правда, один вариант был – вернуться через 27 лет после отъезда к папе с мамой, в Бендеры – морально очень малопривлекательный выбор. При этом, бросив начатую работу над диссертацией и потеряв одесскую прописку. Здесь в очередной раз проявился прекрасный характер этой семьи. Через несколько дней, после настойчивых расспросов Полины Георгиевны по поводу моего подавленного настроения, Кирилл Антонович при встрече сказал мне: «Саша, позванивай нам каждый вечер и жди известие». Позвонив в очередной раз я услышал: «Саша, завтра в 8 утра будь у меня в клинике, на Малиновского». «Слушаюсь», отвечаю. Наутро я у входа, вахтёр предупреждён и меня пропускают наверх, в кабинет заведующего клиникой. Сажусь в первой комнате, через некоторое время открывается дверь, выходит Кирилл Антонович с милиционером высокого чина, и, заканчивая разговор с ним, произносит: «Так что не беспокойтесь, ничего серьёзного, выполняйте рекомендации и через пару недель дайте мне знать, как идут дела. А вот тот молодой человек, о котором я Вам говорил – Александр Коган». Я говорю «Здравствуйте», начальство кивает и предлагает поехать с ним. Кирилл Антонович протягивает мне руку и ободряюще хлопает по плечу. Садимся в милицейскую Волгу и я в первый и, видимо, последний раз в жизни еду через весь город без остановок на красный свет светофоров и стоящими навтыяжку с правой рукой у козырька фуражки постовыми милиционерами. Проходим в приёмную, где я недолго жду, потом секретарь отвечает на телефонный звонок и говорит мне: «Поезжайте сейчас в райотдел, где живут Великановы, там напишете заявление на прописку к ним». Поехал, написал и через 3 дня был выписан со старого адреса и прописан к ним - постоянно! Высокий авторитет и высокая душа Кирилла Антоновича. Конечно, я у них не жил, ночевал у знакомых, но эта история имела продолжение. Через некоторое время, зайдя к ним в гости, вижу там знаменитого Зиновия Гердта. Кирилл Антонович знакомит нас и говорит, что я живу у них. Как это? – удивляется Зиновий Ефимович. Кирилл Антонович с юмором пересказывает историю с пропиской, но Гердт остаётся серьёзным и обращается ко мне: «Саша, Вы порядочный человек?» (по-видимому, он знал о положении, по которому каждый прописанный в квартире постоянно имел право претендовать на свою часть жилплощади путём размена). «До точки равновесия, Зиновий Ефимович», отвечаю я. «Что это значит?». «Это значит, что до точки, когда выгоды порядочности перевесят выгоды непорядочности, я порядочен, но если ситуация переходит эту точку, то меня остановить нельзя!». «Да, Котя (так в близком кругу называли Кирилла Антоновича), похоже, вы с Полей вляпались. Но откровенность подкупает, да?». Пошутили ещё, посмеялись и беседа перешла в другое русло.

Благодаря дружбе с семьёй Великановых я познакомился со многими другими знаменитыми в то время людьми, которые регулярно наезжали в летний сезон в их гостеприимный дом, где их принимали на даче – с Татьяной Тэсс, Аркадием Райкиным, Тарапунькой и Штепселем (Тимошенко и Березин), с друзьями Кирилла Антоновича, остроумными и весёлыми людьми – математиком, профессором Яковом Хургиным из Москвы, офтальмологом, профессором Юрием Горбанём из Ленинграда, со знаменитым капитаном знаменитой одесской коменды КВН Валерием Хаитом.

Сева. Всеволод Антонович. Оказавшись с ним в одной группе после поступления в институт, я – как и все без исключения, кто его видел – не мог устоять перед его обаянием, познакомился, а позднее и подружился. А так как он со школы был дружен с Витей Чечиком и Витей Макаровым, то мы все стали друзьями.

Рослый, прекрасно сложенный брюнет со светлыми глазами зеленоватого отлива – уже этого было достаточно для покорения девушек «с первого взгляда». Костюмы ему шили на заказ, так как купить готовый было нельзя: размер пиджака 52, размер брюк – 48. Но это было ещё далеко не всё. Слегка смуглая кожа, ослепительная улыбка, чувство юмора, прекрасный рисовальщик, любитель искусств, спортсмен. Однако, всем этим богатством он не злоупотреблял, ему была присуща сдержанность и интеллигентность, хотя любил компанию и застолье.

Расскажу один эпизод из студенческой жизни, характеризующий его популярность у прекрасной половины нашего курса. В циркульный зал как всегда стремительной походкой вбегают профессор, читающий курс «Сопроотивление материалов». Кивком отвечает на приветствие вставшего со своих мест потока, берёт мел, поворачивается к доске, затем поворачивается обратно и спрашивает: «Сегодня 8 марта?». «Нет», отвечает несколько разрозненных голосов. «У девушек диспансерный день?». «Нет», отвечает хором десяток голосов. «А где же девушки?». «На стадионе!», отвечает весь зал. «У них зачёт по физкультуре?». «Нет!», весь зал. «А что же там?». «Великанов прыгает в высоту, межвузовские соревнования». «А-а! Конспектируйте тщательно, чтобы девушки смогли потом переписать. Начнём!» (замечу в скобках, что пропуски занятий были наказуемыми, но девушек это не остановило).

Учился хорошо, по распределению был направлен на работу в Харьков, институт «Укрэнергопроект». Вырос от рядового инженера до главного инженера проекта Атомной электростанции. Каждое лето приезжал в отпуск в Одессу, первый раз сам, потом с молодой женой Светой, а потом и с сыном Петей. Эти приезды были временем наших регулярных встреч, длительных вечерних заплывов в море, застольных бесед на гостеприимной даче Кирилла Антоновича и Полины Георгиевны.

Прекрасные, увы, давно ушедшие времена...

Возвращаюсь к нашей с Аней прогулке. Из переулка мы вышли на Преображенскую, повернули направо и по правой же стороне, мимо бывшего Института Народного хозяйства, пошли к следующему ИМ-3, дому № 4 – описание приведено ниже, после ИМ-2. Оттуда выходим на б. Комсомольский бульвар, ныне – Жванецкого!

Бульвар украсился небольшим памятником, как оказалось, ... апельсину*.

*После того, как Аня выставила в сети фото этого памятника со своим вариантом названия, я добавил в комментарии свой вариант – как позже оказалось, оба не угадали. Недавно мне прислали небольшую фотозарисовку этого бульвара с пояснениями, откуда я узнал впервые историю апельсина в истории Одессы. Оказывается, во времена императрицы Екатерины II было открыто финансирование строительства одесского порта, но дела шли вяло, и новый император Павел I, получив рапорт об этом, повелел финансирование закрыть. Однако одесситы, получив урок, решили испробовать нестандартный путь получения благосклонности императора: узнав, что он обожает апельсины, раздобыли несколько десятков мешков этих плодов, загрузили сани и отправили в Петербург, присовокупив просьбу о деньгах для порта. И император оценил остроумие и повелел возобновить отпуск денег.

Вот, оказывается, почему появился этот памятник, в углублении которого разместились фигура императора-благодетеля. Наверху изображения здания оперного театра и портика у Воронцовского дворца.

Осмотрев памятник, мы направляемся к крайнему слева дому, месту моих давних мечтаний: магазину «Медтехника». Аня остаётся на скамейке с видом на море, я вхожу вовнутрь. Здесь можно приобрести аппликаторы Ляпко и водяной термометр до 100°C !!

Выраж 4.

Это место, где я собираюсь отвести душу по поводу некоторых – незначительных! – неудобств здешней жизни. Побрызгать, в общем. Помню, как я был удивлён по приезде отсутствием магазина радиодеталей. Не то, что я такой уж радиотехник или радиолобитель, чтобы без этого магазина ни дня. Но вот понадобился он сразу и позарез, потому, что вышел из строя ползунковый регулятор громкости в коробочке, с помощью которой я мог усиливать звук при телефонных разговорах. Какой пустяк, подумал я, заменю сам, и пошёл на поиски магазина. Ходил и искал долго, пока знающие люди не подсказали, что не надо бить зря ноги, таких магазинов здесь нет. Но, расспросив в чём дело, посоветовали идти в «Безек». Это монополист проводной телефонии в стране, который продаёт, устанавливает и чинит аппаратуру. Пошёл, отстоял часовую очередь, кое-как объяснил технику проблему, он посмотрел на коробочку издали и выразительно показал на мусорную корзину. Как, возмущился я, из-за такой мелочи! Он пожал плечами и пригласил следующего очередника. Я выбросил, конечно. Но дома, в свою корзину. Постепенно до меня дошло устройство здешнего мира: любая вещь с самой незначительной поломкой, если вышел гарантийный срок и нельзя заменить какой-то блок целиком – выбрасывается. Для человека, выросшего в традициях бережного отношения к вещам, приученного при необходимости их чинить и восстанавливать, это очень трудно принять. Однако, позволяет уяснить одну из причин непрерывного подорожания жизни: дело не только в кризисах, но и в постоянном втаптывании в землю труда тысяч людей.

Термометр водяной, до 100°C. Да пустяк, любая аптека! После 3-й, где мне снова дали термометр для детской ванночки – хотя везде я говорил о 100°, я сдался. Отложил до приезда каких-либо род-

стенников, друзей из более отсталой страны, или своей поездки в такую страну. Отсутствуют также магазины «Химтовары», «Учебные пособия». Ну, как и все израильтяне, выживаем без них.

Магазин, как и название, сохранились практически в том же виде, что и до нашего отъезда. Однако, если с Ляпко проблем не было, то с термометром произошла осечка, есть только до 200⁰С, что меня не устраивает. Закупаю партию аппликаторов на всех родичей и мы идём по ул. Торговой к ИМ-2. Мимо знакомой аптеки на углу Преображенской, мимо других знакомых домов, мимо бывшего много лет родным Нового базара (надо будет специально по нему побродить). Через Новобазарный переулок выходим на ул. Конную, вот и угловой дом (слева ул. Нежинская), историческое место 2. Этот дом построил в начале прошлого века купец Семён Шмушкович. Построил со знанием дела, для своей семьи и для будущих поколений: стены метровой толщины из ракушечника, сохранявшие прохладу летом и тепло зимой, 1-й этаж магазин, с подвалом для товаров, 2-й этаж жилой. Память о нём сохранилась на фронте, в виде вензеля из букв СШ (нижнее фото). Конечно, большевики не потерпели такого размаха, и после экспроприации всего, что можно было, оставили наследникам 2 комнаты и тёмный закуток под кухню – здесь размещались примус, раковина и топка голландской печи, обогревавшей обе комнаты. Удобства во дворе, общие для всего двора. На фото эти 2 комнаты смотрят на улицу окном и балконной дверью на 2-м этаже, а также 2 окнами слева от балкона.

Из памяти-4.

Здесь выросли 3 дочери Семёна Шмушковича: Мария, Соня и Лиза. Старшая технолог пищевой промышленности, средняя врач, младшая окончила консерваторию по классу фортепиано (училась в одно время с Д. Ойстрахом и была с ним знакома). Старшие дочери выпорхнули из гнезда, а младшая, выйдя замуж за инженера-строителя Давида Конторовича, осталась в доме отца. Здесь родилась и выросла их дочь Галина, принявшая моё предложение руки и сердца. Здесь родилась и росла наша дочь Алиса до нашего переезда на ул. Преображенскую.

Лиза Семёновна. Добрейший и скромнейший человек, полностью посвятившая себя семье, она всегда была в непрерывных хлопотах. Базар, готовка, стирка, уборка – всё это занимало её время с утра до вечера. И это становится понятным, если учесть, что у неё на вооружении на всё про всё был один примус, на котором варилось, тушилось, жарилось и пеклось для стола, кипятилось бельё и грелась вода для стирки. Но дом вёлся образцово, на чистой скатерти 3 раза в день накрывался изобильный стол во всём разнообразии блюд украинской и еврейской кухни, со свежими молочными продуктами, овощами, фруктами, компотами и морсами. При отсутствии холодильника, стиральной машины и пылесоса, а уж о таком извращении, как посудомоечная машина не упоминаем. Из всего ассортимента бытовой химии – стирочное мыло и каустическая сода. Кран с водой во дворе. Утюг на древесном угле. И забежать в магазин, чтобы купить какой-то полуфабрикат для ускорения готовки, кроме лапши или вермишели, было нельзя, то есть, забежать было можно, купить было нельзя за отсутствием таковых в то время. Всеми её развлечениями были разговоры с соседками и вечерние беседы за ужином, когда собиралась вся семья, встречи по праздникам с сёстрами и их семьями. Сегодня такая жизнь воспринимается, как подвиг, хотя так жили миллионы женщин в то время, и считали такую жизнь нормой.

Давид Львович. Худощавый, выше среднего роста, энергичный и открытый, он с утра до позднего вечера пропадал на работе. Известный в городе инженер-строитель, начальник ОКС'а (отдела капитального строительства) знаменитого тогда на всю страну станкостроительного завода им. Кирова, он в своё время построил здания института им. Филатова с поликлиникой и здание бывшей оперетты, впоследствии кинотеатр на ул. Старопортофранковской, рядом с Привозом. Рассказывал мне, что во

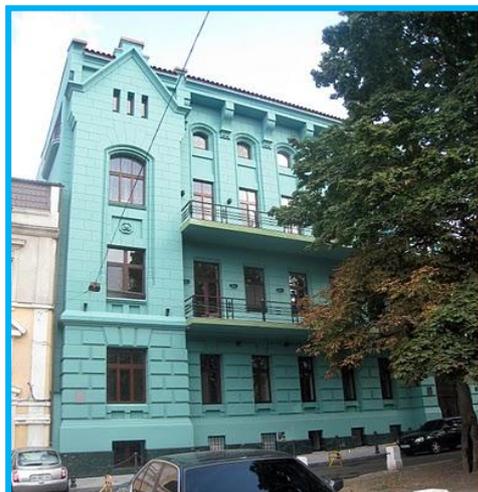

время строительства институтских зданий, сам Филатов предложил ему «подсадить» шевелюру, но он отказался. Любил юмор и шутки, с удовольствием вёл беседы за столом. Был без ума от внучки, учил её разным словам, а потом демонстрировал успехи: «Алиса, скажи, как ты сидишь на стуле?». «Увешинно!» уверенно отвечала маленькая Алиса. «Вот лепетуха!» в восторге восклицал он и от избытка чувств выскакивал на балкон покурить. Когда мы отдали Алису в детский сад недалеко от дома, на ул. Дворянской, ей там не понравилось: по рассказам воспитательницы она плохо ела, плакала. Тогда Давид Львович сказал мне, чтобы я привёл Алису в их заводской садик, который располагался напротив завода, в начале ул. Базарной. Конечно, это требовало раннего подъёма, что ей поначалу не нравилось, так как приходилось идти пешком по Нежинской до Толстого, там садиться на троллейбус №2, маршрут которого пролегал мимо Соборной площади, по Дерибасовской, далее по Пушкинской, Б. Арнаутской до Белинского и после поворота налево по ней до конечной остановки, прямо напротив Базарной. А в 9.00 я должен был войти в свой строительный отдел №2 на 2-м этаже ПИ-3 на Дерибасовской, где в дверях стоял начальник отдела Владимир Харитонович и после звонка встречал каждого опоздавшего тяжёлым вздохом и «последним» предупреждением. Так что, передав Алису, я бегом припускал кратчайшим путём через парк Шевченко, вниз по Карантинному спуску, через Деволановский и Польский спуски, и по ступенькам вверх на Дерибасовскую – прекрасная утренняя пробежка, которую я бы без необходимости ... понимаете сами, но Алиса со своим дедушкой вовремя вывели меня правильную стезю. И скоро она уже с радостью спешила туда, потому что приносивший прибыль государству завод (продукция шла на экспорт! половина работников КБ были лауреатами разных премий) мог позволить себе содержать садик не по тощему государственному пайку, а как положено для нормального развития детей: полноценное питание с овощами и фруктами по сезону, дневной сон с весны до осени на воздухе под навесами, развивающие игры и даже ... английский язык. И однажды Алиса, когда мы весело коротали с ней время в переполненном троллейбусе на обратном пути (так как садились на конечной остановке, то занимали свободные места в середине салона), на вопрос, что сегодня им читали, ответила: «Учили стихи». «Можешь рассказать?». «Да», и начинает декламировать звонким голоском: «My doll is so pret-ty...» – я, за неимением места куда упасть, сползаю вперёд со скамейки, окружающие с улыбками поворачиваются к ней – в то время английскую речь можно было услышать только по радио от английского диктора, а тут ребёнок – она же без смущения продолжает: «Her eyes a so blue, Her checks a so rose, Her dress a so new». Вокруг начинают негромко хлопать, по моему телу бегут толпы мурашек родительской гордости, я обнимаю её, а Алиса, сияя, хлопает всем в ответ. «В садике», отвечаю я на вопросы откуда это у неё, «В каком таком садике?», - «Заводском», под общий вздох сожаления о недостижимости такого для них. Не могу дождаться, когда мы соберёмся все вместе и Алиса поразит их своими успехами. Поразила, дедушка был почти без чувств, но потом настал и мой черёд, потому что она, вдохновлённая успехом, сказала: «А я знаю ещё!» и с поразительно точной артикуляцией и чувством продолжила: «Once was one farmer, And at his farm was a chicks. Here a chicks, There a chicks – Everywhere, a chicks and chicks!». Все бросились обнимать её и целовать, а дедушка побежал в магазин за шоколадкой. Потом он при каждой встрече с родственниками не давал никому слова, пока Алиса не выступит со своим номером. Так что «английская посадка» в будущем была для неё предопределена, хотя сначала была обычная, а уже потом английская школа, но об этом ниже.

Вот первая школа Алисы, в Лютеранском переулке, рядом со знаменитой кирхой. Сейчас школа выглядит прилично, но тогда это было довольно унылое зрелище. Тем не менее, на успехи Алисы это особенно не повлияло, всё вокруг было унылым, осыпающимся, но так как дети росли в этом окружении, они считали, что так и должно быть и это проходило мимо их внимания. После переезда на Преображенскую 4, Алиса пошла

учиться в расположенную недалеко школу на ул. Короленко. На фото справа: два крайних проёма на верхнем балконе – дверь и окно – и были нашими. В этом доме, в комнате на 3 этаже, в весёлой коммуналке мы прожили насыщенную событиями часть жизни. В нашей комнате мы устроились с максимальным комфортом: посередине, вдоль длинной стороны стоял книжный стеллаж, отделяя столовую с выходом на балкон от спален – Алисиной, со стороны окна, и позади, за шкафом, нашей с Галей. Коммуна представляла собой широкий коридор, по обе стороны которого размещались огромные комнаты, по 30 кв.м., в каждой по балконной двери и большому окну. С нашей стороны было 4 комнаты, с противоположной 3, и общее количество коммуна-

ров составляло 18 человек взрослых и детей. В конце коридор поворачивал под прямым углом направо, сужаясь вдвое и выходя в кухню, где у каждой комнаты был свой столик и своя над ним лампочка, включавшаяся из той же комнаты, в углу находилась мойка. Из общего добра у коммунаров, помимо коридора, был 1 унитаз в туалете, 1 кран на кухне и 3 газовые плиты.

По-видимому, особо развитое воображение не понадобится, чтобы представить себе ежедневное утреннее столпотворение у туалета и на кухне, когда все спешили на работу, а дети в школу. Но жили без трений, все вопросы разрешались спокойно и доброжелательно. Здесь у Алисы была подружка-сверстница Нина, с которой они весело проводили свободное время.

Дом обновил свой зелёный цвет и попал, очевидно, в крепкие руки: он выглядит прекрасно, я бы сказал выстоянно – новая качественная столлярка, новое остекление, новые ограждения балкона, наверное, полная перепланировка на этажах. И новое красивое заграждение на входе – войти и подняться наверх, как я хотел, не удалось.

Отсюда я завербовался на 3 года на север, в Коми АССР, отсюда по возвращении попал на ДСК (домостроительный комбинат), а потом и перейдя на работу в ОИСИ. Галина во всё время проживания здесь трудилась на одном месте, в СМУ-3 треста «Одесжилстрой». Алиса, поучившись в школе на Короленко, перешла за своей подружкой Мариной в английскую школу №35, впоследствии школу-гимназию в начале проспекта Гагарина. Окончив её, она как-то не могла определиться с дальнейшим путём, нравилось многое, но захватывающего не было. Тогда я определил её к молодой паре скульптора и художницы в ученицы (они вели кружок рисунка и лепки во Дворце пионеров, который размещался недалеко от нас, в доме Воронцова), обозначив цель: поступление на архитектурный факультет ОИСИ. Все трое, начав с нуля, плотно поработали месяц, и первый экзамен – рисунок гипсовой головы Персея, Алиса сдаёт на 4 балла (из 5). И дальше дела шли неплохо, что было на финише подтверждено красным дипломом.

С её дипломной работой была связана интересная интрига. Алиса выбрала тему «Дом Знаний в Одессе», для известного тогда всесоюзного Общества «Знание». Вдохновлённая работами знаменитых классиков нового времени – Корбюзье, Нимейера, Сааринена, она стремилась к необычным формам, и после недолгих поисков представила своё эскизное решение к очередному обходу дипломантов руководством кафедры. Тут нужно отметить, что лучших студентов для руководства дипломной работой выбирал себе зав. кафедрой, потом отбирали себе доценты, остальные доставались старшим и рядовым преподавателям. Алиса, как полная отличница, входила в первый круг профессора Гараканидзе Михаила Касьяновича, заведующего кафедрой архитектуры и градостроительства. Вот и обход, профессор в сопровождении свиты подходит к её месту и все смотрят на эскиз: круглое, слегка вытянутое по вертикальной оси куполообразное строение было образовано рядом массивных пустотелых балок, сходящихся вверх, промежутки между ними заполнялись сужающимися лентами остекления. Всё это было бы вполне заурядно, если бы не находка – балки были не прямолинейными, а изогнутыми в плане по плавным спиральям, и в вершине не соединялись, но опирались на кольцо, и слегка отогнутыми вверх концами образовывали подобие венца. «Вертится!», радостно воскликнула Алиса, показывая мне эскиз накануне обхода. Однако профессор не разделил её восторга, и с характерным грузинским акцентом произнёс: «Это формализм! Не годится», и пошёл к следующему дипломанту.

«Формализмом» было всё то, что не укладывалось в каноны советской архитектуры, достижения которой известны (остроумно высказался тогда о советской архитектуре один московский архитектор: «весь пафос советской архитектуры символизирует кирпич – или поставленный на длинный торец, или вертикально, на короткий»). Как и во всех сферах тогдашней жизни, советские каноны в каждой из них должны были соблюдаться неукоснительно, поэтому реакция профессора была понятной: он не мог нарушить каноны, на которых ему было вменено воспитывать студентов.

Вердикт профессора был чреват не столько перспективой перехода к какому-нибудь очередному кирпичу, приукрашенному карнизами и фронтоном, с лихорадочным навёрстыванием потраченного времени. Что было гораздо хуже, он был чреват утратой радости от находки. А находка была неординарной – к идее «закрутки» здания, как элементу динамической архитектуры, придающему решению особую экспрессию, пришли через десятилетия другие архитекторы, в том числе и всемирно известный испанец Калатрава (на одной из его выставок в Нью-Йорке пару лет тому назад в числе других макетов была представлена прямоугольная башня, слегка закрученная вокруг вертикальной оси. В Стокгольме возведена такая 45-этажная башня, но автор мне неизвестен, возможно, это сам Калатрава).

Алису и ситуацию спас Игорь Михайлович Бесчастнов, доцент кафедры (и друг Кирилла Антоновича, и со мной в приятельских отношениях). Увидев в облике здания сходство с куполом обсерватории (тема его кандидатской диссертации), и поняв, что его назначение отвечает возможностям разме-

ждения планетария с учебной обсерваторией, он договорился с профессором о руководстве дипломным проектом. И была работа с увлечением, и было интервью с самим академиком Богатским, ректором Университета и председателем областного общества Знание, и была защита и увенчавшая её отличная оценка.

Продолжу рассказ о зелёном доме. Мы бы застряли навсегда в этой коммуне, если бы не энергия Галины, я никак не мог сориентироваться, как действовать, и был в этом плане пассивен. Она же общалась на работе с прорабами, инженерами, профкомовскими деятелями и постоянно искала возможности, чтобы вырваться из коммунального плена. И ей показали направление: трест начал строить кооперативный дом и там была неафишируемая запись. Но это было не так, что вот, захотел – и нате вам, пожалуйста. Надо было соответствовать по всем параметрам – положительная характеристика с места работы, ходатайство за подписями «тройки» (начальник, парторг, профорг), и, главное, подойти по размеру входного на запись отверстия: на каждого постоянно прописанного в имеющейся квартире должно было приходиться не более 9.0 кв. м. жилой площади. А у нас, буржуев, по 10.0! Спасает, как всегда, моя сестра Люда (как всегда – это позже стало её принципом жизни, а тогда это было в 1-й раз). Она выписывается из Бендер, и я её прописываю к нам, но её прописывают «временно» (по такой пописке можно было прожить всю жизнь, но попытки постоянной прописки пресекались для не членов семьи, чтобы пронырливые граждане не становились в очередь на получение государственного жилья, свет в конце которой просматривался уже для детей и внуков). Постоянные препятствия тренировали изворотливость советских людей, и вот, ломая голову, как прописать Люду постоянно, я решаю пойти на приём к председателю нашего райисполкома и попросить о прописке сестры, мотивируя это необходимостью её длительного лечения, которое есть только в Одессе и т.д. Иду в приёмный день, захожу в роскошный особняк на Приморском бульваре, на двери приёмной читаю: «Председатель ... Павлов ...». Ну, думаю, мало ли Павловых, явное совпадение фамилий, это же кресло партийной и исполкомовской номенклатуры, но тот Павлов?

Дело было в том, что некоторое время тому назад, когда мы ещё жили на Конной и я работал в Одесском пункте НИИ внедрения новой техники, у нас на самой нижней должности инструктора появился скромный молодой человек с простой русской фамилией Павлов. Работа наша была связана с постоянными командировками в соседние области, в одной из них мы оказались вместе, вечера свободны и обстановка располагает к общению, во время которого однажды он пожаловался, что только приехал с молодой женой в город, снимают угол, но с пропиской дело тупиковое. Я пригласил его к нам, дал адрес, в уверенности, что Галина не откажет, наша площадь позволяла прописать временно ещё 3 человек. Однажды вечером они пришли вдвоём с бутылкой вина, мы все посидели, поговорили о том, о сём, потом я объяснил Гале ситуацию, прибавив, что ребята гарантируют выписку, как только подыщут что-то. Они вперебой начали клясться, заверили, что отблагодарят, но я широким жестом пресёк вмешательство денег в благородные поступки. Всё прошло нормально, через некоторое время они выписались, а вскоре он исчез из моего поля зрения, и мы забыли о них.

Ну вот, захожу в приёмную, записываюсь у секретарши (в то время ещё можно было тут же), жду. Подходит моя очередь, захожу в огромную комнату с позолоченной лепниной на потолке и над окнами, с потрясающим видом на бульвар и порт. Всё это настолько отвлекло меня, что на сидящего за огромным столом я обращаю внимание, только пройдя почти всё расстояние до него. Фокусирую зрение и слышу: «Здравствуйте, Александр Романович!». Да, это тот Павлов. В улыбке на заднем плане прочитывается некоторое удовольствие от моей секундной растерянности. Быстро беру себя в руки, тоже широко улыбаюсь и возвращаю наши отношения на прежний уровень: «Здравствуй, ну ты даёшь!». Поправившийся, уверенный, довольный, улыбается ещё шире и разводит руками. После обмена вопросами о семьях, спрашивает: «Так что Вас привело?», я протягиваю заявление с просьбой о прописке, он читает и пишет резолюцию. «Вот, пойдёте к начальнику райотдела милиции, всё будет в порядке!». Благодарю, желаю успехов и ухожу. Если быть откровенным, я сомневался, но тем приятнее было удостовериться, что положение его не испортило. Скажу сразу, что всё прошло гладко, несмотря на настойчивые старания присутствовавшей в милиции на приёме помощницы майора удержать его от этого шага. Но кадровый служака понимал смысл резолюций: «Рассмотреть вопрос» это значило или отказать, или решить по своему усмотрению, а вот принесённое мной «Прошу решить этот вопрос» уже пространства для движений в стороны не оставляло. Люда была прописана, мы протиснулись в очередь, Мария Семёновна, Галина тётя, ссудила нас деньгами на первый взнос, и вскоре мы переехали в роскошную, 3-комнатную квартиру улучшенной планировки на 6 этаже дома в новом престижном районе «посёлок Таурова». Правда, там задерживаться не стали, т.к. нужно было вернуть деньги, да и размеры ежемесячных выплат были не для нас, поэтому поиски Галины по обмену привели нас в 2-комнатную квартиру, тоже очень неплохую, с паркетными полами, на Черёмушках. Разница в площади позволила вернуть занятое и даже кое-что прикупить из мебели.

Но недумение от встречи с Павловым осталось и было рассеяно несколько позже, когда я узнал, что он женат на дочери одного из секретарей ЦК Молдавии. Не знаю, почему при таком заслоне были трудности с пропиской – то ли дочь посвоевольничала, то ли ещё что, но потом мощь руки тестя проявила себя в полную силу.

Правда, со временем положение всё же испортило моего бывшего подчинённого – он сел за квартирные взятки. Мы ещё как-то раз встретились через несколько лет, когда он освободился. Изменился не сильно, был очень скромен, и хоть я не поднимал об этом разговора, он сказал: «Вот, навесили дело». Я, ответил что да, бывает, и для поддержки духа сказал, что все мы помним и благодарны ему за помощь, которую он нам оказал. «Ну, что Вы, это я ваш должник». Больше мы не встречались и, как пишут в показаниях, о его дальнейшей судьбе мне ничего неизвестно.

Вот какие повороты были у нас в те времена, когда вместе с общей борьбой за светлые идеалы нужно было вести и свою частную борьбу за сносное существование.

Мне ещё раз довелось побывать в этом роскошном кабинете, уже у другого руководителя, и тоже успешно, но эта история уже относится к более поздним временам.

Продолжаю описание нашей прогулки – после дома на Конной я заглянул во двор ещё одного нашего ИМ, на Новосельского 50, где мы с Таней, Аней и Ромой прожили 8 лет, а Аня все 9 лет. На месте нашей квартиры разместилось белое 2-этажное строение, довольно заурядного вида. Спираль этого витка нашей жизни начиналась на тогдашней Площади Потёмкинцев, ныне Екатерининская площадь, продолжилась на Сегедской улице и завернула на Новосельского. Этот большой, счастливый, интересный и содержательный отрезок нашей жизни будет описан отдельно, а пока мы держим путь обратно, по Нежинской к Преображенской. Выходим к маленькому скверу, где расположились герои книги В. Каверина «Белеет парус одинокий» Петя и Гаврик. Посидели немного на скамейке, к нам присоединяется Сергей. Едем все домой, на вечер у Ани назначена деловая встреча на ул. Космонавтов, а мы с Серёжей приглашены в качестве сопровождающих. Дома перекусываем, чем Бог послал, а послал Он через меня хумус (это такая мягкая паста из зёрен бараньего гороха с приправой из пахучей травы), вино «каберне совиньон» фирмы «Реканатти», здешние овощи и хлеб. Получилось неплохо, судя по тому, что Серёжа попросил без него на хумус особенно не налегать.

Отправляемся на ул. Космонавтов, рассекающую Юго-западный массив пополам. Выходим на предпоследней остановке троллейбуса, ведомые Аней проходим между домами, она находит нужный и, оставив нас наружной охраной, поднимается вверх. Сидим, болтаем, потом я вспоминаю о звонках и набираю номер Димы, Дмитрия Сергеевича*. Отвечает женский голос, затем трубка переходит к Диме. Представляюсь, но ожидаемая реакция удивления или интереса не появилась, голос звучал как-то тускло и равнодушно. Задав пару обычных вопросов о делах и здоровье, сворачиваю разговор. Потом звоню Арнольду*. Тут я не сомневался в интересе, но ответ меня удивил – с некоторой присущей Арнольду замедленностью речи я услышал: «Александр Романович, я счастлив!». Говорю, что я тоже очень рад его услышать, договариваемся о встрече. Рассказываю Серёже, как бывает в жизни, что иногда ждёшь одно, а получается другое. Довести рассуждения до философского обобщения не удалось, появившаяся Аня увлекает нас в обратный путь. Разъезжаемся по домам, заныряем по очереди в душ, пьём чай и спать.

*Дима при нашем знакомстве, был молодым и энергичным совладельцем частной строительной фирмы. Познакомил меня с ним Арнольд Волошин, которого Дима привлёк к погружению свай, поскольку в предприятии Арнольда имелась единственная в своём роде установка для безударного погружения свай. У Димы возникли затруднения при ведении работ на Греческой площади, вплотную к 2-этажному жилому дому, и я смог ему помочь. Потом он меня привлекал к работе на других объектах и мы успешно сотрудничали. Подвозил меня на своей машине домой, отношения были тёплыми. На этом уровне отношений мы расстались, когда я уехал, и, поэтому, для меня оказалась неожиданной вышеописанная реакция на мой звонок. Что-то, по-видимому, произошло за эти годы.

А с Арнольдом мы были знакомы со времени работы у легендарного одесского строителя Игоря Викторовича Авербаха, бывшего управляющего трестом «Южтрансстрой», создателя первой в городе государственной фирмы «Стройпрессмаш», вице-президента Всемирного клуба одесситов. Знакомство с Игорем Викторовичем, перешедшее незадолго до его кончины в дружеские отношения, требует отдельного обстоятельного изложения.

Арнольд всегда почему-то относился ко мне, как к авторитету, рассказывал с юмором о перипетиях создания сваевдавливающей установки (чтобы исключить возможность её последующего копирования, он заказывал отдельные узлы по разным заводам, а сборку выполнили своими силами, с участием будущих операторов) советовался по разным строительным вопросам, часто говорили с ним «за жизнь».

И был вечер в Одессе, и было утро в Одессе. День 4-й – 04.09.

Утро начинаю с поиска утюга, нужно погладить рубашку. Говорю Ане, что не нашёл, в ответ слышу: «Папа, сейчас уже не гладят рубашки». «А как же, носят мятые?». «Да». К мятому гардеробу в близневосточном окружении я привык, но здесь..., что-то внутри протестует, но делать нечего. Пер-

вую половину дня решаем с Аней посвятить посещению Академии Строительства. Едем до Греческой, там по Александровскому проспекту идём к следующему ИМ – в ОГАСА. Выходим на Старобазарный сквер, где я прошу Аню подождать пару минут для посещения необходимого места. Место, мало изменившееся со времени последнего посещения лет 10 тому назад, поднялось только в одном аспекте сервиса – стало платным, за чем следили две габаритные тётки. Возвращаюсь назад, Ани нет. Оглядываюсь кругом и вдруг вижу её совсем в другом месте в обществе молодого человека. Он сидит на каменном парапете, они о чём-то разговаривают. Подхожу ближе, Аня, улыбаясь неизвестно чему и еле сдерживая смех, говорит: «Вот, молодой человек спрашивает, как пройти к гостинице Чёрное море». «Екатерининская угол Малой Арнаутской», не задумываясь, говорю я. Ещё бы я не помнил!* Аня начинает ему показывать направление, сопровождая жесты английскими комментариями. Когда молодой человек удалился, Аня дала волю смеху, оказывается, он обратился к ней по-английски, и когда она ответила, он облегчённо вздохнул «наконец-то», но когда Аня сказала: «о, вот и папа идёт», он скроговоркой произнёс: «скажи ему, что я только спросил дорогу!». Тут я понял причину её веселья, и заметил, что у молодого человека ощущается явный перебор негативных последствий после общения с местными девушками.

* Эта гостиница памятна мне ещё с 70-х годов, когда её начинали строить по проекту КиевЗНИИЭП'а. Где-то в верхах было решено привлечь в город (страну) очень состоятельных туристов, для чего в дополнение к интуристовской гостинице «Красная» было решено построить ещё одну, более высокого уровня комфорта и сервиса: при гостинице должен был быть гараж с дежурными водителями, гостю полагался личный секретарь-референт, гид, и др. Я работал тогда главным технологом ДСК, которому было поручено изготовление для гостиницы наружных навесных стеновых панелей. Загвоздка была в том, что по проекту утеплителем должно было быть пеностекло, с которым мы не имели дела, у нас такие панели изготавливались из «тёплого» перлитобетона. Вот начальство и отряжало меня на планёрки с участием проектантов с задачей отбиться от хлопот с пеностеклом, и отбиться мне от этой чести не удалось, хотя шаткость нашей позиции была мне ясна изначально: какие доводы можно было привести против пеностекла – заказать, привезти, разрезать по нужным размерам, уложить в опалубку, установить каркасы и залить бетоном, какие проблемы? Только то, что мы не имели с ним дела раньше, но это очень слабый и коварный аргумент, потому, что тут же мог последовать едкий вопрос: «разве Одесский ДСК не может это дело освоить?». Но даже если нужно было бы освоить технологию применения утеплителя для космических аппаратов, мы бы никуда не делись – стройку курировали отделы строительства ЦК КП Украины и Одесского Обкома партии. Так что и ДСК, вслед за мной, не отбилась, и, чертыхаясь, освоило (при резке пеностекла образовывалась мелкая, опасная для лёгких пыль, помимо респираторов пришлось городить отсасывающие воздух устройства) и поставило на стройку эти панели. Вот почему этот адрес мне так запомнился.

Выходим на Старопортофранковскую, потом мимо Водного института, по ул. Дидрихсона, в ОГАСА – Одесскую Академию Строительства и Архитектуры, до того ОИСИ – Инженерно-строительный Институт, бывший в небольшой период своей истории ОГИ – Одесским Гидротехническим Институтом (мне удалось попасть в этот период и получить там диплом инженера-гидротехника).

Из памяти – 5.

Улица Дидрихсона, №4... В здании через дорогу от этого номера началась моя жизнь в Одессе, а в №4 она продолжалась в течение 5 лет учёбы, и, после 16-летнего перерыва, длилась тут ещё 17 лет.

Начало было окрашено радужными мечтами о дальних морских походах, шумных портах в экзотических странах, и многими другими красочными картинками, описанными в прочитанных книгах. Но эти радужные мечты имели вполне прозаическую основу. Дело было в том, что когда я заканчивал 10-й класс, родители с грустью сказали мне, что они мечтали бы дать мне высшее образование, но содержать меня во время учёбы не могут, ведь в семье ещё 2 детей, а заработков заводского мастера и медсестры едва хватает на жизнь. «Ничего», бодро сказал я, «вот в Одессе есть мореходное училище, учёба на полном обеспечении, еду туда поступать». Получил благословение, завернул в газету школьную характеристику и аттестат зрелости, сел в поезд и покатил в Одессу. На вокзале расспросил, как попасть в мореходку, сел на 28-й трамвай, и вот я уже на улице Дидрихсона, а вот и Мореходка, красивое здание с колоннадой и портиком над входом. По указателям попадаю в комнату, где за несколькими составленными в ряд столами сидят, скучая, несколько женщин. Подхожу к самой представительной и говорю: «Здравствуйте, вот я хочу подать документы для поступления в Мореходное училище». Все оживляются, моя визави со вздохом отвечает: «Молодой человек, к нам так поступить нельзя». «А как же?». «С нами списываются в конце учебного года, высылают копии таблиц успеваемости, и мы вызываем подходящих». «Но я не знал, вот приехал из Молдавии, что же мне делать?». «Попробуйте обратиться к председателю приёмной комиссии, он на 2 этаже». Иду на 2 этаж, стучу в массивную дверь, получаю разрешение войти. В большой комнате за большим столом сидит морской капитан, спрашивает, в чём дело. Излагаю. «Покажите аттестат», показываю. «Ну, неплохо». (по истории, химии и биологии были хорошие оценки, остальные отличные). Звонит по

внутреннему телефону: «Примите документы у молодого человека с прохождением мандатной комиссии, дайте направление в экипаж». Благодарю капитана, прощаюсь и на крыльях планирую вниз – вот здорово, приняли! А в экипаж, это как, сразу на корабль? Приняли, дали справку и направление в экипаж, но не на корабль, а на ул. Пастера – оказалось, что «экипаж» это название общежития училища. Всё равно хорошо, есть крыша. И вот около 10 дней ходим строем (ну, не маршируем, конечно, в колонну по 3, вольным шагом) из экипажа в училище и обратно 2 раза в день – утром на завтрак, потом консультации и занятия, обед, потом вечером на ужин. И всё это время ходим мимо довольно высокого коричневатого каменного забора по чётной стороне Дидрихсона. По чётной потому, что там посередине тротуара была выложена дорожка из квадратных плит вулканической лавы, остальное пространство и весь противоположный тротуар были вымощены известняковым булыжником (эти плитки попадали в Одессу из Италии, куда отсталая царская Россия поставляла через одесский порт зерно всей Европе, а для придания порожним судам на обратном пути остойчивости их загружали плитками). О, этот известняковый булыжник! Подошвы обуви сгорали на нём за пару месяцев, но раньше, чем иссякал запас проклятий и ругательств в его адрес. Да, так вот, заканчивается август, последняя суббота, послеобеденное время, мы в экипаже занимаемся кто чем, когда распахивается дверь нашей комнаты и дежурный спрашивает, есть ли тут Коган. «Да!». «Быстро в приёмную комиссию». Я вполне недоумённо бегу туда, попадаю к знакомой даме, которая говорит: «У вас для мандатной комиссии не хватает справки с места работы отца. Нужно срочно представить, иначе не допустят к экзаменам». В полной растерянности выхожу на улицу. Дело к вечеру – послать телеграмму? Завтра воскресенье, в нашем городишке могут доставить и в понедельник. Позвонить? Куда, в то время домашние телефоны были только у старших партийных и городских деятелей и у руководителей предприятий. И тут вспоминаю, что отец дал мне на всякий случай телефон главного электрика завода, которому он был положен на случай каких либо неурочных сбоев с электроэнергией на заводе. Бегу на главпочтамт, на Садовую, благо недалеко, отстаиваю 4-часовую очередь, соединяют и я излагаю просьбу. Мы были давно знакомы, дружили семьями, поэтому я не сомневался, что он передаст всё отцу. Даю ему адрес экипажа и говорю, что буду ждать ответ телеграммой. На завтра, предупредив дежурного о возможной телеграмме, получаю от него в 3 часа дня бланк с текстом: «Саша, встречай Ивано-Франковский, вагон 6, спроси проводника Степана, справка у него». В то время отсюда курсировал единственный поезд через Молдавию – «Одесса-Ивано-Франковск», раз в сутки, отправление вечером, прибытие сюда утром. В понедельник встречаю поезд, хватаю справку и мчусь в мореходку. Вбегаю в комнату приёмной комиссии, комиссии уже нет, но в углу сидит моя знакомая. «Вот, пожалуйста, справка, о которой Вы говорили». Она смотрит на меня с некоторым сожалением: «Молодой человек, уже полчаса, как все пишут сочинение». «А, так как же...». «Вот, распишитесь в получении документов». Оглушённый, выхожу на улицу и бреду вверх по Дидрихсона.

Приехав в следующем году домой на каникулы, я узнал от отца эпопею со справкой. Тут следует пояснить, что отец, начальник цеха, был на своём судоремонтном заводе на высоком счету, как главный и единственный бурлак. Да, он освоил это старинное занятие, тянул в одиночку и вытягивал. В то время весь контингент рабочих завода (не только этого, конечно) был преданным поклонником Бахуса, и отдавал тому почести и до работы, и в обед, и после работы, используя самый доступный для обряда напиток – красное, креплёное. Естественно, с выполнением планов дела были плохи, так как Бахус не способствовал концентрации внимания и другим качествам, необходимым на такой работе. Но вот судоремонтный цех, которым руководил Роман Маркович, как-то постепенно стал выправляться и даже выполнять план. Тогда директор завода переводит отца в токарный цех, и тот тоже вскоре выплывает. Что отец делал с этими людьми, я не знаю, но факты говорили сами за себя. Так он стал профессиональным бурлаком, кружа по должностям начальников разных цехов, бурлача с раннего утра и до позднего вечера и вытаскивая эти цеха из топей невыполняющих план к берегам выполняющих. У него был необычайно высокий авторитет и у рабочих, и у руководства, которое повысить ему 70-рублёвую зарплату не могло, но засыпало благодарностями и грамотами ко всем праздникам, Этот авторитет и сыграл свою роль в деле со справкой. Папа утром (воскресенье!) пошёл домой к директору Зазанскому, попросил о помощи, тот написал записку начальнику отдела кадров, где велел зайти за машинисткой, пойти за завод, открыть отдел кадров, отпечатать справку, поставить печать и принести ему на подпись. Что и было исполнено, и 4.30 утра понедельника папа был на вокзале, где в это время делал остановку в Бендерах поезд, идущий в Одессу из Ивано-Франковска, и передал справку. Очень было неприятно потом было осознать, что столько людей было потревожено в единственный тогда день отдыха ради этого фарса, который разыграли со мной в мореходке.

Ну вот, бреду я вверх по улице, повесив голову, направляясь в экипаж за чемоданчиком и планируя вечером сесть на поезд, как уже вверху, на углу Мечникова, утыкаюсь в чью-то грудь. Поднимаю голову и вижу своего одноклассника Борю Волошина. Как всегда сияющий и улыбающийся, он постоянно был полон каким-то неисчерпаемым оптимизмом. Довольно хорошо учился, но всё своё свободное время отдавал рисованию, которым он был невероятно увлечён. Берёт меня за плечи и спрашивает: «Здравствуй, Саша, что ты тут делаешь?». Даже не прореагировав на неожидан-

ность встречи, отвечаю: «Да вот, хотел в мореходку, но не вышло». «И куда теперь?». Я не хотел выглядеть в его глазах отступившим перед трудностями человеком, поэтому говорю: «Попробую, наверное, в политех». Боря взрывается: «Какой политех? О чём ты говоришь! Вот же строительный, и в нём архитектурный факультет! И на лестницах там развешаны такие акварели, обалдеть можно!». «Какие акварели, Боря, какой строительный, где он?». «Да вот, же, обернись», и показывает на нескончаемый коричневый забор. Я поворачиваюсь, но кроме забора ничего не вижу. «Ладно, пошли!», говорит Боря, и взяв под руку, ведёт меня назад. Я вяло сопротивляюсь: «Боря, ну какой я строитель, какая архитектура, я же и карандаш брал в руки только, чтобы что-то начертить». «Неважно, научим!». «Так уже начались приёмные экзамены». «Не везде», и мы ныряем в небольшую калитку. Справа перед нами торец серого 2-этажного здания, перед ним небольшой садик с деревьями и фонтаном, слева стадион с футбольным полем, за ним необозримый пустырь. «Ну!», я слежу взглядом за поднятой Бориной рукой и сверху читаю надпись из белых объёмных букв: **ОДЕССКИЙ ИНЖЕНЕРНО – СТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ** (она есть на том же месте и сейчас). Вот что значит приземлённый подход к жизни, без обращения взора не то что к небесам, но даже чуть повыше заборов. Все 10 дней я проходил по несколько раз вдоль этого забора и не подозревал о существовании за ним института. Но Боря не оставляет мне времени на философские раздумья и ведёт ко входу, за ним на первом этаже, в полукруглом помещении, за столами с табличками всех букв алфавита сидят женщины, и, увидев нас, начинают улыбаться. Боря ведёт меня к букве «К»: «Вот, мой товарищ хочет поступить в институт». «Пожалуйста, на какой факультет?». Теряясь от такого гостеприимства, говорю: «А какие есть?». «О, много хороших и разных – архитектурный, ПГС - промышленное и гражданское строительство, ВК – водоснабжение и канализация, ОВ ...». «Нет, нет», останавливает её Боря, «архитектурный!». Заполняю бланк, сдаю все документы, получаю справку в их приём, направление в общежитие, мне показывают доску с расписанием консультаций и экзаменов. «Идём!», Боря ведёт меня к лестнице, где на стенах развешаны действительно красивые акварели. «А! Ты такое когда нибудь видел?». «Нет!», честно сознаюсь я, и потому, что не интересовался, и потому, что отыскать в то время какую либо книгу по искусству, ещё и с иллюстрациями, кроме как в больших библиотеках, было делом почти невозможным. «Так», говорит Боря, «пропущу я эту консультацию, идём, оформишься в общежитие, а потом – в столовую, пообедаем». Я послал телеграмму домой о смене направления в жизни и получил по новому одобрение от родителей.

Кто, или что влияет на судьбу человека? Одни авторитеты настаивают на Высших силах, другие на звёздах, планетах, предках и загадочной карме, третьи на генах. Как выразился один из персонажей Райкина «Мога быть, мога быть!». Но мою судьбу решил Боря Волошин, и я ему за это был и остаюсь всегда благодарным. Да-да, конечно, вопрос: «А кто устроил эту вашу встречу?» имеет право на существование, и простор для обсуждений по поводу участия в этом Высших сил и звёзд, планет и кармы, предков и генов имеется достаточно большой, но поскольку я всё же простой строитель – то без моего участия.

Затем были какие-то необычайно лёгкие приёмные экзамены (кроме рисунка, где я неожиданно для себя и Бори получил 4 балла в первый и последний раз в жизни, дальше у меня больше тройки со скипом никогда не было), с перерывами по 4-5 дней, а перед последним, по немецкому языку, так все 10, во время которых я съездил к папе в Карголино-Бугаз, где он отдыхал по путёвке профкома, и где я провёл незабываемо прекрасные дни, но для подробного описания экзамена по рисунку и этого эпизода зарезервировано место в «Жизнеописании» (ждите появления). Секреты же лёгкости поступления открылись позже, когда я узнал, что тут был страшный недобор и, чтобы не сокращать факультеты и преподавателей, МинВУЗ распорядился отсрочить начало экзаменов с тем, чтобы неудачники из других ВУЗов могли, как и я, обрести шанс на высшее образование. Неприятной новостью для всех поступивших на архитектурный факультет стало его отсутствие: набор сюда был объявлен для приманки, всем предложили на выбор остальные специальности. Мы с Борей пошли на ПГС, но если для меня в этом не было ничего особенного, то Боря не стерпел такой подножки, и через год перевёлся в институт связи. И хотя там на 1-м курсе более глубоко изучали математику, и были дополнительные предметы, он всё досдал и окончил институт, став связистом. Мы с ним встретились в Бендерах, на каникулах один раз, потом, к сожалению, я его больше не видел.

Вот такой колоннадой с фронтоном, бульжном с плиткой и забором с калиткой было обставлено начало одесского периода моей жизни.

Мы с Аней проходим по правой стороне давно заасфальтированной улицы, мимо забора Водного института, мимо высокого невыразительного здания, за которым на расстоянии просматривается его двойник, и в промежутке между ними раскрывается приятная перспектива двух рядов деревьев, за которыми буквой «П» расположились корпуса ОГАСА.

Спускаемся по ступеням во двор, справа здание архитектурного факультета, возрождённого через много лет (на предыдущей странице справа фотография дворового фасада вышеупомянутого здания). Здесь на верхнем, 7 этаже, я отсидел 17 лет. На этом этаже были запроектированы корпуса гидротехнического и санитарно-технического факультетов, здания общежитий и поликлиники, а также множество других построенных объектов института. По этажам этого здания бегала Алиса, слушала лекции в аудиториях, написала и защитила диплом. А вначале здание было 5-этажным и «подросло» моими стараниями, благодаря которым я там и осел. Но это описано в моём рассказе «Как я стал неутверждённым кандидатом наук», поэтому повторяться не буду.

Далее идём к главному корпусу, входим в вестибюль, знакомимся по размещённым на стене фотографиям и подписям под ними с руководством института и профессурой. Ректором стал д.т.н., профессор Дорофеев Н.С, с которым я был знаком в бытность его проректором. Остальные лица и фамилии незнакомы. Время послеобеденное, тихо и пусто. Поэтому, я не иду в архитектурный ф-т, а решаю попробовать кого-нибудь застать на кафедре оснований и фундаментов, с которой был связан много лет. Прощаемся с Аней до вечера. На 6 этаже соседнего здания, где попрежнему находится кафедра, также тихо и пусто. Иду по знакомому коридору и на одной двери вижу табличку: «Тугаенко Юрий Фёдорович. Доктор технических наук, профессор». Вот кого я больше всех хотел бы увидеть – Юрия Фёдоровича*.

*Первый ученик профессора Голубкова Вадима Николаевича, защитил кандидатскую диссертацию и стал доцентом кафедры ещё в конце 50-х годов. Невысокий, светлоглазый, худощавый, бывший фронтовик с боевыми наградами, он был очень мягким и тактичным человеком. Но при этом обладал поразительной трудоспособностью и целеустремлённостью. Всю весну, лето и начало осени, после занятий в институте – читал лекции, вёл практические занятия – он уезжал на объекты, где проводил натурные эксперименты с фундаментами и их основаниями. Разрабатывал новые методики наблюдений, приспособления для них, каждое из которых было оригинальным и новым. Опубликовал сотни статей по этим экспериментам. Выправлял наклонившиеся многоэтажные здания! По этому его методу мы поработали однажды совместно, продрожав весь апрель в подвале просевшего больничного корпуса, заливая воду, замеряя расход и скорость её подъёма в грунте, и выровняли! И сделали об этом подвиге совместный доклад. Мы и раньше относились друг к другу с симпатией, но эта работа сблизила нас, сделав наши отношения приятельскими.

Стучу в дверь, вхожу, он сидит за столом у окна, напротив него девушка, по-видимому, студентка. «Здравствуйте, Юрий Фёдорович!». Увидев меня, порывисто встаёт, долго пожимает мою руку двумя руками, широко улыбаясь и говоря: «Вот это неожиданность! Каким ветром?». Отвечаю, что приехал на несколько дней, решил заглянуть и очень рад, что мне повезло встретиться с ним. Он просит несколько минут, чтобы закончить разговор, я пока за соседним столом вывожу дарственную надпись на своей книжце. Вот девушка уходит, я подсаживаюсь на её место и мы начинаем оживлённо обмениваться новостями из жизни каждого. Оказывается, докторскую диссертацию он защитил недавно, в 80 лет, продолжает преподавать и вести экспериментальную работу. В обмен на мою книжку дарит две монографии, в которых обобщены результаты его многолетних изысканий, с очень тёплой надписью. Проговорили минут 30, потом собираемся на выход – он едет на объект. Провожая его до трамвайной остановки на Старопортофранковской угол Торговой, где мы прощаемся. Поражает его неиссякаемая энергия, обилие планов, которые он собирается реализовать. Очень незаурядный и приятный человек, очень приятная встреча.

Я иду фотографировать первую школу Алисы (описана выше) – по Старопортофранковской, огибаю на углу пер. Топольского общежитие Водного ин-та* и иду по нему, чтобы проведать знаменитую кирху.

*Забавный эпизод произошёл однажды возле этого общежития. Идём мимо него как-то с Аней домой, на Новосельского (кажется, она была на 1-м курсе Южноукраинского университета), со второго этажа из открытых окон доносится весёлая музыка, мы с ней смотрим наверх, там улыбающиеся ребята машут нам приглашающими жестами к себе. Я показываю на себя и наверх – в смысле и я? – да, машут они, заходите! Но было ясно, что они хотели заполучить Аню, а я был приложением. Мы с Аней посмеялись, помахали им и пошли домой, где нас ждали Рома с Таней и обед – ещё лучшее удовольствие.

Кирха теперь числится на карте города, как памятник национального значения. У неё очень давняя родословная и трудная судьба. В сноске на карте указано, что «Лютеранская церковь св. Павла построена по проекту арх. Боффо Ф.К. в 1824-1828 г.г., затем арх. Шеврембрандт Г.К. построил на старых фундаментах в 1895-1896 г.г.».

Из памяти – б.

Когда я увидел её впервые в студенческие годы, это был только остов, без крыши и окон, но силуэт башни красиво завершал перспективу Дворянской улицы ещё много десятилетий после моего с ней знакомства. Конечно, она была закрыта после революции, но уцелела в гражданскую и Отечественную войну. Как нам рассказывал один педагог в институте, её построила немецкая колония из Лю-

стдорфа, причём для придания особой прочности раствору, скреплявшему кладку из «котельца» (известняк мелкой структуры повышенной прочности), из Люстдорфа пригонялись большие телеги, груженные яйцами, на белках которых замешивался раствор. Вполне возможно, что именно благодаря этим белкам она выстояла во всех выпавших ей испытаниях. А выпало ей немало, её многократно восстанавливали и каждый раз что-то происходило. К концу 90-х годов прошлого века в наружных продольных стенах зияли расширяющиеся от земли кверху сквозные трещины.

Причиной была характерная для Одессы, как и для многих других мест юга Украины и Средней Азии, особенность грунтов – они были просадочными. Этим термином обозначают коварное свойство лёссовой разновидности глинистых грунтов давать просадку, т. е. резко осесть под нагрузкой. Но не сразу, а только при замачивании, и эту их особенность знали и учитывали первостроители города: все дворы застраивались одинаково – по периметру размещались здания, а в дальнем конце двора, у ворот, общий туалет и водопроводная колонка. То есть, воду держали подальше от фундаментов. И вот техническая сторона цивилизации, давно и успешно наступавшая по всему миру, дошла и до Одессы. Водопроводные и канализационные трубы потянулись во все квартиры и по всем этажам, где из чего только можно было выгоразживались кухни и туалеты. Началась эра цивилизованной жизни, но при одном «НО»: ведь это была советская разновидность технической цивилизации, в которой, по выражению персонажа Райкина, требовалось «количество», а «качество» соответствовало этому определению. Последствия этого «качества» начали проявляться через несколько десятилетий, когда все утечки из водопроводных и канализационных сетей, к которым несколько позже добавились и тепловые, повсеместно замочили всю 10-15 метровую толщу лёссовых грунтов, достигли водоупора из плотных красно-бурых суглинков и глин, и начали подниматься вверх. Все дома, не знавшие бед и печалей более 150 лет, за редкими исключениями начали массово садиться и трещать. А позже, когда эти утраченные воды проникли обходными путями в катакомбы и затопили их, ослабив прочность сводов, местами случались катастрофы. Я был очевидцем последствия одной, произошедшей в соседнем дворе, когда мы жили на Новосельского. Однажды под утро раздался какой-то гул, сопровождавшийся лёгким сотрясением земли. Я, как и другие, выскочил во двор, увидел бегущих и присоединился к ним. В смежном дворе большим полукругом стояли потрясённые люди над большой котловиной, в которой виднелась железная кровля небольшого флигеля – он весь ушёл в землю. Как рассказали жители, ночью стало слышно потрескивание в стенах, которое постепенно усиливалось, но все вовремя успели выскочить наружу. Вскоре прибыли вызванные спасатели, которые помогли организовать извлечение имущества из подземных квартир. Такими несколькими «салютами» в разных местах города было отмечено полное затопление подземных пространств Одессы.

Эта же причина лежала и в появлении трещин в стенах кирхи. Её начали восстанавливать, когда консерватория, расположенная через дорогу, обратилась в горисполком с предложением устроить там органный зал. Дела пошли довольно успешно, уже установили новую столярку, начали укладывать деревянные балки под кровлю. И вдруг всё, что могло гореть, сгорело в одну ночь. Это было потрясением, и к восстановлению больше не возвращались.

Как мне кто-то рассказывал, работы вела женщина-прораб, на счету которой уже было 2 пожара на руководимых ею объектах. Не знаю, какой рок висел над этой женщиной, но кирхе, как говорят в Одессе, опять крупно не повезло.

С кирхой связан ещё один любопытный эпизод в моей одесской жизни, снова поднимая вопрос о случайности или предопределённости неожиданных встреч со знакомыми людьми. Вначале, для связности изложения, небольшой экскурс в мои юные годы. Мы жили тогда в эвакуации, в Казахстане, и моя мама, человек необычайной пробивной силы во всём, что касалось семейных дел, решила отправить меня в пионерлагерь, чтобы я не болтался всё лето по нескольким пыльным улицам посёлка Атбасар, где мы тогда обретались. Хотя я несколько перерос пионерский возраст, мне шёл 13-й год, но то, что я ещё не был рекрутирован в комсомол, плюс мамина настойчивость привели к тому, что я оказался в сказочном месте, в сосновом бору, где между деревьями лежали гигантские, выше человеческого роста, серые в красную и коричнекую крапинки гладкие валуны, а на большой поляне разместились домики лагеря. В этом лагере стараниями вожатых кипела разнообразная художественно-самодеятельная жизнь: мы ставили разные миниспектакли, была многодневная военная игра, и был хор. Вот хор и есть ключевой момент в этом воспоминании. Когда я узнал, что проводятся спевки хора, то сразу прибежал и попросил руководителя Володю принять меня. Он отнёсся к моей просьбе слишком благосклонно, сразу предложив занять место в верхнем ряду, что потом потребовало от него некоторого напряжения сил. Поскольку песни были знакомыми, то разучивать их не приходилось, Володя только говорил, когда кто начинает, когда вступают девочки, когда мальчики и мы самозабвенно отдавались это-му чудному занятию, пока на третьей песне Володя, состроив гримасу, как при зубной боли, громко не призвёт «стоп, стоп!». «Первый ряд не поёт, начали!». «Теперь первый и второй ряды не поют, начали!». Так постепенно он дошёл до верхнего ряда, стоящего на скамейках. «Поёт правая от меня половина верхнего ряда, стоп!». «Саша, подойди ко мне», я подхожу и он тихо продолжает: «ты хороший парень и нравишься мне, у тебя хорошо получается со стихами, и на физкультуре ты молодец, но тебе лучше не петь». «Я не могу не петь», отвечаю, «я очень люблю петь в хоре». «Хорошо, Саша, пой, но только

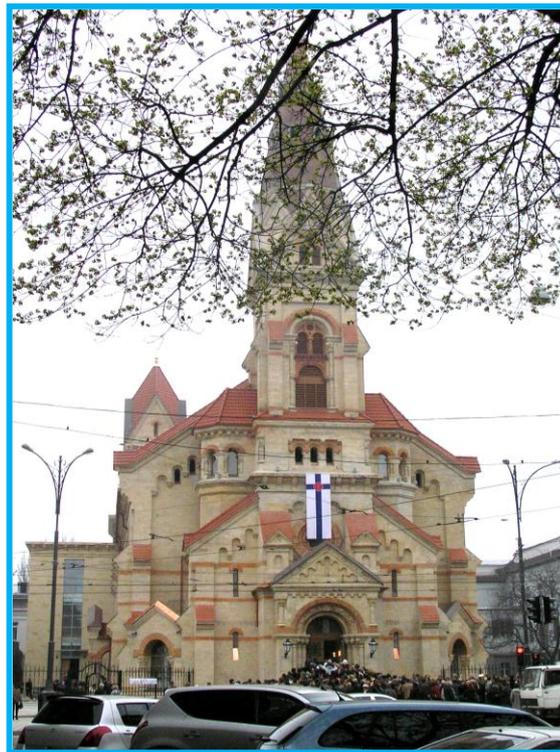
очень тихо, ладно?». «Да!», радостно восклицаю я, бросаясь на своё место. Он был моим кумиром, в свободное время я всегда старался быть рядом с ним. Интересно, что к концу заезда он разрешил мне петь громче!

Теперь совершаем прыжок в 9 лет и переносимся из этого чудного места в другое чудное место, Одессу, где я как-то прохожу в середине дня мимо кирхи, навстречу идёт крепкий молодой человек, и тут у меня в голове начинается что-то вибрировать, превращаясь в воспоминание, а оно превращается в узнаваемое лицо, к которому я обращаюсь: «Извините, Вы не Володя?». «Да», отвечает он с узнаваемой улыбкой, «мы знакомы?». «Конечно! Я Саша, который пел у Вас в хоре в пионерлагере в Казахстане». «Саша!», восклицает он ещё шире улыбаясь, «не может быть, вот это да! Что ты тут делаешь?». «Я тут живу, вот, пара кварталов, заканчиваю строительный институт, а Вы?». «Давай на ты, я приехал сюда и учусь в консерватории, дирижёрский факультет», отвечает он, показывая на консерваторию через дорогу. «Так далеко?». «Здесь очень сильные педагоги, одесская консерватория на одном из первых мест в Союзе». Договорились о встрече, сейчас каждый спешит, а потом встретились у него в общежитии, на Мечникова, я его пригласил к себе домой, перевспоминали всё из совместной жизни, переговорыли о всём в новой. Он снабжал меня входными билетами на концерты в консерватории, где дирижировал хором и оркестром. К сожалению, начавшаяся гонка с дипломом прервала наши контакты, а когда я после защиты как-то зашёл к нему в общежитие, мне сказали, что он тут уже не живёт. Так каковы Ваши соображения, любезный читатель, о геометрических особенностях жизненных спиралей разных людей, обнаруживающих тенденцию к повторным пересечениям? Мне очень интересно Ваше мнение!

Продолжаю описание своего маршрута. Выхожу из переулочка на Новосельского, поворачиваю направо и ... меня встречает возрождаемая красавица – вся в строительных лесах, с очищенными от копоти и пыли стенами, под красивой черепичной крышей. Подхожу ближе, большой плакат извещает, что реставрация кирхи ведётся на средства немцев-лютеран, там будет ресторан и гостиница. Вот! Вот кого она терпеливо ждала все долгие годы, отвергая прикосновения чужих рук: она ждала своих и дождалась. Молодец, кирха, долгой и счастливой тебе новой жизни! Эти фотографии были приложены к письму, которое мне прислали мои друзья, Юра и Ада*.

Прилагаю небольшую часть письма, которое они, в свою очередь, получили из Одессы 24.04.10, от детей:

«Несколько раз за восстановление Кирхи брался сам город. Собирали пожертвования от горожан, Михаил Жванецкий сделал очень заметное пожертвование в пользу Кирхи. Но деньги очень быстро или разворовывались, или в самом деле их было недостаточно. Но работы начинали и очень быстро прекращали. На этот раз за восстановление Кирхи взялась Германская община лютеран и довела таки дело до победного конца. И вот, наконец, торжественная церемония открытия Кирхи, состоявшаяся 16 апреля. Это очень радостное событие для всех одесситов. И сразу же после церемонии открытия я схватила Саню ... и мы побежали на органнй концерт и на экскурсию по церкви. Посылаю фотки, которые сделала моя сотрудница на церемонии открытия».

*Юра и Ада это мои очень давние одесские друзья. С Юрой я познакомился в те самые времена, когда работал в ПИ-3 и начал отвозить Алису в садик на Базарную улицу.

Из памяти-7.

Однажды в нашем строительном отделе, где все трудились, на поднимая голов от чертёжных досок и страниц расчётов, в дальнем углу зала появился высокий молодой человек, который целыми днями читал книги. Это как-то напрягало, здесь же не читальный зал, тут паирут. Наиболее нетерпеливые (не я) поинтересовались, но увидев названия – «Вычислительные машины», «Языки

программирования» – потеряли интерес, тем более, что его вскоре перевели в небольшую комнатку, где он продолжил своё самообразование. Это и был Юра Артемьев, который вскоре начал раздвигать границы своих владений, обрстая сотрудниками и невиданным оборудованием: ЭВМ «Наури», потом «Проминь», а когда я пришёл как-то в ПИ-3 через десяток лет, чтобы решить систему из 90 уравнений (понадобилось при расчётах корпуса санитарно-технического факультета ОИСИ, руководство института только начинало разворачивать свой ВЦ), то попал в отдел, где под началом Юры трудилось несколько десятков человек, а оттуда в машинный зал, с кондиционированным воздухом, в котором бесшумно вращались в высоких шкафах громадные бобины магнитных лент и за пультом управления сидел оператор самой продвинутой в то время ЕС ЭВМ «Минск-32». Впечатлило, хотя, конечно, сегодня её габариты вызывают улыбку, а возможности выглядят очень скромно.

Смешная, но характерная для технарей история случилась во время этих моих там расчётов. Дело было летом и, как-то придя в назначенное мне время, я увидел обслуживающей машину персонал на полу, среди размотанных проводов, кабелей и разложенных между ними схем, по которым на коленях перемещался этот персонал. Знакомый инженер объяснил, что ищут неполадку, из-за которой машина останавливается вскоре после запуска. Пожелав успеха, удалился. Пришёл назавтра, после обеда, картина та же, у всех красные от недосыпания глаза, обстановка грозовая, знакомый со вздохом говорит: «Всё, вызываем наладчиков с завода, из Минска». И тут входит мужчина в запыленном комбинезоне, недолго смотрит, потом говорит: «Ребята, когда вы уже смонтируете свои кабели? Я не могу окончить работу, хоть прихожу поздно вечером, но вы оставляете на ночь всё на полу». «Какую работу?», спрашивает кто-то. «Мне нужно протянуть трубу на 2-й этаж, я ещё позавчера пробил дырку, но из-за вас всё стало», и показывает в дальнем углу отверстие в наружной стене. И тут вся замученная обслуга начинает поочередно валиться с хохотом на пол, со стонами «ой, не могу!» и хлопая друг друга по чему попало. Потом вскакивают, по очереди подбегают к мужчине, жмут ему руку и начинают лихорадочно сматывать кабели и провода. Знакомый, всё ещё смеясь, объясняет мне, что машина работает в узком температурном интервале, для его поддержания смонтированы кондиционеры, а для контроля установлены потолочные и напольные датчики. Через пробитое отверстие в зал поступал тёплый воздух прямо на датчик, он срабатывал и питание отключалось. Вот они, технические гитики.

Потом, ещё через десяток лет, я снова пришёл к Юре за помощью. ПИ-3 отстроил себе в начале Б. Арнаутской 16-этажный корпус, где разместился со всем комфортом. А Юра там на самой верхотуре разместил со всем комфортом в огромном зале свой отдел. Поговорили за жизнь, Юра помог.

Последний раз я был у него там же, в конце 90-х годов. Я сотрудничал в то время с архитектором Николаем Базаном, вёл конструктивную часть проекта группы 12-14-16-этажных домов на пр. Шевченко, напротив Политеха. И если свайное основание я запроектировал, то нерегулярный каркас повышенной этажности, из-за необходимости учёта динамической составляющей ветровой нагрузки, уже вручную счёту не поддавался. Конечно, опять к Юре. Он, со своей супругой и правой рукой Адой, сидели у ПК в его начальственной комнате, а в огромном пустом зале сидел в одиночестве его левая рука, Валентин Кравченко, у своего ПК. Опять поговорили с Юрой и Адой за жизнь, уже в минорных тонах, с сожалением по поводу развала такого мощного института. Потом Юра повёл меня к Валентину и поручил его заботам. К сожалению, не всё получилось, мощности его ПК не хватило. Базан, узнав об этом, договорился с КиевЗНИИЭПом и мы туда поехали, но это другая славная история, содержащая знакомство со знаменитым создателем расчётного комплекса программ «ЛИРА» в НИИАСС, с лососевой ухой в ресторане и мн. др.

И вот оказалось, что наше с Юрой знакомство, столь длинное и прерывистое, не исчерпало свой потенциал к продолжению. Несколько лет тому назад в Хайфе я спешу куда-то по главной улице в районе Адар, как не доходя до главпочтамта, наталкиваюсь на компанию, среди которой возвышается Юра, рядом Ада. Возласы «Саша! Юра!», пожатия рук. Обращаюсь к нему: «Я, кажется, попал в район Привоза?». «Нет», отвечает он, «это мы попали в район Адар». Оказалось, что они репатрианты, живут в Цфате, а сюда приехали в гости к своим друзьям, которые их знакомят с городом. Обменялись телефонами, перезванивались, а в мае прошлого года я по приглашению побывал у него в Цфате на дне рождения. Очень славно посидели с ними, их друзьями и очень приятной его тёщей, которая устаивалась его похвал за то, что всегда держит его сторону. Он несколько поправился, Ада, как всегда, выглядела прекрасно, а её сухощавая и стройная 93-летняя мама удивила меня своим ясным умом, поддержанием застольных тостов и беседы.

Если же окинуть взглядом всё время нашего знакомства, то в периодических одесских встречах легко просматривается необходимость, а вот встреча в Хайфе уже выпадает из этого ряда, и вновь возникает сакраментальный вопрос: «А кто устраивает эти встречи?», и я снова уйду от ответа. А вот на вопрос «Зачем?» ответить уже легко – конечно, затем, чтобы мы могли обмениваться через интернет интересными сведениями (что они, в отличие от меня, делают регулярно) за жизнь вообще и за одесскую жизнь в частности, в том числе находится и вышеприведенное письмо.

Осмотрел кирху, прошёл в Лютеранский переулок, сфотографировал школу Алисы и домой, пора обедать. Иду на Греческую улицу, в начале Александровского проспекта сажусь в маршрутку.

Несколько слов о транспорте. В трамваях и троллейбусах между пассажирами прохаживаются кондукторы и «обилечивают», цена поездки – 1 гривна. До сих пор в строю ветераны: бодро развозят пассажиров самые первые экземпляры трамваев «Татра» и троллейбусов завода им. Урицкого – заслуга ремонтного цеха ОТТУ. В троллейбусах увеличена вместимость за счёт уменьшения числа кресел, оставлено по одному месту у окон, а под потолком добавлены поручни явно в расчёте на часы «пик». Правда, пару раз встретились и современные модели, новенькие «Татры» и троллейбусы, с бегущей строкой названия следующей остановки на экране и объявлением её названия по громкоговорителю. В маршрутках цена 2 гривны за проезд, оплата на выходе. Иногда встречаются искры юмора, более современного, без «одесских» примет: так, в одной маршрутке надпись на выходе дисциплинировала пассажиров – «остановка не “щас” и не “тута”, а в установленных местах»; в троллейбусе на стекле кабинки водителя рисунок с надписью – «сидячих мест 25, висячих - немерено!» и довольно неплохо изображены висящие на поручнях пассажиры, схватившиеся за них обеими руками.

Приятно было ездить в транспорте, чувствовалась традиционная «мягкая» культура вождения, от которой я у себя быстро отвык, а к новой всё ещё не привык. Здесь единственный общественный транспорт это автобусы, мощные «Мерседесы» с кондиционерами. Без бегущей строки и объявлений, что развивает у пассажиров память и наблюдательность. А водители, как я понимаю, проходят стажировку на тренировочных заездах по маршруту ралли «Париж – Дакар». Поэтому стиль вождения у них спортивный: резкий старт с набором максимальной скорости за считанные секунды, торможение на «полном скаку», виражи, которых здесь несчётное множество, складываются без снижения скорости – «прибыть в Дакар первым!». Пассажиры летают по салону, как воздушные шарики, но бывают и падения – вот Люда как-то после рывка с места приложила спину к поручню и потом несколько месяцев залечивала трещину в ребре. Но зато тренируются реакция, бдительность, готовность всегда поддерживать пошатнувшегося. И расписание движения соблюдается с точностью до минуты.

После еды выхожу на Говорова и иду к дендропарку, любимому месту прогулок и игр Ани, а потом Ромы. На углу, у входа в парк, появилось небольшое строение, обогнув которое я вижу 4 выступающих из стены крана. Несколько человек набирают из них воду в разного вида ёмкости. Спрашиваю, что за вода, мне объясняют, что это артезианская скважина, набираю в пригоршню, пробую – вкусно. Интересно! Надо будет на обратном пути посмотреть повнимательнее. Выхожу к знакомым местам – замку с пушками, голове великана из «Руслана и Людмилы» Пушкина. Прекрасная погода, прекрасные места, прекрасные воспоминания. Иду через невысокие холмы к пруду, в последние годы перед отъездом он был в удручающем состоянии. Выхожу на последний пригорок – какой сюрприз! Пруд выглядит замечательно: новое ограждение, чистая вода, действующий фонтан. Молодцы, одесситы!

Иду обратно, обхожу строение с водой и на выходе читаю на большом стенде, на который раньше не обратил внимание: артезианская скважина, глубина 350 м., вода сертифицирована и соответствует требованиям санитарных стандартов. Да, должна соответствовать, ведь этот водоносный горизонт спрятан от отравленных подземных вод, на которых стоит город, под мощным слоем плотных и водонепроницаемых серо-зелёных глин, предусмотрительно расстеленных в незапамятные времена именно для того, чтобы современные одесситы смогли ощутить вкус первозданной воды. Бегом домой, беру порожние бутылки, опять туда и набираю эту сбережённую для нас природой воду. Ариведерчи, Von Aqua! Позже узнал, что такие скважины пробурены во многих районах города.

Возвращаюсь домой, делаю ещё одну попытку раздобыть уют: обзваниваю несколько соседних квартир. Тишина. Раздумываю над своей мятой участью, потом спохватываюсь – нужно спешить, ведь сегодня ребята опять играют на Дерибасовской. Маршрутка, Греческая, немного опаздываю, уже доносятся ритмичные аккорды. Опять прокладываю дорогу сквозь плотную стену слушателей, Аня на месте за передним столиком, забронировала для меня стул, рядом сидит Алекс. Погружаемся в море звуков, оркестр с прежней экспрессией и напором ведёт свой репертуар, но с обновлениями. Снова 3 часа ловим кайф, в перерыве перекусываем, чем ирландский паб послал (посылает неплохо, есть и что, и из чего выбрать). Знакомый финал, с разводом музыкантов в стороны поклонниками, сбор аппаратуры, идём прежним составом плюс Алекс в прежнем направлении, к Олегу.

Поднимаемся нверх, я достаю бутылку каберне, привезенную из Хайфы, Олег откупоривает и разливает по бокалам, после чего я произношу тост за успехи мастеров североευропейской музыки. Вино и тост были одобрены, после чего, поговорив о том и о сём, расходимся по домам. Алекс усаживается на свой велосипед и мы прощаемся с ним, садимся в машину и катим на проспект Шевченко, где поочередно выходят Олег и Серёжа, а мы с Аней прибываем на свою Говорова.

Четвёртый день в Одессе завершился (в мятой рубашке чувствовал себя неудобно).

И был вечер в Одессе, и было утро в Одессе. День 5-й – 05.09.

Аня с утра упархивает по своим подругам, а я отправляюсь на Привоз, давно хочу туда попасть. И для этого есть веские причины. Первая и главная заключается в том, что нужно проверить, не изменилась ли дислокация мест, которые я указывал в своей «Мамалыге из детства» (рассказик, напечатанный в «Вечерней Одессе» в 2000 г.) – если изменилась, то нужно срочно публиковать корректировку, чтобы читатель, следуя моим указаниям, мог попасть в нужные точки для покупки кукурузной муки и брынзы. Вторая, не менее важная, состоит в том, что я ужасно соскучился по настоящей кукурузной муке и домашней брынзе (нету, нету этого в Израиле, я об этом написал в расширенном варианте этой же «Мамалыги». Что? Да, опубликовано, в «Вестнике Доме Учёных», т. V, литературные странички, 2005, г. Хайфа, и в моём юбилейном выпуске Собрания сочинений, 2007 г.). Третья – уютю – образовалась не вчера, дома у меня есть маленький уютюк от Людиных щедрот, но я всё собирался приобрести покрупнее. Как-то раз выбрался, зашёл в магазин, бодро прошёл к прилавку с уютюгами и споткнулся, наткнувшись на цены: от \$50 до 200! Показываю продавщице на гордого 200-го красавца, возвышающегося над остальными собратями и вальяжно разлегшегося на громадной подставке: «Он, наверное, сам гладит, размещает на плечиках, застёгивает пуговицы и вешает в шкаф?». «Да, если немного помочь». «Не-е, говорю, за такие деньги ещё и помогать, пусть отдыхает дальше». Но теперь всё сошлось, надо покупать (только не такого монстра).

Иду к Площади 10 апреля, перехожу на другую сторону, к трамвайной остановке. Вскоре подъезжает 5-й номер, вхожу в вагон, «обилечиваюсь» и сажусь на свободное место. Едем потихоньку, поворачиваем направо, и всё также потихоньку. Ну, думаю, подъём всё же, да и трамвай старенький, а может с напряжением в сети проблемы. Выезжаем на Французский бульвар, дорога ровная, без спусков и подъёмов, но едем всё также тихонько. Не выдерживаю, иду к кондуктору, говорю, что давно тут не был, почему так медленно? Она отвечает, что на бульваре скорость ограничена, не больше 20 км/час. Сажусь и не могу отвлечься – почему? Ведь ещё в студенческие годы трамвай с незакрывающимися дверями летали тут, как птицы. Да и в 2001 году скорость была обычной.

Выхожу у института Филатова, хочу проведать памятное место, где я провёл много приятных часов – корты Гидрометинститута. Возвращаюсь немного назад, поворачиваю налево в переулок. С левой стороны, перед забором ин-та Филатова расположились зланные места, в том числе роскошный ресторан грузинской кухни. Справа знакомый глухой каменный забор с редкими калитками-воротами, за ним стояли капитальные дома кооператива научных работников с прекрасными фруктовыми деревьями. Отрываю взгляд от забора, поднимаю его повыше ... о-го-го! На местах скромных, беленых известкой домов, возвышаются прекрасные терема, под черепичными крышами, с мансардами и балконами, каждый соревнуется с соседом за звание более красивого. Прохожу вдоль этой выставки великолепия, выхожу к лагерю Гидрометинститута, заглядываю внутрь: какое разочарование – на месте кортов какая-то невыразительная кустарниковая растительность. Ощуаю грусть и, чтобы не расстраиваться больше, поворачиваю обратно, на остановку и на Привоз.

Из памяти – 8.

Теннис. Этой болезнью я заболел внезапно и очень надолго, ещё работая на ДСК. Не помню, что меня подтолкнуло, но утром я ехал на работу с сумкой, заполненной экипировкой, и после работы – троллейбус-трамвай на корты лагеря отдыха Гидромета. Это были единственные в городе институтские корты, кроме них в городе корты имелись только на стадионе ЧМП. Но туда было трудно пробиться, а эти имели ряд решающих преимуществ. Во-первых, они размещались на кромке верхней террасы над морем, прекрасный вид, замечательный воздух. После игры сбежал вниз и пляж гостеприимно раскрывает свои объятия. Море было чистым, народа немного, райские времена! Во-вторых, и это было решающим преимуществом, после самого сильного, но короткого дождя, что часто бывало в те годы – и весной, и летом, и ранней осенью, через полчаса можно было играть. А на кортах ЧМП только на следующий день, и то, если не случался ещё один дождь. Когда я со временем познакомился поближе со зрителем и преданным работником кортов Эдуардом Александровичем, он открыл мне тайну быстрой просушки. Оказывается, при закладке кортов был вырыт котлован, глубиной 1.3 м, и в него засыпали на 1.0 м. слоями битый кирпич с прикаткой ручным катком, затем песок, и сверху смесь песка с глиной. Вот эта подушка, как губка, и высасывала озёра воды за 30-40 минут. Я, конечно, бил по мячу как попало (да и попадать по нему научился не сразу), лишь бы перебросить через сетку, учась у малочисленных любителей и обзаведясь популярными книгами по теннису. Тренировал, если можно так выразиться, всех нас один очень бывалый игрок, который в начале, стоя у задней линии, делал несколько показательных ударов при опущенной вниз головке ракетки, как бы подчёрпывая мяч, затем усаживался на стул сбоку от корта и периодически выкрикивал:

«Ноги! Ноги!», указывая на первостепенную важность этих конечностей для игры, хотя, казалось бы, и руки, и даже голова тоже играли не последние роли. Но я уже вычитал, что в подготовке очень важна игра у стенки, где отрабатываются различные виды ударов, а стенки-то и не было. Так будет – решил я, и поделился идеей с Эдуардом Александровичем. Он чуть не задушил меня в объятьях, ведь даже на кортах ЧМП стенок не было, и пообещал поставить памятник. «Не нужно», скромно отказался я – «сочтёмся славою, ведь мы свои же люди, пускай нам общим памятником будет ... построенная здесь стена!» (да простит меня В. В. Маяковский!). Коты размещались на расстоянии метров 8 друг от друга, что позволяло в концах площадки разместить между ними с двух сторон стенки. Трудности с возведением стенок заключались не столько в длительности процесса, но большие в невозможности получить гладкую поверхность при самом тщательном оштукатуривании, каждая неровность искажает траекторию отскока мяча. Моя идея заключалась в использовании бракованных стеновых панелей с ДСК (недобор прочности бетона, скол угла и др.), имевших очень гладкую поверхность, они тогда стояли там без дела (это попозже они стали «золотым дном» для верхнего эшелона ДСК, построившего из них себе дачи, а затем и торговавшего ими). «Как же заполучить», огорчился Эдуард Александрович, «купить ведь нельзя, да и деньги на это в смете нашего лагеря не предусмотрены». Да, дошло и до меня, в самом деле... Посоветовался со знающими людьми на ДСК, они подсказали верный путь: нужно заключить договор о сотрудничестве, была тогда такая форма связи ВУЗов и производства. Составил договор, где Гидрометинститут обязался предоставлять ДСК экспрессинформацию о грозящих стройкам метеопасностях (у них была своя метеостанция), а ДСК, со своей стороны, помогать институту в укреплении его материальной базы. У Гидромета, разумеется, никаких возражений не возникло, а вот начальник ДСК, Дмитрий Федотович насторожился, но я его успокоил, сказав, что речь идёт о двух бракованных панелях и больше они ни на что претендовать не будут. Не прошло и месяца, как 2 стенки, к великой радости игроков, стали на свои места. Радость была двойной, потому что появилась возможность не только отрабатывать удары, но и с пользой проводить время в ожидании своей очереди на игру. Перейдя на работу в ОИСИ я не изменил своему увлечению, приходил на работу с теннисной сумкой, а вечером – на корты. Постепенно ряды любителей тенниса в институте стали расширяться, присоединились Володя Половец, Саша Ярошенко, Илья Иванович Темнов, несколько позже тогдашние студенты Володя и Серёжа. Гидромет ввёл график игр для организованных групп, потребовалась оплата аренды и я пошёл к проректору Захарову Николаю Кондратьевичу. В годы учёбы он был моим деканом, держал факультет в строгости и этот характер сохранил. Первый раз подписать письмо об аренде удалось с трудом, но тут появилась спасительная мысль: привлечь его к игре. И вскоре Николай Кондратьевич уже бегал по корту, где право очереди ему предлагалось в первую очередь. Нужно отдать ему справедливость, он этим не злоупотреблял, хотя при настоячивых уговорах соглашался. Довольно скоро освоил игру в умеренном темпе и с наступлением весны звонил мне: «Не вижу письма!». «Какого, Николай Кондратьевич?», изображал я непонимание. «Самого важного, в Гидромет». «А-а, несунь!». Интересно, что он ещё раз вошёл в мою биографию, когда председательствовал за заседании Учёного совета института, где утверждалось решение факультетского Учёного совета о присуждении мне кандидатского звания. Для утверждения нехватило нескольких десятых балла голосов, и Николай Кондратьевич не подвёл теннисное братство, признав: «Такой незначительный недобор трактуется в пользу соискателя», и я был утверждён (не в смысле утверждения в звании, а в смысле утверждения Советом для отправки диссертации в ВАК).

Перелом в теннисной жизни в городе наступил с приездом сюда мастера спорта Льва Михайловича, с женой Маргаритой и дочерью Леной. Светловолосый, атлетического сложения, общительный и подвижный, он сразу покорила всех демонстрацией разнообразных ударов, пушечных подач и коварными, мягко гасящими скорость мяча перебросками у сетки.

Была организована секция, начат набор в разные возрастные группы. Конечно, я постарался сблизиться с ним, потом отдал в секцию Алису. Теннисные дела в городе пошли в гору и через год появились уже очень прилично играющие молодые ребята и девушки, стали проводиться турниры, вырос свой мастер спорта Бахчеван. У Алисы тоже дела пошли неплохо, она стала чувствовать себя вполне уверенно на корте, особенно хорошо у неё получались удар справа и подача, в чём можно удостовериться, глядя на фото справа.

Лев Михайлович вынашивал грандиозные планы: превратить Одессу в южную столицу тенниса. Для этого, конечно, были все основания – прекрасный климат, длинный игровой сезон, огромные, пустующие пространства прибрежных склонов, где он мечтал возвести теннисный городок. Прознав, что я строитель и проектировщик, он поделился этими планами со мной и попросил оформить чертеж плана по его эскизу, чтобы он мог продвигать идею в различных инстанциях. Меня же, с его подачи, на собрании федерации тенниса выбрали председателем, с тем, чтобы покрепче связать с

этой федерацией и помогать ей в проектно-строительных делах. В этой высокой должности я сопровождал с Маргаритой Ефимовной одесскую юношескую команду, включая Алису, выехавшую на товарищескую встречу к теннисистам Ленинграда. И хотя командную встречу мы проиграли, но по крайней мере все остались довольны.

Дело остановилось из-за финансирования: спонсоры тогда существовали только за дальними рубежами, где они спонсировали своих теннисистов, Горкомспорт идеями не загорелся и она угасла. Но теннис не умер, Бахчеван впоследствии организовал свою секцию, построив в Дюковском парке несколько кортов, появились корты Политехнического института, и эта прекрасная игра продолжала жить, привлекая новых поклонников, а вместо меня был избран новый председатель федерации.

Всё это оживило в памяти, пока я постоял у бывших кортов и возвращался на остановку трамвая. Сделал несколько снимков ин-та Филатова и поликлиники при нём. Вот и трамвай, поехали опять потихоньку. По Большой Арнаутской едем уже нормально, и всю дорогу это ограничение скорости продолжает крутиться в мыслях, однако никакая путная причина в голову не приходит. Что-то смутно мелькает в памяти, но не проявляется. И вот мы уже останавливаемся на углу Преображенской, я выхожу, поворачиваюсь лицом к Привозу и застываю: на весь квартал растянулся громадный комплекс,

с центральной возвышенной частью и нарядными строениями по бокам. Да-а, с размахом. Красиво и современно. Выбираю точку и фотографирую, но получилось неудачно, поэтому помещаю здесь фотографию из альбома «Одесса». Затем направляюсь к центральному входу. И прямо посередине улицы меня накрывает плотный поток дождя. Бросаюсь вскачь к спасительному входу, прыгаю в огромный вестибюль. Просторно, изысканно, уголок отдыха с фонтанчиком и цветами, справа бесшумно скользят ленты эскалаторов. Поворачиваю голову направо, потом нале-

во – в обоих направлениях стоят просторно расставленные стеклянные кубы... да, золото и алмазы! Опять же надо: ведь труженики ферм, полей, садов и огородов, распродав плоды своих трудов, не должны бегать по городу в поисках мест для покупки украшений своим женщинам, эти места должны быть рядом. Иду налево, попадаю в рыбный корпус. Ну, это не прошлые железные столы с навесами, на которых горами и рядами лежало всё рыбное богатство Чёрного моря, от кильки до камбалы. Разноцветные охлаждаемые прилавки, под стеклом по сортам разложенная рыба. И посередине прохода статуя мадам Стороженко с вязкой бычков в руке. Да, конечно, стильно и современно, но ... не «Привозно».

Иду дальше и выхожу на площадь. Вот тут уже и воздух и вид Привоза: нескончаемый ряд фруктов и овощей в картонных коробках с опекающими их хозяевами, за ними частота маленьких магазинчиков со всем, что есть на свете со всего света. За ними серые плоскости бетонных панелей, ограждающих ряд каких-то построек.

А, так это же первые провозвестники перестройки, о которых так красочно и вдохновенно писала в «Вечерней Одессе» Белла Кердман – собственные магазины колхозов области. Это было упоительное время первых глотков воздуха свободы, когда колхозам разрешили продавать излишки продукции (после сдачи обязательных поставок государству) и пускать вырученные деньги на собственные нужды по своему усмотрению. Да, казалось счастье стояло на пороге... Почему-то стало грустновато. Жаль того подъёма духа, радостного ожидания, сопровождавшего жизнь в те дни. Свобода пришла, но опять оказалась не совсем такой (или совсем не такой), как думалось. Но что-то мы отошли от Привоза в какие-то иные сферы, надо ближе к делу.

Зонтик! Ведь на промокшую рубашку всё ещё капает сверху. Быстренько нахожу симпатичную девушку, то есть, симпатичную парасольку, и за 30 гривен отгораживаюсь от летящих сверху брызг.

Утюг! Иду по всем магазинчикам, нахожу нужный, выбираю понравившийся. «Цена?», вопрошаю, «120» - «Беру». Утюг упаковывается, я тем временем достаю бумажник: там 100 гривен. С извинениями ретируюсь.

Иду к гигантскому навесу овощных рядов, всё на местах, те же прилавки, те же – другие, конечно, но по виду – овощи и фрукты. Но это всё мимоходом, моя цель – последний прилавок слева, там бывал изобильный выбор кукурузной муки, а слева и за ним, в мешках, изобильный выбор семечек. Есть! Есть прилавок, есть мука, выбор не очень большой, но достаточный. Пробую из коробки у плотнотелой девахи, да, это она, в смысле мука: мелкий помол, золотистый цвет, прекрасный запах, сладковатый привкус, следы остаются на кончиках пальцев – высший сорт, экстра! Не то что у нас эта мелкая крупка с запахом варёных тряпок, мгновенно разбухающая при засыпке в кипящую воду, это я про то, что нам втюхивают под названием «кукурузная мука», и другого из молотой кукурузы ничего

нет, аж из Аргентины привозят, «Polenta bergamaska», вакуумная упаковка, но то же самое барахло. «Почём?». «5 гривен» (литровая банка). «Беру оптом, для начала 2 банки!». «Всё равно по 5 гривен» тут же реагирует деваха. «Ладно, вперед». Набирает щедро, приминает и ещё подчёрпывает, с горбиком. Это вам не электронные весы на наших базарах, с учётом до миллиграмма. Расплачиваюсь, желаю всё быстро распродать, девушка приглашает приходиться ещё.

В хорошем настроении устремляюсь к молочному корпусу, но в голове держу утюг. На выходе из-под навеса попадаю в непроходимое нагромождение палаток со всевозможными товарами, выбираюсь к корпусу, перед ним тоже магазинчики. Заглядываю в один, второй, а вот и утюги. На меня призывно смотрит бело-голубой фронт, я откликаюсь, беру его в руки. Симпатичный, Австрия. «Работает?», спрашиваю у молодой женщины. «Проверяем», отвечает она, включает в розетку, да, греет. «Как чтобы забрать?». «80». «Годится!». Она что-то ищет, потом заворачивает утюг в бумагу и кладёт в кулёк. Отдаю деньги, она протягивает кулёк, который бело-голубой красавец тут же пропаривает острым носом. «Девушка, говорю, а коробка, отметка в паспорте о продаже, гарантийный талон?». «Ой, мужчина!». «Понимаю, но учтите, я живу через дорогу, если что ...». «Да не беспокойтесь». Нахожу картонку, заворачиваю утюг и кладу в новый кулёк, прощаюсь, на выходе оборачиваюсь: «Так что я через дорогу!». Но оказалось, что пугал я её зря – красавец служит безотказно по сей день.

Нет, ну как, а? И с зонтиком, и с кукурузной мукой, и с утюгом, и ещё 10 гривен на брынзу и добраться домой. Почём брынза не знаю, ну, возьмём по деньгам. Захожу в молочный корпус, всё, как раньше, изобилие колбас, мёда, надо будет за ним приехать специально, а вот и ряды с брынзой. Иду, пробую, нахожу по вкусу – овечья, тверденькая, но не пересушенная, медленно тает на языке, солёноватая, то, что надо. Прошу взвесить кругляшок. «12 гривен». Достая кошелек, извлекаю десятку и прошу отрезать на 9: показываю кульки, зонтик – протратился. «Так е ж дэсятъ». «А гривна на троллейбус?». «А, - смеётся женщина - берить усе за дэвятъ!» и заворачивает кругляшок целиком. Благодарю, желаю «нехай Вам щастыть!». Да, есть ещё женщины в ... одесском Привозе.

Выхожу к вокзалу, всё на своих местах, довелось тут поработать: и в студенческие годы, на субботниках перед сдачей вокзала в эксплуатацию, и перед отъездом, в 2000 г., когда столбы, поддерживающие троллейбусную сеть над всей привокзальной площадью, начали клониться в разные стороны. Иду к остановке троллейбусов, жду недолго, сажусь, есть места. Троллейбус начинает плавные повороты по переулкам, а в голове вдруг опять возникает ограничение скорости на Французском бульваре. М-да, засело. Что же делать, в смысле куда будем думать? Хорошо, ускорим движение, ещё... Что будет? Колёса стучат, стучат колёса ... – стоп! Вот оно: микросейсмика! Колёса на стыках рельсов стучат, грунт сотрясается, дальше всё ясно, конечно, скорость нужно ограничить до величины минимальных толчков *. Фу, прямо гора с плеч!

* Как я писал выше (о кирхе) грунтовые воды поднялись (ну, не сами поднялись, конечно, их подняли утечки из водонесущих коммуникаций) к подошвам фундаментов, замочив слабые грунты. Естественно, даже малые сотрясения в водонасыщенной среде распространяются далеко, приводя к уплотнению грунта и осадкам фундаментов – тем большим, чем ближе к источнику сотрясений фундамент, что и вызывает перекосы и сопутствующие им трещины в стенах зданий. Мне пришлось столкнуться с этим, когда Леонид Васильевич Мазуренко, ректор ОГАСА, попросил дать заключение по деформациям общежития института, находящегося на углу Старопортофранковской и Тираспольской. Два крыла общежития расположились под прямым углом друг к другу, вдоль этих улиц, а в месте их встречи располагалась возвышенная часть, отделённая от них осадочными швами. Когда подземные воды добрались до зон влияния давлений под фундаментами, угловая часть, как более тяжёлая, осела больше, вызвав трещины в стенах пристроек. Но непонятным было другое – угловая часть наклонилась к месту пересечения осей улиц. Я не очень долго стоял в раздумьи возле общежития – до момента, когда трамвай, прогрохотав на стыках рельсов, явственно встряхнул землю у меня под ногами. Всё прояснилось: микросейсмика. На перекрёстке лежали так называемые «кресты», жёсткие участки рельсов, пересекающиеся под прямым углом. Вот по этим крестам и стучали с 5.30 утра и до 12 ночи трамваи в 4 направлениях, уплотняя с каждым ударом грунт под углом здания, чуть больше ближе к себе, чуть меньше подальше, что и привело к наклону. Причём, когда со временем места пересечений на крестах расплющивались и сотрясения становились слабее, ночью появлялась бригада ремонтников, и заменяла кресты на новые, стучащие весело и звонко – для трамваев это хорошо.

Вот чем оборачивается для незащищённых зданий, стоящих на слабых водонасыщенных грунтах, близкое соседство с рельсами со стыками и крестами, и бегущими по ним трамваями.

Приезжаю домой, готовлю на двоих мамалыгу, приглашаю Аню к столу. Таю от удовольствия, смакую каждый глоток. «Ну как?», спрашиваю Аню. «Ничего, вкусно!», вежливо отвечает она. Да, явно недокормил её мамалыгой в детстве. Поели и побежали, едем в город в аптеку Гаевского, потом каждый по своим делам. Снова маршрутка до Греческой площади, по Греческой улице выходим на Преображенскую, о-о: на углу, где был неплохой ресторан, доводилось сживать, теперь магазин «Золото». Тоже надо. Идём к Дерibasовской. Проходим мимо Центрального гастронома, на витрины которого я бросаю рассеянный взгляд, но замечаю какие-то перемены и говорю Ане: «Ещё раз переделали гастроном?» (имея ввиду переделку 90-х годов, когда унылый советский магазин был превращён в

современный супермаркет с невиданным до того разнообразием продуктов). «Да, папа, переделали, но не в гастроном». «Как, а во что?». «В «Золото». Ощущаю некоторую оторопь – опять золото? Подхожу ближе к витринам, заглядываю, да. Ну, если магазины с золотом на каждом углу, значит это тоже кому-то нужно? «А продукты?» – и спохватываюсь от архаичности вопроса, дал знать о себе советский стереотип, когда на целую улицу полагалось 1-2 магазина со средненьким набором продуктов, а если что-то получше, то извольте в Центральный, но и там особо было не разбежаться, а для таких вещей, как мясо или рыба, прилавки, конечно, были, но наполнение предусматривалось пирамидами дешёвых консервов. Улыбаюсь, машу Ане – не отвечай! Взгляд с удовольствием останавливается на обновлённых фасадах красавцев-домов на всех углах перекрёстка. Через подземный переход – на Соборку.

Этот переход был сооружён в советские времена по советским же, очень не щедрым нормам проектирования. Но был просторным и позволял пропустить без толчеи потоки гуляющих в самые многолюдные дни. Сейчас всё его внутреннее пространство занято магазинчиками, оставляя для прямого назначения узкие проходы. Да, бизнес наступает и знает где лучшие для этого места – ведь толчея это его питательный бульон.

Быстро управляемся в аптеке, возвращаемся на Дерибасовскую, Аня идёт к Олегу, а я на встречу с Арнольдом, договорились у Стула в садике. А вот и Арнольд, такой же подтянутый, улыбающийся как и раньше. После обмена приветствиями он предлагает посидеть наверху в кафе нового многоэтажного магазина через дорогу. Я отказываюсь – не хочу приближаться к этому монстру, испортившему Дерибасовскую, нарушившему пропорциональность застройки и её неповторимый вид. Арнольд настаивает, приводя в качестве привлекательного аргумента новую панораму города, включая вид сверху на оперный театр. Только из-за этого вида сдаюсь. Поднимаемся на лифте, проходим в правый угол кафе, садимся у окна. Действительно, красивая панорама, справа внизу крыша оперного со скульптурной композицией над фронтоном. Покупаю нам по стакану сока, по его предложению рассказываю о своей жизни после отъезда, потом прошу его рассказать о событиях и делах. Арнольд повествует о расцвете строительства, об объектах, в которых он принимал участие, об общих знакомых. И вот, с огорчением заключает он, в середине 2008 года всё остановилось – кризис. В городе остались считанные стройки, на которых еле теплится жизнь. В тяжёлом положении оказалась фирма Димы и его отца, у них завис большой объём незавершённого строительства – тут для меня проявилась причина вялой реакции Димы при моём звонке. На этой минорной ноте заканчиваем встречу, спускаемся вниз и договариваемся встретиться ещё. Прощаемся, я иду на маршрутку и еду домой.

Сижу дома, пью чай (начало фразы, как в старом анекдоте: «сизу фанза, пью чай...»), и тут звонок, Аня: «Папа, приезжай в Отраду, я тут с ребятами напротив скалы, посидим вместе». «Еду!». Выскакиваю на Гагарина, торможу приличный мерседес, за рулём приличный молодой мужчина: «На Ланжерон отвезёте?». «Садитесь». Сажусь, интересуюсь ценой поездки: «35 гривен». «Ого», восклицаю, «я за 30 из аэропорта приехал». Мужчина разводит одной рукой, вторая на руле: «Ну, вечер, опять же маршрут нестандартный...». «Да, понятно, разумеется всё вместе и определяет». Оба улыбаемся, но я понимаю, что опытный водитель оценил не только маршрут, но и меня – этот клиент сможет заплатить. И в самом деле, предводительный мужчина в расцвете лет – без ложной скромности, я этого не люблю. Интересуется, если не секрет, целью поездки на пляж в вечернее время. «Не секрет», отвечаю, «свидание». «О-о!», улыбается водитель. «Да ... с дочерью!». «А-а!», улыбаемся уже оба. Доезжаем довольно быстро, воздух уже сереет, машина останавливается у арки, перед спуском к Ланжерону. «Уже приехали?», спрашиваю, рассчитывая что довезёт пониже. «Да, это всё».

Рассчитываюсь, прощаемся, и я спускаюсь по дороге вниз в быстро темнеющих сумерках. Вокруг всё обстроено разнообразными заведениями для нескудного времяпрепровождения, а вот и знаменитые шары белеют. Ускоряю шаг, темновато, где из там искать? Звоню Ане, «Где вы?». «Иди понизу, папа, к скале, споткнёшься об нас».

Какая замечательная штука, этот мобильный телефон – ну до какого Киева, то есть Ани, довел бы меня мой язык в этой темноте и безлюдье? Простите? Да, писал выше о вторжении в личное пространство и др., так и что? А здесь пишу о пользе мобильного телефона!

Иду, иду, и в самом деле спотыкаюсь, но не об них, а на ке бетонных плит, но удачно, подскочив вверх, вижу троицу, уютно устроившуюся у кромки моря на фоне граффити – Алекс, Аня и Олег. «Привет!», «Привет!», пожимаю всем руки, делаю снимок на память и пристраиваюсь на камушке сбоку.

Мне щедро насыпают пригоршню рачков, сидим и растворяемся в блаженной красоте и тишине прекрасного вечера.

Море чернеет рядом, лёгкие порывы ветерка доносят до нас его солёный аромат, луна слегка выглядывает из-за края небольшой тучи. Бла-а-лепие!

Вот оно море – почувствуете его аромат? – вот луна и туча. Что значит «ничего не видно!». Всё видно, если смотреть с пониманием: ведь ночь уже, а море Чёрное! Справа доносится шум воды, стекающей из подземного источника по бетонному лотку и падающей с его края на камни. В тусклом свете фонаря видна мускулистая фигура, решительно ступающая, несмотря на прохладу, под небольшой водопад. Примеряю ситуацию на себя: да, если честно, то нет; и тут же находятся защитные рассуждения – воздух, конечно, тёплый, градусов 20, но ведь вода из-под земли, значит, 12-15, а это уже, понимаете сами, да и вытереться нечем, и переодеться...

Эх-ма, а ведь вроде совсем недавно, когда ездил во время приёмных экзаменов к папе в Каролино-Бугаз (писал об этом выше), там ведь морская вода была плюс 8! (не знаю как сейчас, а в те времена и много лет потом регулярно приходящие в августе холодные течения полностью ликвидировали потоки желающих не только искупаться, но даже окунуться в море). Правда, тогда на берегу была девушка, а это, знаете, очень разогревает, и я медленно вошёл в обжигающую воду, очень недолго с небрежным видом поплавал, с трудом сохраняя спокойствие вышел на берег, а потом с разбега взлетел на крутой откос и там, наверху, ещё хорошо побегал от избытка чувств и дрожи. Ну и? И тут есть девушка, наверняка оценившая бы. И тут есть откос, не такой крутой, но ничего, тоже побегал бы. Ладно уже, бы.

Вернёмся в сегодня. Обмениваемся впечатлениями дня, Олег фотографирует меня с Аней, потом решаем двинуться домой, рачки разгуляя аппетит, а голод, как известно, не тётка (почему тётка, а не дядька, ведь голод это «он»? может потому, что тётка покормит скорее, чем дядька?). Выходим на нижнюю дорогу над морем, по ней в Отраду к фуникулёру, по ступенькам наверх и рез мавританскую арку на Французский бульвар, затем на спект Шевченко, благодарим друг друга за хорошо проведенное вместе время, прощаемся – и по домам.

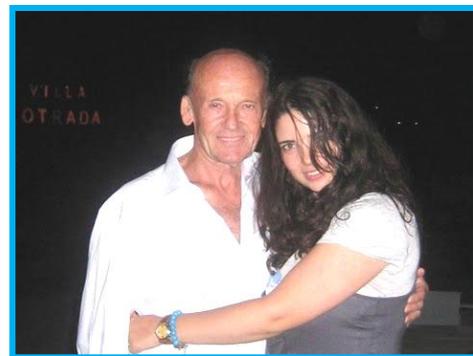
И был вечер в Одессе, и было утро в Одессе. День 6-й – 06.09.

Я с утра – фотокорреспондент, еду фотографировать ИМ на Базарную и Пастера. На Базарной хочу запечатлеть завод им. Кирова, где работал Давид Львович, и дворик, где был детский сад Алисы. На Пастера – точку начала жизненных путей Ани и Лиды. Опять пятёрка с площади 10 апреля, потихоньку по Французскому б-ру, выхожу на углу ул. Белинского, иду по ней до Базарной. Вот и она, слева должен быть забор и корпуса завода ... ничего нет! Появилось раскрытое пространство с красивыми многоэтажными домами. Да, разговоры о выносе завода из городской черты начались очень давно, был построен новый завод, на ул. Промышленной, куда должен был перебраться старый завод. Но тут возникла неожиданная ситуация: кадровые рабочие и большая часть КБ, где создавались знаменитые станки с ЧПУ, отказались уходить из родных стен. И часть производства оставили на месте, а новый завод назвали «Завод прецизионных станков». Так продолжалось достаточно долго, но, видимо, в недавние годы в этой истории была поставлена точка. Начинаю обходить дворы через дорогу в поисках бывшего садика, но увы, ничего похожего не обнаружил. Да, историю, как и каждую даму, лучше всего запечатлеть в пору расцвета.

Еду на Пастера – выхожу на Канатную, маршрутка, Греческая, по Дерibasовской до Преображенской, знаменитого и единственного раньше магазина драгоценностей «Радуга» на углу нет, ну, судя по увиденному мной количеству появившихся мест продажи этих необходимых вещей, проблема решена. Поворачиваю направо, через один дом ... «Золото». И рядом «Изумруды». И через дорогу в подвале «Ювелирные изделия» Одесской фабрики. Э-э-м-да, проблема, видимо, оказалась крупнее, чем я предполагал, потребовались более масштабные усилия. Теперь уже можно смело предположить, что обнаруженные мной магазины этих важных товаров не последние в городе.

Дорогие одесситы, пусть у вас не будет больших проблем, чем где купить украшения!

Иду до Пастера, обхожу корпуса Медина, за углом исторический роддом, теперь уже Акушерско-гинекологическая клиника Медина, захожу во двор. Вот там, в зале на 3 этаже (верхнее окно на снимке, следующая страница) пришли в наш мир Аня (потомственная одесситка, минимум 4-е поколение), а через 4 месяца Лида (потомственная одесситка, минимум 5-е поколение): да, тётя Аня и племянница Лида – одногодки! Но не только место их рождения совпало, совпали и непосредственно предшествовавшие их появлениям на свет события.

Из памяти – 9.

13 января была прекрасная погода и мы пошли с Таней погулять по берегу моря на Дельфине. Хорошо погуляли, вернулись домой, пообедали, Таня легла отдохнуть, потом были домашние дела. А вечером Таня вдруг говорит: «Ой, пора!». Я помогаю ей одеться, выходим на Сегедскую, торможу Волгу, договариваюсь, и нас довольно быстро привозят в роддом Медина. Поднимаемся на 2 этаж, Таню регистрируют, я обнимаю её, желаю удачи и её уводят. Выхожу в коридор, там на носилках, стоящих на полу, лежит под серым суконным одеялом женщина с закрытыми глазами, цвет лица под цвет одеяла, её сотрясает безостановочная дрожь. Появляется санитар, требовательным голосом обращается ко мне: «Мужчина, помогите отнести роженицу в палату!». Помогаю, возвращаюсь потрясённый увиденным и сажусь в приёмной на стул, решив не двигаться с места до окончания Таниных родов (позже Таня рассказала, что родильный зал не отапливался, и она не околела только потому, что быстро родила). Но тут появляется медсестра и говорит: «Что Вы будете сидеть здесь, приезжайте утром, раньше ничего не произойдёт». «Почему Вы так думаете?». «Потому, что её не привезла скорая, и она пошла в душ сама». Несколько успокоенный, желаю ей спокойной ночи и отправляюсь домой. Приезжаю с утра пораньше, иду на 2 этаж, там заприметил вчера доску, на которой вывешивались последние новости роддома: на аккуратно нарезанных прямоугольниках из зелёной детской клеёнки химическим карандашом выписаны данные новых людей, появившихся на свет. Ищу и нахожу: «Истомина Татьяна, девочка, 3800, 13.01, 23.15». Ага, ошиблась опытная сестра, не учла влияния свежего морского воздуха и моей терапии. А может быть, специально отправила домой, чтобы не надоедал вопросами. Потом узнал, что такую же клеёночку привязывали к правой ручке новорожденного, для идентификации. Забираю прямоугольничек с доски на память, вхожу в приёмную, интересуюсь, можно ли узнать о самочувствии мамы и дочери, в какой они палате. Сестра сверяется по книге, говорит, что всё прошло хорошо, самочувствие у обеих нормальное, палата временная, приходите завтра, когда маму переведут в постоянную. Передал поздравительную записку, там же написал, что приду завтра. Вот уже назавтра Таня показала мне новенькую спеленутую Аню через окно на 2 этаже (первое справа от водостока). Вряд ли Аня, даже если не спала, обратила внимание на фигурку какого-то существа внизу в куртке и кепке, размахивающей верхней конечностью – за окном распахнулся невиданный мир, который предстояло познать и освоить.

Теперь о Лиде. Алиса, будущая мама и потомственная одесситка (минимум 4-е поколение), жила тогда в Тирасполе, но своё потомство тоже хотела видеть одесситами, и, поэтому, приехала накануне радостного события в Одессу к маме Гале. Позвонила мне на работу, и, поскольку назавтра был выходной день, договорились встретиться, погулять. Встретились на конечной остановке 28 трамвая, у парка Шевченко, в день 28 мая, при чудной погоде прошли через парк к морю на Ланжерон, там походили, поговорили, пошутили, посидели на берегу, потом я проводил её домой. А в понедельник мне звонят на работу, что она накануне родила девочку! А? Здесь уже вырисовывается метод, но так как это ноу-хау, то дальше умолкаю.

Нет-нет, не надо пробовать выводить беременных на сносях на берег моря для успешных родов, только измучаете их, весь секрет в скрытых формулах внушения, это высший пилотаж пренатальной психологии – как говорил один из персонажей Райкина: «я выражаюсь по научному, не каждому понять», так что извините. Но если понадобится, я к вашим услугам, море со мной рядом, привозите, всё будет в лучшем виде, метод отработан (не забудьте: последняя неделя нормальной беременности, первая половина дня при хорошей погоде, цены договорные – послекризисные, но терпимые).

Небольшое отступление для иллюстрации процесса ломки стереотипа, на примере роддома. Все впечатления от прежних встреч с родомами лежали себе тихо и незаметно у меня в памяти до тех пор, пока племянник Игаль не позвонил несколько лет назад и пригласил меня с Людой познакомиться со своей второй дочерью, которой он помог родиться накануне – да, сам принимал роды, как и с первой дочерью. Он не акушер, профессиональный водитель, начальник отдела военизированной охраны, в недавнем прошлом успешный художник и известный боксёр: 4-кратный чемпион Латвии и 5-кратный чемпион Израиля в полутяжёлом весе (!), и приём родов освоил профессионально, но только для своей жены. Едем в больницу, поднимаемся на лифте на родильный этаж, входим в большую комнату, где сидят несколько человек. Звоним Игалю, что мы здесь и через пару минут он появляется,

каты небольшую кроватку, рядом идёт Лида, жена и снова мама. Я застываю и немею: как – где белые халаты, марлевые повязки на лицах, бахилы? новорожденная не в отдельной палате на сутки? Игаль подходит, раскрывает объятия, я с трудом выхожу из ступора, обнимаю и поздравляю его и Лиду, нам предлагают полюбоваться новым человеком. В кроваточке лежит спящая кроха, не ведающая о новом мире и глядящих на неё родителях и родичах. Да-а, эта домашняя обстановка меня сразила – после последнего посещения родома, куда не пускали даже на порог, общаться с роженицей можно было только через окно или записками, а передачи с домашней едой принимали через специальное окошко. Посидели, поговорили, пожелали здоровья и счастья и пошли домой. «Нет, ну ты такое видела?», спрашиваю у Люды. «Что видела?». «Ну как, вот так вот, папа возле роженицы и новорожденной, мы пришли, все обнимались?». «Ну и что такого?». Тут я вспоминаю, что Люда здесь уже много лет, для неё эти порядки в порядке вещей, и перевожу разговор на другое. Банально, но верно, всё познаётся в сравнении, ведь последний раз роддом я посещал за 15 лет до этого, но такие контрасты впечатляют. Не знаю, может быть сейчас и в прежних роддомах, где я бывал когда-то, всё по-новому.

Закончив посещение этого исторического места, возвращаюсь в центр, где встречаюсь с Аней на Дерibasовской. Надо перекусить. Аня уверенно ведёт меня к гиганту на Греческой площади. Входим на 1-й этаж, проходим немного по коридору и выходим в открытое пространство: половина здания раскрыта до верха и вниз, в нижний этаж. Красиво, по бокам перемещаются прозрачные кабинки лифтов, видны движущиеся лестницы эскалаторов. Внизу зелёный уголок с фонтанчиком и пространства кафетерия-столовой самообслуживания. Всё на современном уровне, стойки с набором напитков и соков, слева в стеклянных охлаждаемых шкафах прекрасный выбор всевозможных десертов, справа раздаточные стойки с первыми и вторыми блюдами, посередине большой открытый прилавок, в котором выложены разнообразные овощи. Загружаем подносы, движемся к кассе, оттуда к столикам. Перекусываем и поднимаемся лифтом на 4-й этаж, там у Аниной подруги свой бизнес – небольшой магазинчик одежды. Знакомлюсь с хозяйкой, мы осматриваем витрины, Аня недолго с ней разговаривает, потом мы спускаемся вниз, выходим и идём в рядом расположенный новый Детский мир, тоже современный, где Аня выбирает подарки для Севы. Расспросив Аню о его предпочтениях, выбираю коробку с полным комплектом строительно-дорожных машин – не потому, что хотел бы видеть его в продолжателях своей профессии, а потому, что по рассказу мамы, все марки пассажирских машин он освоил, и теперь его интересы сместились в сторону более необычных машин. Когда Аня вернулась в Москву и я позвонил ей, она сказала, что на вопрос: «Откуда у тебя такие машины?», Сева отвечает: «Дедуйська Сяся подайий!». Как это звучит: «Дедуйська Сяся подайий», а? Музыка! Правда, спустя некоторое время она огорчила меня, сообщив, что подъёмный кран потерпел аварию и у него повреждена стрела. Предсказуемый результат при несоблюдении правил эксплуатации, нужно отправлять водителя на переквалификацию: или груз поднимался при невыдвинутых аутригерах, или нарушено соотношение «вес груза – вылет стрелы». Ничего, опыт дело наживное, а ремонт нужно отнести на счёт фирмы, подготовившей водителя.

Далее у нас встреча с тремя мушкетёрами – Алексом, Олегом и Сергеем, в компании которых мы направляемся в гости к Олегу и его маме, Елене Ивановне. Вначале едем до пр. Гагарина, проходим по нему в направлении Французского б-ра, мимо очередного ИМ – гимназии №35.

Из памяти – 10.

Это славное ИМ, в стенах которого в трудах, но с пользой и удовольствием, провели часть своих молодых лет все мои дети – Алиса, потом Аня, за ней Роман.

Алиса, как я писал выше, перешла в эту школу по совету своей подруги, Марины, уже учившейся там. Переход был нетрудным, никаких особых препятствий не воздвигалось, даже то, что это были старшие классы. И вышла она оттуда с хорошим английским (конечно, помогли и красивая английская кукла, и английские цыплята из детского садика), с которым она шутя прошла через зачёты и экзамены по этому предмету в институте. А весь этот накопленный багаж, несомненно способствовал её успешному вхождению в американскую жизнь.

Аня начинала свою школьную эпопею в школе у бабушки Анны Арсентьевны, в городе Новотроицке, что на Урале. В пользу такого решения был целый ряд очень веских доводов. Анна Арсентьевна была известным в городе педагогом начальных классов, строгой, но справедливой учительницей, которую не забывали многие ставшие взрослыми её ученики. Кроме того, в доме, соседнем с тем, где жили бабушка с дедушкой, и выросли их дети Таня и Оля, была музыкальная школа, в которую Аня была определена с 1 сентября, и дома имелось фортепиано для занятий, а в 20 минутах езды на трамвае долгие зимние месяцы работала секция фигурного катания на коньках, куда она также была определена и в любой мороз сопровождалась дедушкой Василием Григорьевичем. А ещё у дедушки с бабушкой был замечательный сад-огород, в 10 минутах езды на трамвае, но в другую сторону, потом ещё пешком минут 20, который они возделывали уже больше 20 лет, и к этому делу тоже стали приобщать внука. Именно поэтому Аня получила правильное направление в учёбе, свободно чувствует себя и за фортепиано – и тут нужно отдать должное как бабушке Ане, купившей ей пианино для одесского дома, так и её замечательной учительнице, Ольге Вячеславовне, из музыкальной школы № 14, доведшей её от 4 класса до финала конкурса выпускников музыкальных школ Одессы; и также свобод-

но на любых коньках – что на льду, что на роликовых, и в агрономических вопросах, которые она впоследствии вполне успешно сузила до флористики; нет сомнения, что в любой момент она, имея такую практическую школу по растениеводству и заготовкам на зиму (эти шедевры домашней кулинарии привозились из-за Урала в неподъёмных баулах при каждом летнем посещении Таниных родителей, и ещё в промежутках присылались по почте, и ещё иногда передавались через Олю при её наездах в Одессу), освоит любое новое направление в агрономии или домашнем консервировании. Но по окончании 3-го класса было решено, что успешный старт состоялся, и нужно возвращаться в Одессу. Там Аня пошла в 58-ю общеобразовательную школу, а через год, в связи с ремонтом этой школы, была переведена в 72-ю. Обе школы находились недалеко от дома на Сегедской, где мы тогда жили, и вся учёба шла обычным путём. И вот тут я спохватываюсь: девочка в 5 классе и только начинает осваивать азы английского! Как же так, Алиса окончила английскую школу, а Аня? Иду в ту же школу №35, ставшую к тому времени школой-гимназией, прошупывать почву. В учительской попадаю на одинокого педагога, сидящего за своим столом в углу, прошу разрешения отвлечь его на несколько минут, получаю любезное приглашение присесть. Излагаю ситуацию: девочка заканчивает 5-й класс обычной школы, английский 1-й год, но старательная и усидчивая, и очень не хочет отставать от старшей сестры, окончившей раньше эту школу. Мой собеседник оказался тактичным человеком, и, выбирая слова, ответил: «Видите-ли, у нас начинают изучение английского с 1-го класса, и через 5 лет дети уже не только свободно говорят, пишут, декламируют стихи, но и читают английских классиков в оригинале. Разрыв так велик, что ..., понимаете сами». «Да», вздохнул я, «понимаю». Наверное, мой удручённый вид подействовал на него, и он добавил: «Но в любом случае, всё решает наш директор». «Спасибо большое за внимание!», говорю я, стараясь чтобы моя улыбка не перешла границы вежливости. Было ясно, что у директрисы меня ждёт тот же разговор с теми же аргументами, противопоставлять которым уверения в способностях Ани и её замечательной памяти, усидчивости и др. было бы наивно. А сдерживал я улыбку потому, что в этой беспросветной ситуации у меня появилась одна мысль, дающая надежду, а последняя намекала на удачу.

Для ясности изложения придётся сделать небольшой экскурс в предшествующий отрезок моей биографии, но он пригодится не только здесь, а и в дальнейшем, так что время, потраченное на него, не будет потеряно напрасно. Речь опять пойдёт о неисповедимых путях случая, но, как мы уже договорились, обсуждение причин без моего участия.

Однажды накопившиеся мысли и впечатления от массовых повреждений многих зданий в центре города, а также положения дел в фундаментостроении перешли некий порог и вылились на бумагу, которую я после некоторых правок в виде статьи «Фундаменты и фасады» отправил в «Вечернюю Одессу». Ответа долго не было, а когда он пришёл за подписью и. о. главного редактора Л. Гипфрих и зав. отделом Е. Голубовского, я прочитал, что статья очень растянута, изобилует ненужными подробностями и в таком виде не может быть напечатана. Не очень приятно, конечно, но так как я был начинающим автором, то авторитетное мнение принял к сведению, попытался что-то сократить, но текст не поддавался, после купюр рассыпался на бессвязные фрагменты. Я ответил, что не нашёл возможности сократить статью и прошу ещё раз рассмотреть возможность публикации. Вся эта эпопея заняла чуть более месяца, и вдруг мне звонит Е. Голубовский, говорит, что статья принята и мне нужно приехать такого-то числа для сверки гранок. С нетерпением дождался этого дня, приехал, познакомился с ним, сверил гранки – вроде без изъятов, подписал, потом спрашиваю: «Что-то изменилось?». «Понимаете, статья очень большая, занимает много места, и временно замещающая главного не могла решить это вопрос сама. Вернулся главный из отпуска, прочитал и написал «в печать», вот и все дела». Я и раньше относился к Б. Деревянко с симпатией из-за его интересных передовиц, и из-за резкой критики в адрес партийных руководителей, но после этого случая зауважал очень – ведь он счёл нужным потратить на меня дефицитную газетную площадь, значит, это не пустая писанина! Поэтому, известие о его гибели воспринял, почти как утрату близкого человека.

И вот через некоторое время после выхода газеты с моей статьёй мне звонят и говорят, что меня приглашает побеседовать на поднятые в ней темы председатель кооператива «Экополис». Ну, приятно, что кого-то заинтересовала моя статья, конечно иду. Нахожу названный адрес, в крохотном подвальчике сидят несколько человек, здороваюсь, говорю, что пришёл по приглашению. «Входите, пожалуйста, добрый день!», навстречу мне поднимается крупный мужчина с приятной улыбкой, «будем знакомы, Гурвиц Эдуард Иосифович». Обмениваемся рукопожатиями, он приглашает меня сесть, хвалит статью, говорит, что разделяет тревогу по поводу деформирующихся зданий, т.к. кооператив направлен в своей деятельности на экологические проблемы. Интересуется, чем я занимаюсь в институте и, узнав, что у меня есть договор на исследования фундаментов с трестом «Одеспромстрой», приглашает перейти к ним на работу. Говорит, что кооператив будет содействовать в проведении исследований, и что фонд зарплаты у них 50%. Благодарю его за отзыв о статье, за приглашение, но должен, конечно, подумать, и нужно обсудить вопрос с руководством института, ведь я там уже 18 лет. «Подумайте и решайтесь!» напутствует меня председатель. Приглашение принял, конечно, дела с испытаниями из-за отсутствия необходимой техники шли со скрипом, да и 50% это, знаете, немало, ведь в институте было 30%, остальное шло на содержание аппарата НИСа (научно-исследовательский сектор), да и strenуженное положение надоело хуже горькой редьки: чтобы купить какие-нибудь плоскогубцы, нужные

для лабораторных дел, требовалось получить разрешение гл. бухгалтера (а он проверял, предусмотрено ли это статьёй расходов в договоре), начальника НИСа (а он обязательно должен был посоветовать взять у когонибудь взаймы), проректора (оставить у секретаря на подпись, получить через пару дней), а потом с письмом обратиться в специальный магазин, обслуживавший ВУЗы, и если этот инструмент был там в наличии, то это везуха (исключительный случай для родившихся в рубашке, или для хорошо смазавших контакты с продавцами), а если нет, то «в следующем квартале». Договорился с новым ректором, только заступившим в должность, Мазуренко Л. В., который хоть и упрекнул – «ну вот, только я стал ректором, как Вы уходите!», но препятствовать не стал. Мы с ним остались в хороших отношениях, он довольно часто приглашал меня дать заключение по различным проблемам с институтскими зданиями. Вот так состоялось знакомство с Эдуардом Иосифовичем, с которым я проработал несколько лет, пока он не подался в депутаты и был избран председателем райсполкома, и оказался в том же кабинете, где я был когда-то на приёме у Палова.

Так вот, мелькнувшая мысль в школе №35 была о Гурвице – попросить его о помощи: походить тайтствовать перед директрисой, конечно, не самому, а по его просьбе кого-нибудь из отдела образования исполкома. Попросился на приём, был принят очень благожелательно, и на просьбу ответил, что вопрос постарается решить, в любом случае мне позвонят. Благодарю, желаю успехов, ухожу. И через пару дней мне звонят и говорят, что просьба директрисе передана, можно идти к ней на встречу. Мы проводим семейный совет, я объясняю Ане, что это замечательная школа, которую окончила Алиса, и что я бы хотел, чтобы и она там училась, но вначале будет очень трудно, она сильно отстала и нужно будет много заниматься. Но у Ани уже тогда был характер, она сказала, что хочет там учиться и готова работать день и ночь. На этом порешили, и на другой день, после её возвращения из школы и обеда, мы едем туда. Послеобеденное время, в школе пусто, идём по широкому коридору в учительскую, я спрашиваю с кем можно поговорить о приёме девочки в школу. Мне указывают на худощавую женщину – вот завуч. Здравоваемся, я снова излагаю детали дела. Завуч смотрит холодным взглядом, снисходительно объясняет отсталость Ани и полную невозможность такого шага. Потом, чтобы сгладить свою резкость, говорит о моей ответственности, ведь я собираюсь подвергнуть ребёнка такому испытанию, и такой нагрузке и т.д. Я совершенно теряюсь (почему-то был уверен, что все, кому нужно, знают о нашем визите), бормочу: «Что Вы посоветуете?». «Возьмите педагога, пусть ребёнок усиленно позанимается год, тогда приходите, посмотрим». Прощаемся, выходим в коридор, я в подавленном состоянии, думаю, удобно ли ещё раз беспокоить Гурвица, у Ани на глазах слезы. Обнимаю её, говорю, что всё уладится. Но у Ани есть не только характер, у неё есть и ангел удачи, который помогал ей в нужные моменты, и, будем верить, будет с ней всегда: по коридору, слегка прихрамывая, навстречу нам идёт женщина средних лет и среднего роста, подойдя поближе здороваётся, мы отвечаем, и она говорит: «Это, случайно, не Истомина Аня, которая хочет учиться в нашей школе? Я директор». Я отвечаю, что да, это она, и мы очень рады знакомству, но вот уже поговорили, нам сказали, что нельзя, слишком поздно. Аня опять начинает тереть глаза, она говорит: «Ничего, пойдём попробуем ещё раз», приобнимает её и ведёт обратно в учительскую, а мне предлагает подождать. Вскоре оттуда выбегает сияющая Аня: «Меня приняли!», потом выходит директриса и говорит, что всё в порядке, даёт написанное Аней заявление о приёме в школу с резолюцией «принять», предлагает мне его подписать, передаёт ещё список необходимых для поступления документов, нужно их собрать и принести, а затем прийти к началу нового учебного года. Выражаю ей признательность, исчерпав весь свой багаж благодарностей, Аня звонящим голоском: «Спасибо, Инна Анатольевна!», мы прощаемся и в приподнятом настроении идём домой.

Вот ведь какие спирали были выписаны, чтобы Аня впряглась в эту гонку вдогонку. И она догнала, а многих и перегнала, окончив школу с серебрянной медалью (если бы не несколько отметок «хорошо» в табелях за 4-5 классы, была-б золотая). Но и эта верно послужила, сыграв свою роль при её поступлении в Южно-Украинский Университет (тоже драматическая история, и тоже ангел был на чеку и помог). И не только в этом перегнала, а и в успешном прохождении конкурса на поездку в Америку, и поехала, и покорила эту Америку, ну, если не всю, то многих: и директрису тамошнего летнего лагеря, которая ходатайствовала о её повторном приезде; и повара лагеря, который предложил ей руку и сердце, на что она ответила, что должна съездить домой, посоветоваться с родителями; и Алису с Лидой знанием языка и компьютера; и Игоря Михайловича с женой Еленой Ивановной, у которых она в гостях сварила вареники (чтобы несколько понизить планку восхвалений отмечу, что дома она вареники не варила – конечно, работа на публику куда эффективнее, чем домашние будни).

Так что когда подошло время, вопрос куда идти Роме учиться даже не возник, хотя районная школа была в соседнем дворе (мы уже жили тогда на Новосельского в квартире, которую мама с Людой, уезжая, оставили нам). Обратился напрямую к Инне Анатольевне – за время учёбы Ани навещал её несколько раз, и получил резолюцию на заявлении: «Принять». А пошёл Рома в первый класс в году, когда Аня окончила эту школу, и на память об этом событии имеется снимок, вот он перед вами (следующая страниц) – сестра передаёт эстафету учёбы младшему брату, конечно, под надзором родителей. Здесь запечатлены все и всё: и семья, поддерживающая счастливого первоклассника, и школа, и дата события – 01.09.1995. Девушки, как можно заметить, несколько перегнали в росте юношей, это объясняется особо благоприятными условиями, созданными в семье для представительниц пре-

красного пола, ну и частично каблучками. Но потом Рома решил, что нужно догнать старшую сестру, и взял разгон – как оказалось впоследствии, довольно крутой, сейчас у него рост 1.94 м.

Роман проучился там до 7 класса, и в первые годы поездки в школу были довольно длительными – 28-м трамваем с Торговой, потом пересадка на 5-й до пр. Гагарина. Но где-то с 3-го класса появились маршрутки, с Дидрихсона на Гагарина и далее, которые Роман тут же засёк и, конечно, стал проситься туда. И хотя это было много дороже трамвая, но наши с ним интересы совпали, т.к. я в то время был в гонке по расчётам и проектированию реконструкции дома Бернардацци в Сабанеевом переулке, и со временем была напряжёнка. Зато по хорошей погоде у нас с ним были приятные возвращения домой. Я купил ему на Новом базаре красивый взрослый велосипед Минского завода, за 3млн. 600 тыс., что? Повторяю: за 3 миллиона 600 тысяч. Нет, колёса не из платинового сплава, как в особых гоночных моделях для профессионалов. Эти миллионы и сотни тысяч были в купонах, временных дензнаках того времени, цена их была за 1 доллар – 40 000. Так что за велосипед я уплатил \$90, что хоть и не так, чтобы дёшево, но и не очень дорого. Так вот, под вечер (Роман учился во 2 смену), я усаживался на велосипед, прихватив его ботинки и небольшой перекус, так, чтобы на обратном пути он смог дотянуть до дома, и катил на нём (на велосипеде, конечно, а не на перекусе), через Соборку, по Греческой и через парк Шевченко, Белинского и далее по бульвару до школы. Там вскоре появлялся Рома в окружении ребят из класса, под завистливыми взглядами которых он одевал ботинки с роликками, я убирал его туфли в рюкзак, который закреплялся на багажнике, и под этими же взглядами, помахав им рукой, он широким раскатистым шагом устремлялся на Французский б-р, я за ним на велике, до парка Шевченко, там он перекусывал, брался сзади за багажник и: «Быстрее, папа! Ещё быстрее!» - мы на бешеной скорости неслись вниз наискосок, до Сабанеева переулка, откуда уже помедленнее проделывали обратный путь домой. Естественно, когда начинался затяжной подъём вверх, он усаживался на сиденье, а я превращался в велорикшу, ну, не классического вида, впереди, а сбоку. Приятные времена, замечательно, с точки зрения двигательной активности, мы, не думая и не гадая, разместились со своей квартирой по отношению к школе.

Вот такое важное ИМ еле просматривается в наступившей темноте, Аня делает снимок, но рассмотреть на нём ничего нельзя, и сослаться тут на Чёрное море уже не получается. Поэтому, извлекается фото из архива, помещённое выше.

Потом мы выходим на Французский б-р, идём, идём и оказываемся перед ещё одним ИМ – зданием бывшего «Винпрома», где Тана поработала зав. архивом при техническом отделе.

Это была чудная организация, размещавшаяся в чудном старинном особняке и приносившая её сотрудникам много приятных, как теперь принято говорить, бонусов. Приносить эти бонусы давало возможность устройство этой организации: в её распоряжении находились все винодельческие совхозы области. А винодельческий совхоз это же не только вино, а и весь сопутствующий комплекс: сады, виноградники, животноводство и т.д. И, естественно, каждому совхозу постоянно требовались какие-то реконструкции и расширения. Но сам он ничего по тогдашнему устройству советского общества сделать не мог, т.к. все вырученные деньги от реализации всей его продукции экспроприировались в центральную казну, откуда выделялись установленные крохи на зарплату сотрудникам, содержание «Винпрома», а большая оставшаяся часть шла государству – на «оборону» и другие нужды, и на неплохое содержание аппарата этого государства. Так что по любому вопросу, от постройки будки для сторожа сада и до расширения винохранилища, каждый совхоз обращался в «Винпром». Там архивариус Татьяна подбирала соответствующий типовой проект, который в техотделе «привязывали», т.е. вносили коррективы по местным условиям. Но не нужно думать, что совхоз попросил, и «Винпром» тут же бросился эту просьбу удовлетворять: есть же утверждённый годовой план, есть срочные поручения вышестоящих организаций, есть личные просьбы важных людей и др. Так что каждый совхоз искал свои пути ускорения заявок, конечно окольные и вознаграждаемые, но без переступания опасных граней. В числе этих путей были невинные подношения винопродуктами: так, однажды Таня вечером небрежно обронила: «Сегодня помыла пол в архиве шампанским» – как оказалось, привезли подарок, несколько

ведер шампанского, одно из которых по неосторожности опрокинули. Прекрасными бонусами были осенние приезды машин из совхозов, продававших сотрудникам «Винпрома» фрукты и овощи по себестоимости, т.е. вдвое дешевле, чем в магазинах. Запомнились замечательные поздние груши, тёмно-зелёные, каменной твёрдости, которые ставились в ящиках под кровать, наполняя нашу комнатушку благоуханием, а через пару недель оказывались наполненными пахучей, медовой мякотью. Рядом с «Винпромом» располагался его винзавод, выпускавший неплохие вина, и когда однажды Оля приехала на недельку из Москвы полежать на пляже, окунуться в море, и зашла к ней на работу, то, конечно, красивая девушка не ускользнула от глаз молодых сотрудников, которые тут же предложили ей экскурсию по подвалам этого завода. Так что, когда она через часа 1.5 вернулась, Тане пришлось отпроситься с работы, отвести её домой и уложить спать. Но вечером, когда я пришёл с работы, Оля была уже в форме и за ужином с восторгом описала своё дегустационное турне.

Дружной компанией продолжаем путь к Олегу домой. Поднимаемся на 2 этаж, дверь открывает улыбающаяся, стройная мама Олега, Елена Ивановна. Здравствуем, я прошу разрешения отлучиться на полчаса: мне нужно навестить Иру Блогерман, в прошлом наставницу Люды*, а потом её многолетнюю подругу, передать от Люды подарок. Далеко идти не нужно, она с мужем Женей живёт на этой же площадке. Звоню, передо мной с улыбкой возникает Ира, приглашает войти. Она прекрасно выглядит, несколько поправилась, но, как и прежде, оживлена и подвижна. В комнате за компьютером Женя, здороваемся, он тоже не изменился. Усаживаемся, я передаю подарок, обмениваемся рассказами о здешней и «тамошней» жизни. Ира занимается общественной работой при библиотеке, Женя стал профессионалом в «Фотошопе», к нему обращаются за консультациями.

*Люда славно поработала на знаменитой Одесской киностудии, отдав ей 20 лет жизни. Это были для неё нелёгкие годы, потому, что ей приходилось осваивать специальность с нуля, оставляя дома большую маму, которую нужно было обеспечить едой на день, из-за расстояния она не успевала приехать к ней в обеденный перерыв. И, поэтому нужно было приготовить еду с утра, и помочь маме с утренним туалетом, и дать ей завтрак, и ещё заскочить перед работой на Привоз, ну, и, конечно, уборка-стирка-глажка, и остальное по мелочам. Нужно сказать, что она всё успевала – и управляться с мамой, и пригласить нас на обед в воскресенье, и спечь поздравительный пирог многочисленным подругам на дни рождения, и просто угостить кого-то на работе. Сначала она пошла ученицей в цех проявки плёнок, но долго там не выдержала: монотонная работа, взвинченная, вечно всем недовольная начальница цеха, подтолкнули её к переходу на более интересную и престижную работу. Это была работа монтажёра фильмов. Хорошие монтажёры на киностудиях тогда (как сейчас, не знаю), входили в круг элиты, занимая в иерархии 3 место после режиссёров и актёров. Люда начала с нуля, и стала медленно, но неуклонно подниматься вверх, получая всё более высокие категории (что сопровождалось и более высокой оплатой труда). Но последний отрезок пути к вершине она прошла под руководством Иры Блогерман, монтажёра высшей категории. И вот через какое-то время и она становится монтажёром высшей категории, знакомится по работе с известными актёрами и актрисами, работает с известными в то время режиссёрами: Василевским, Тодоровским, Юнгвальд-Хилькевичем и другими. Но высшим признанием её профессионализма становится приглашение стать монтажёром фильма «Подвиг Одессы», о героической обороне города в Великой отечественной войне – её имя и фамилия запечатлены в титрах фильма, получившего одобрительные отзывы в прессе. Конечно, здесь такая редкая специальность и при отсутствии знания языка не могла найти применения. Но выработанные с годами точность и пунктуальность, присущие ей трудолюбие и исполнительность помогли ей стать востребованной уборщицей офисов и лестниц, чем она увлечённо занималась вплоть до выхода на пенсию. Это новое дело так ей полюбилось, что она теперь и меня стала привлекать на редкие разминки, под предлогом помощи, разумеется, прерывая мои сладкие дрёмы. Прерываю и помогаю, конечно, единственная ведь сестра, к тому же младшая.

Наговорившись с Ирой и Женей, прощаюсь, говорю, что иду в гости через площадку. В небольшой кухоньке пир горой и веселье до потолка. Олег, увидев меня, вскакивает, схватившись руками за голову, и восклицает: «Ой, я же съел все макароны!». Успокаиваю его, говорю, что обойдусь салатом, который Елена Ивановна тут же начинает готовить. Я тем временем надписываю и дарю свои юбилейные книжицы. Далее идёт оживлённый разговор обо всём, потом молодёжь перемещается в другую комнату к компьютеру, я остаюсь с Еленой Ивановной и разговор, конечно, возвращается к её трагедии. Я знал об этом с Таниных слов, но из первых уст выслушал впервые.

Это было в 90-х годах прошлого века: время обретения Украиной самостоятельности и время первоначального накопления капитала, лихое время, время всевозможных афёр с выкачиванием сбережений у простаков под обещания больших процентов (ваш покорный слуга поучаствовал и, конечно, поубавил свои накопления), время бандформирований, «крышевавших» становившихся на ноги бизнесменов, и тому подобные сопутствующие явления, сопровождавшие эти процессы – что в своё время в Америке, что в республиках бывшего СССР в эти годы. Но вот Казахстан стал редким исключением, что, по моему мнению, определяется как миролюбивым характером казахов, так заслугой президента Назарбаева.

Елена Ивановна создала турагентство, успешно растущее и постоянно расширявшее сферу своей деятельности. Кому-то это мешало, и вопрос решился на уровне мышления тех, кому мешало – были наняты бандиты. Однажды вечером, когда она вошла в лестничный тамбур, на неё напали. Заказ был не избить, а убить: били молотком по голове. Возвращавшаяся с работы Ира нашла её без сознания, в луже крови, и тут же вызвала скорую помощь. Была проведена нейрохирургическая операция, после этого длительный курс реанимационных мероприятий. И одесские врачи вернули её на этот свет, показав высший пилотаж спасательной медицины. Но поставила себя на ноги она сама. Как она рассказывала, она понимала, что кормить её дома с ложки некому, Олег же не может забросить работу. И что если у неё был бы муж, то она осталась бы в инвалидной коляске на всю жизнь – переложив на него все заботы. К этому добавлялся ещё один мощный стимул: скоро она должна была везти группу за границу, туры были распроданы за много месяцев раньше, и платить неустойку не хватило бы никаких денег. Вот эта ответственность за себя плюс мобилизация и сотворили чудо: она с забинтованной головой под косынкой повезла группу (конечно, без разрешения врача, он ей не разрешил бы даже поездку в автобусе), а в соборе, где проходил показ фресок на куполе, неосторожно подняла голову и почувствовала, что теряет сознание. Опершись о колонну, собралась с силами и продолжила рассказ на память, не глядя вверх. Вот на что способен человек с сильной волей и неотложной целью впереди. Она заслуживает самых высоких похвал и восхищения.

Вернувшись молодёжь разливает остатки вина, мы пьем за здоровье хозяев, прощаемся и уходим по домам.

И был вечер в Одессе, и было утро в Одессе. День 7-й – 07.09.

Сегодня Аня покидает нас – меня и своих друзей, и возвращается к соскучившейся по ней семье, соскучившись не меньше, конечно, по ним. Едем вместе в город, где она нанесёт прощальные визиты друзьям, а я отправлюсь на Привоз, заpastись мёдом. Проходя по Греческой площади, говорю Ане: «Надо нанести визит мэру, а то узнает, что я был здесь и не появился у него – обидится». Аня залиристо смеётся: «Папа, тебя остановят за два квартала, и в лучшем случае назначат время на следующий месяц, в день приёма по общим вопросам!». «Ну», говорю я, «у тебя, видимо, тяжёлый опыт общения с московской администрацией!». «Посмотришь!». На этом расстаёмся до раннего вечера. Держу путь трамваем-тройкой по Преображенской до Старопортофранковской, оттуда пешком в молочный корпус. Молочный он очень давно уже наполовину, там и всевозможные колбасы, и пирожные-торты, и мёд, но название осталось. Вот слева вдоль стенки и длинный медовый ряд – несказанное изобилие видов, сортов и расцветок: из цветочных сборов, из всех видов целебных трав, из липы, акации, сафлоровый, гречневый, майский и осенний, ну и весь ассортимент остальной пчелиной продукции – мёд в сотах, прополис, пыльца, маточное молочко. Я нацелен на акациевый. Это сложное чувство, последовательно разворачивающееся каждый раз, когда я вижу этот мёд, пробую его, получаю удовольствие от его светло-опалового цвета, замечательного вкуса, воспоминаний о запахе акации в молодые годы. Здесь у нас тоже широкий выбор сортов мёда, от обычного цветочного до специфических, таких, как клеверный, эвкалиптовый, авокадо, из тимьяна. Но то, что пробуешь в молодости впервые и нравится, остаётся как эталон. Начинаю обход ряда, первой с края стоит дама средних лет, предлагает попробовать. Пробую, но предупреждаю, что должен обойти весь ряд, чтобы никого не обидеть. Дама сразу теряет ко мне интерес, отворачивается и демонстративно начинает разговор со стоящим рядом мужчиной. Вряд ли что-то купил бы у неё, даже обойдя весь ряд, видно по ней, что она не вложила свой труд в этот мёд. Понимая, что попробовать везде не получится, просматриваю всех вдоль ряда и взгляд сразу останавливается на крепком, около 30 лет мужчине с открытым лицом. Подхожу, он улыбается, здоровается первым, спрашивает, какой мёд я предпочитаю. «Акация». Предлагает попробовать: «Вот свежий, вот выстоянный». Пробую, хорош и тот, и другой. Договариваемся о цене, я заказываю из расчёта, чтобы обеспечить всех. Он начинает накладывать мёд в банки, спрашивает: «Отдыхаете?». «Не был тут больше 8 лет», отвечаю, «приехал посмотреть, как идут дела». «Ну, и как?». «Молодцы, так и дальше!». «Стараемся!». В свою очередь спрашиваю, откуда мёд – «Ширяевский район». Я там не бывал, однако район известен своим мёдом. Но вот уже всё упаковано, я интересуюсь: «Будет скидка на оптовую покупку?». «Можно, 5 гривен». Скидка, конечно, мизерная, но что интересно – эта крестьянская прижимистость мне нравится. Расплачиваюсь, желаем друг другу всего хорошего, и я отправляюсь домой. По дороге покупаю «Одесский Вестник», нужно же познакомиться, что пишут в городе и о городе.

Приезжаю домой, Аня уже тут, возится со своим чемоданом. Предагаю ей мёд на выбор – баночки по 300 гр., по килограмму, обращаю внимание на сорт. Она выбирает маленькую упаковку, говорит, что дома у них есть, Серёжа привёз башкирский. Ну, башкирский, это, конечно, высший класс. Потом Аня подводит меня к столу, показывает стопку разнокалиберных гривен, прижатую книгой: «Вот, тут лишние остались». «О-о», говорю, «приватизируем!», сдвигаю стопку с краёв к середине, складывая пополам, и кладу в бумажник. Звонок в дверь, появляется Серёжа, здороваюсь с ним. Время ещё есть, приглашаю перекусить, предупреждая, что меню прежнее: хлеб, брынза, хумус, овощи, вино. Никто не возражает и мы весело расправляемся с этой нехитрой, но вкусной едой. Убрали, присели на дорогу и вперёд. На Говорова Сергей останавливает машину, загружаемся и вскоре мы уже в аэро-

порту. До регистрации ещё 40 минут, располагаемся на скамейке. Вскоре появляется Алекс, ведя своего двухколёсного коня. Становится ещё оживлённее, шутки и прощальные наставления друг другу перемещаются по кругу. Делаю прощальный снимок, объявляют посадку.

Быстро прошли эти 5 дней, поговорить с толком и расстановкой не успели...

Прощаемся в Аней, желаем счастливого полёта, она скрывается за дверью, и мы направляемся на выход. Там прощаемся с Алексом, который, оседлав велосипед, быстро скрывается вдаль. Сергей показывает на вместительное авто, стоящее справа у бывшей автобусной остановки: «Маршрутка». О-о, везуха, спешим к ней, усаживаемся, и вскоре она трогается. Сергей выходит на Шевченко, я доезжаю до Говорова и иду домой.

Там начинаю обзванивать людей, с которыми хотел бы встретиться: Володя Финько, Анин сокурсник, архитектор, с которым много поработали вместе со взаимным удовольствием; Николай Базан, архитектор, знаком с ним с его студенческих лет, тоже хорошо поработали вместе, наше совместное, с участием и Володи Финько, творение, – 2 рядом расположенных дома, стоит на пр. Шевченко; Михаил Пойзнер, руководитель отдела в «ЧерноморНИИпроекте», академик, автор не только научных трудов, но и небольшой, но прекрасной книжки «Из подсмотреного и подслушанного в Одессе», которую он подарил мне перед отъездом. Увы, ни один номер не отвечает, несмотря на мою настойчивость и сверку номеров в справочной. Все в отпуске? Все по делам, в гостях, на прогулках? Очень жаль. Но в запасе ещё пара дней, буду повторять попытки. Есть ещё один номер, по которому нужно позвонить. Его мне дала Алиса, когда я посвятил её в планы посещения Одессы: оказывается, в это время там будет Игорь Михайлович! Вот это сюрприз, последний раз виделся с ним в 2005 году, когда побывал в Нью-Йорке. Тут удача не подвела, дозвонился, обмениваемся приветствиями и договариваемся о встрече на завтра, в Аркалии, он предлагает вечером в 17 часов, у ротонды. «У ротонды», переспрашиваю я. «Да, у ротонды, в начале главной аллеи». Неудобно, не знаю ротонду в Аркалии, неужели забыл? Ладно, завтра прояснится.

Коротая время за чаем и Вестником. Среди текущих новостей: в области на 1 вакансию 10 безработных; прогнозируемый рост цен на газ в 2010 году – 50-80%; в Городском саду рядом с Кисой Воробьяниновым появилась скульптура Остапа Бендера.

Но самое интересное и незаурядное событие – присуждение Одессе Доски Почёта Совета Европы. Это действительно выдающийся успех, на эту награду претендовали 600 городов мира! Из комментария Александра Сашина: «Церемония состоялась в присутствии представителей аккредитованного в нашей

стране дипломатического корпуса, прибывших глав иностранных делегаций, почётных граждан Одессы... Присуждение Одессе Доски Почёта Совета Европы состоялось ещё 29 апреля 2009 г. в Страсбурге на заседании Парламентской Ассамблеи Совета Европы... Кстати, предыдущая степень Европейской премии – Флаг Чести Совета Европы – присуждена Одессе в 1998 г. и вручена в 2006 г.» (присуждена во время, когда Э. Гурвиц был мэром, и вручена, когда он после перерыва вернулся на этот пост). Из справки в газете: «Доска Почёта представляет собой вторую по значимости (из четырёх существующих) степеней Европейской премии, которой Совет Европы награждает города континента за активное развитие международных связей». Браво Одессе, браво её городскому голове!

За чтением газеты время пролетело быстро, и тут поступает сообщение от Ани: «Долетела благополучно». Отвечаю поздравлением по этому поводу. Великолепная штука этот мобильник! Всё, можно отправляться на отдых.

И был вечер в Одессе, и было утро в Одессе. День 8-й – 08.09.

С утра планирую поехать на работу к Пойзнеру, может быть застану его, потом в центр, там заглянуть в книжный, и к 13 часам – начало обеденного перерыва – попробовать попасть к Эдуарду Иосифовичу. Выхожу на пр. Шевченко, еду до ЧерноморНИИпроекта. Бюро пропусков, обращаюсь к

сидящей там женщине с тем, что хочу попасть к Пойзнеру. «В отпуске», следует лаконичный ответ. Да, невезуха. Еду в центр, выхожу на Греческой, иду к Горсаду. Он приведен в идеальный порядок, приятно смотреть. Иду вниз по левой стороне, захожу в книжный. Широкий выбор современных писателей, просматриваю некоторых, но не увлекаюсь. А вот Дипак Чопра это то, что нужно, у нас его на русском нет. Беру «Путь волшебника» и маленькую книжку о противостоянии времени. У кассы достаю бумажник, вынимаю сложенные пополам вчера купюры, разворачиваю – в середине \$100! Ну, Аня, погоди! Расплачиваюсь, выхожу на улицу. Пора перекусить и двинуться к исполкому. Иду на Греческую, где мы ели с Аней пару дней тому назад, спускаюсь вниз, набираю небольшую тарелку салатных листьев, нарезанных огурцов, потом иду к раздаче, прошу положить гречневой каши. Девушка накладывает, спрашивает, какой полить подливой – из тефтелей, или из жаркого. Я прошу полить растительным маслом, но – нету. Как, удивляюсь я, нет растительного масла? Девушка хмуро качает головой. Обратил внимание ещё в прошлый раз, персонал какой-то озабоченный, малоприветливый. Или это меня в Израиле разбаловали, там везде покупателя встречают с улыбкой, легко откликаются на шутку (если знать язык). Иду платить: зелень 16 гривен, сухая каша 32 гривны! Ого! Плачу, конечно, но ем без особого аппетита, такие деньги. Не потому, что я такой скряга, или отдал последние гривны, просто несообразны количество и содержание тарелок цене. Запить решаю свежим соком, и тут обстановка получше, парень, обслуживающий соковыжималку, улыбается и быстро выжимает мне морковку и яблоко, желает приятного аппетита. Всё, уже половина первого, можно идти на встречу, возможность которой ещё под вопросом. Шагаю вниз, мимо Оперного, и тут спохватываюсь – привезенные с собой презенты ведь нужно положить в приличный кулёк или коробку. Быстро возвращаюсь назад, захожу в несколько магазинов, ничего подходящего нет, потом заглядываю опять в книжный, вот: на подставке развешаны кульки и коробки с ручками разных видов и расцветок. Приобретаю одну, укладываю туда свои подарки, всё в портфель и полубегом на Пушкинскую. Поднимаюсь по ступенькам в исполком, прохожу тамбур, на расстоянии двух метров от входа расположено ограждение, перед которым стоит молодой милиционер. По холлу слева тянется на выход цепочка сотрудников, спешащих на обед. Здравуюсь, говорю, что я проездом в городе, знаком с мэром и хочу с ним увидеться. Он переадресовывает меня к капитану, сидящему за окошком справа. Подхожу к начальству, повторяю свою просьбу. Он просит документ, смотрит мой паспорт, звонит по телефону, недолго говорит, потом протягивает трубку мне. Я объясняю, что не расслышу, прошу позвонить мне на мобильный. Капитан переговаривается с кем-то, потом предлагает подождать, указывает на скамейку в холле. У меня в руке объёмистый портфель, но он не вызывает у охраны никакого интереса. Да, спокойно живут люди. Вспоминаю свои реалии, когда у входа в каждый магазин или другое общественное место охранник осматривает сумки, а если заведение побольше, так уже металлоискатель, с выкладыванием в корзинку содержимого всех карманов и дотошной проверкой. Жду, минут 10. Вот справа от входа по лестнице спускается стройная, худощавая женщина, подходит ко мне, спрашивает, я ли хочу встретиться с мэром. «Да», отвечаю, «я в городе пару дней, и хочу увидеться с Эдуардом Иосифовичем». «Простите, Ваша фамилия?». «Коган, Александр Романович». «Вы знакомы ним?». «Конечно, иначе я бы записался на приём». «А откуда Вы с ним знакомы?». «Работали вместе». «Где, если не секрет?». «Не секрет, в Экополисе». «Одну минутку», говорит она и звонит по мобильному телефону. Тут же поворачивается ко мне и с лёгким поклоном, протягивая левую руку вперёд произносит: «Прошу!». Я теряюсь от такого обращения, предлагаю ей пройти вперёд, но она настойчиво просит меня идти первым. Приходится уступить, поднимаемся по лестнице, устланной ковровой дорожкой на 2 этаж, она успевает открыть передо мной дверь в приёмную, я смотрю на неё с укоризной, но она, улыбаясь, говорит: «Прошу, прошу!». Вхожу в приёмную, в дальнем углу секретарь, у стен несколько человек стоят и сидят на стульях. Здравуюсь со всеми, секретарь с улыбкой отвечает, пара человек кивают головами. Прохожу через приёмную под недоуменными и изучающими взглядами присутствующих и вхожу через открытую дверь в кабинет председателя. Вот и он, с улыбкой выходит из-за стола, делает навстречу пару шагов: «Здравствуйте, Александр Романович!». Совсем не изменился, одет просто – тёмные брюки, тёмно-синяя рубашка с расстёгнутым воротом. Справа от большого письменного стола на подставке стоит Доска Почёта, за его креслом всю стену от пола до потолка украшает гигантская фотография потёмкинской лестницы, заполненной праздничными одесситами. Обмениваемся рукопожатием, он предлагает мне сесть, садится на своё место, спрашивает, по каким делам в городе. «Вот», говорю, «8.5 лет, как уехал в Израиль, решил, что нужно посмотреть, как тут дела». «Ну, и как Вы находите эти дела?». «Полный восторг, Эдуард Иосифович, город преобразился, эти отреставрированные старые дома, эти новые массивы прекрасных жилых домов, преображённая Греческая площадь, всего не перечислить, замечательно!». «Спасибо, приятно слышать. Где Вы в Израиле живёте?». «В городе-побратиме Одессы – Хайфе». «Да? А у меня только недавно была делегация оттуда, с мэром Ионой Яхавом!». «Знаете, я решил, что среди такого количества знатных гостей не смогу претендовать на Ваше внимание, приехал отдельно, и – пожалуйста, удостоен личной беседы! Хочу поздравить Вас с победой в международном конкурсе, читал во вчерашней газете, это огромное достижение города и признание, конечно, Ваших заслуг». «Спасибо», отвечает он, «мы стараемся делать всё возможное для возрождения былой славы города. Чем Вы занимаетесь, Александр Романович?». «Наслаждаюсь жизнью у моря, вспоминая любимые Ланжерон, Отраду, Дельфин, Арка-

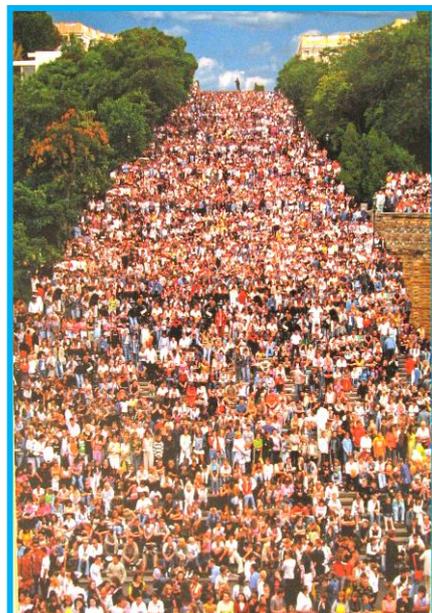
дию. Участвую в работе Дома Учёных. Разрешите преподнести Вам небольшой презент: вино Израиля, Вы, конечно, знаете, что эти вина уверенно выходят на первые места в Европе, и свою книжицу». «Спасибо, Александр Романович!», ставит бутылку с вином перед собой на стол, а книжку кладёт поверх высокой стопки бумаг. Я говорю, что всегда с благодарностью вспоминаю его помощь оказанную мне, как во время совместной работы, так и по личным вопросам. Он отвечает, что это в порядке вещей, и показывает на фото сзади: «Как Вам нравится? Это День рождения города». Выражаю свой восторг, говорю, что сразу обратил внимание на этот великолепный снимок, после чего встаю: «Эдурд Иосифович, мне очень приятно с Вами беседовать, но я не могу больше занимать Ваше обеденное время, тем более, что в приёмной ждут люди, сами не обедают и Вам не дадут». Протягиваю руку для прощания, он встаёт и говорит: «Подождите, Александр Романович». Выходит в соседнюю комнату, возвращается с большой книгой золотистого цвета, кладёт на стол рядом со мной – это роскошно изданный фотоальбом «Одесса», открывает и показывает там то же фото, что и на стене: «Вам подарок». Благодарю его, раскрываю портфель, но он предлагает подождать ещё минутку, уходит и возвращается к большим ярким кулком и ещё коробкой, поменьше. Раскрывает её, сверху лежит прямоугольник глянцевого бумаги с текстом. «Сертификат!», говорит он, поднимает его, там на атласной подкладке в углублении лежит плоская бутылка круглой формы, с надписью золотыми буквами «Коньяк Славутич», наполненная тёмно-янтарной жидкостью. «Высшая проба, тоже Вам презент», укладывает всё в кулёк и протягивает мне. Ещё раз благодарю, говорю, что очень рад встрече с ним, обмениваемся рукопожатием, прощаюсь и иду на выход. В приёмной прощаюсь с секретаршей, она приветливо машет рукой, говорю «до свидания» очередникам, откровенно разглядывающим мой кулёк, и покидаю исполком.

Вот, для вас, дорогие читатели, описанное фото из описанного альбома.

Медленно иду мимо памятника Пушкину по Приморскому бульвару и мысленно говорю себе: «Да, Александр Романович, нужно запомнить получше этот день, не каждому и не всегда удаётся так запросто попасть к мэру города!». И тут же ещё мысль: «Ну что, Аня? Где твои – за два квартала?». Подхожу к памятнику Дюку, окидывая взглядом прекрасную панораму порта с морским вокзалом, и вдруг замечаю, что вместо уродливого эскалаторного подъёмника, построенного на месте бывшего фуникулёра с двумя вагончиками, одновременно трогаящимися с места сверху и снизу навстречу друг другу с разездом посередине склона, опять появился фуникулёр, тоже с двумя вагончиками, всё, как раньше. Здорово! Жаль, что не увидел его раньше, поблагодарил бы Гурвица за это отдельно.

Пора домой, проголодался после этой сиротской еды за бешеные деньги на Греческой площади. Еду маршруткой домой, готовлю салат, как я понимаю: из зелёных в пупырышках огурцов, с красным перцем, зелёным лучком, листьями салата, натёртой морковкой, с оливковым маслом и соевым соусом; к нему, конечно, мамалыга с брынзой, с тем же маслом, и стакан вина. Нормально. Вкусно, сытно и недорого, не больше гривен 40, не то, что там, из неприветливых рук и за 46. Да там за такую еду с меня бы гривен 100 затребовали. Всё, больше туда ни шагу, даже если с Аней. Тарелочка зелени, сухая каша и понурые раздатчицы, ну! Нет, достали, пора отключиться.

Первым делом нужно пообщаться с Аней, удивить её. Пошлю смс-ку с нейтральным: «Привет, как дела?». «В порядке, а у тебя?». «Тоже в порядке, приехал из центра». «Что там делал?». «Да так, гулял. Да – ещё побывал у Гурвица». «О-о-о! Как попал?». «Просто, зашёл, сказал что мне нужно, и пустили, никаких двух кварталов». «Вот это да, надо было мне уехать раньше!». «Наоборот, позже, зашли бы вместе, познакомил бы с мэром». «Да, наверное так и надо было сделать!». «Следующий раз так и сделаем!». На этом прощаемся, я, довольный произведенным эффектом, ищу в портфеле записную книжку – теперь буду попробовать дозвониться до своих адресатов. Опять названиваю по всем телефонам, результат, увы, тот же – нигде не берут трубку. Хаваль, как говорят в Израиле, в смысле жаль. Ладно, продолжим «Конармию» Бабеля с прерванного места. Перечитываю уже не меньше, чем в пятый раз, но с тем же удовольствием, что и в первый. Спыхватываюсь в начале пятого часа, ведь в 5 у меня встреча. Спешу на площадь 10 Апреля, дожидаясь троллейбуса, еду в Аркадию. Выхожу на конечной остановке, прохожу к главной аллее и упираюсь в ротонду. А, построили в моё отсутствие, вот почему я не мог её вспомнить. Ротонда хороша, классика, но место, на мой взгляд, выбрано неудачно, затеснено пространство входа на главную аллею. Прогуливаюсь вокруг, много гуляющих, много торговых точек. А вот и Игорь Михайлович*, как всегда подтянутый и стройный, идёт бодрым шагом, вооружён фотоаппаратом. С радостью спешу ему навстречу, здороваемся, обмениваемся вопросами о жите-быте, рассказываем обо всём, что было со времени нашей последней встречи в 2005 году. Идём по главной аллее к морю, там, присев за столик в кафе, я подписываю и дарю ему свою книжку, и прошу передать экземпляр Алисе. Игорь Михайлович показывает на виднеющийся краси-

вый дом на самой кромке обрыва, по форме напоминающий корабль, и говорит, что участвовал в его проектировании по приглашению автора проекта, бывшего главного архитектора города Глазырина. Поздравляю его с отличной работой, говорю, что я сразу обратил внимание на это необычное здание. Возвращаемся назад, Игорь Михайлович просит извинения за краткость встречи – дома какое-то мероприятие. Прошу проходящего молодого человека сфотографировать нас, что он и проделал. Идём вместе на выход и дальше, разговаривая, по Генуэзской до Посмитного, где расстаёмся, желая друг другу здоровья, успехов и новых встреч.

Из памяти – 11.

С Игорем Михайловичем Безчастновым мы знакомы с незапамятных времён, а со времени, когда был заселен корпус архитектурного факультета, и моё рабочее место оказалось на 7 этаже, а кафедра архитектуры и градостроительства, где он работал, разместилась на 6 этаже, мы начали чаще общаться, и, по его предложению, сотрудничать.

Игорь Михайлович потомственный строитель, его дед строил гостиницу «Лондонская», что на Приморском бульваре. Любопытный эпизод как-то Игорь Михайлович рассказал мне о этой стройке со слов своего отца, также инженера-строителя (в Перечне памятников местного значения города имеется строка: «Місток трамвайний (інж. Безчастнов М.Ф.) Аркадійська балка. 1910 р.»). Дед однажды взял своего сына, тогда мальчика, с собой на стройку гостиницы. Когда пролётка подъехала к зданию, из него выбежал десятник, поздоровался и доложил, какие работы ведутся, сколько человек занято, сколько каких работ сегодня сделано. Дед вышел из пролётки, подошёл к куче песка, взял щепотку в рот, немного пожевал, потом тонкой струйкой выпустил слюну, затем сплюнул песок, вытер рот платком и спросил: «Сколько раз мыл песок?». «Три, Ваше превосходительство!». Следует увесистая пощёчина: «А я сколько говорил?». «Пять, Ваше превосходительство!». Ещё пощёчина: «Перемыть!». Вот так, без взятия образцов и последующих лабораторных анализов (с результатами на следующий день), простой визуальной пробой определялось качество идущего на замес песка. Вот такой стандарт чистоты этого песка существовал тогда и обеспечивал непревзойдённое качество растворов для кладки и штукатурки. Цель многократных промывок – полная очистка каждой песчинки от покрывающих её чешуек глины, которые, не будучи удалёнными, препятствовали полноценному сцеплению этих песчинок с цементом, снижая как прочность раствора, так и его долговечность. Видимо, и метод доведения стандарта чистоты до исполнителя был наиболее эффективным в то время. В моё время, когда я принимал участие в строительных процессах, ведущихся под аккомпанемент постоянных окриков со всех уровней и со всех сторон: «давай, давай!», прогресс в строительстве привёл к другому стандарту – однократной промывке. С получением соответствующих результатов, в виде появлявшейся со временем на штукатурке паутины мелких трещин, которые постоянно забеливались или затирались шпаклёвкой, или скрывались под обоями. Для ответственных случаев просто увеличивалась дозировка цемента. Нужно отметить, что в стандартах на «Песок строительный. Требования...» всё было предусмотрено на высшем уровне, в том числе и проверка минимального содержания глинистых частиц. Но быди стандарты и была правильная организации процесса их соблюдения – строительные лаборатории были в подчинении ... самих строителей. Потому что наверху было понятно: если досконально соблюдать стандарты, то успеть за «давай, давай!» не получится (но даже и при приблизительном соблюдении стандартов всё равно не успевалось, так как привести в соответствие планы строительства и их обеспечение материалами не удавалось хронически, также, как и с продовольствием, и со многими товарами первой необходимости и т.д. – плановое хозяйство!).

Впечатлённый вышеописанным рассказом, я выбрал время и специально пошёл в гостиницу посмотреть на штукатурку. Конечно, я бывал там раньше, но взгляд и внимание отвлекались на великолепие отделки и украшений. Теперь я посмотрел внимательно на стены и на штукатурку, которой было уже более 150 лет: блестящая поверхность огромных площадей стен, с расцветкой в холле под малахит, не имела ни малейшего изъяна, если не считать нескольких мест повреждений понизу, отличавшихся как расцветкой, так и качеством ремонта. Будете проходить мимо, загляните, есть на что посмотреть.

В те времена я был знаком с супругой Игоря Михайловича, Евгенией Ивановной, известным в городе врачом, заведующей кардиологическим отделением в Лермонтовском санатории, с их детьми – Мишей и Андреем. Миша был соучеником Алисы, они учились в одной группе. Впоследствии он стал на Одесской киностудии известным художником, ещё я встречался с ним дома у Кирилла Антоновича, а потом, после огромного перерыва во времени – в Нью-Йорке! Я гостил в то время у Алисы, мы отдыхали с ней вечером после продолжительной прогулки вдоль берега океана на Брайтон-Бич. Зазвонил телефон, Алиса поговорила, а потом обращается ко мне: «Звонил Миша Бесчастнов, приглашает на спектакль, который он оформил, это здесь недалеко». Собираемся и идём, на входе Алиса говорит, что мы по приглашению, нас пропускают в зрительный зал. Спектакль уже начался, мы осторожно проходим вдоль стенки, останавливаемся недалеко от сцены. Большие и красочные декорации украшают сцену, мы их рассматриваем и не успеваем заметить, как к нам подошёл Миша. Мы с ним обнялись, он вполголоса рассказывает, что сделал это из того, что подвернулось под руку, буквально из

бросовых вещей. Мы похвалили его, нам действительно понравилось. Ещё немного посмотрели спектакль и пошли домой. В те же дни я с Алисой побывали у Игоря Михайловича и Елены Ивановны дома, в гостях, они уже жили в Нью-Йорке, где я встретился тоже через огромный промежуток времени с Изей Давнером, архитектором, с которым мы проектировали корпус гидротехнического факультета ОИСИ. Был прекрасный вечер с многочисленными воспоминаниями и ужином, Игорь Михалович показывал нам свои работы на компьютере, фотографии Одессы. А потом Изя ещё заехал к нам домой, где мы пили чай и проболтали до часа ночи, после чего он укатил на своей машине в свой Нью-Джерси.

Где, в каких сферах и кто подготавливает и устраивает эти встречи?

Возвращаюсь к периоду нашей совместной с Игорем Михайловичем работы. Как-то он пригласил меня зайти к нему домой, показывал висящие на стенах акварели, в том числе написанные во время аспирантуры в Киеве. Мне понравился залитый солнцем платан во дворе, великолепное дерево излучало радость жизни. Я поделился этим впечатлением, он согласился, сказав, что его тоже привлекла его красота и мощь, и добавил, что прекрасно помнит этот день, полный летних запахов, среди которых особо привлекательным выделялся запах жареной картошки, так как он был голоден. «Как», удивился я, «Вы помните те запахи?». «Ну, не только запахи, я помню весь двор, цвета стен, окон и дверей, во что я был одет...». Я стою совершенно потрясённый – мне, с моей памятью, когда я не мог припомнить имена недавних знакомых, из-за чего попадал в неприятные ситуации при встречах с ними, с вечным забыванием дат дней рождений близких и др., и др. – это показалось фантастикой. Он же, увлечённый показом рисунков, видимо, не обратил внимание на мою растерянность, и переходил от одного к другому. Нет, я должен был всё же уточнить: «Игорь Михайлович, Вы это всё помните, потому что были голодны, и это чувство всплывает при взгляде на рисунок, вызывая все последующие воспоминания?». «Нет, Александр Романович, я вообще всё помню». Я совсем пугаюсь: «Как так всё?». «Ну так, я могу вспомнить любой день из своей жизни во всех подробностях, разговорах, выражениях лиц, а что Вас удивляет? Вот, например, могу Вам сказать, что когда Пётр Львович, тогдашний ректор, попросил меня помочь с отбором образцов камня-ракушечника из разных карьеров для испытаний, я отобрал около 3000 образцов, и потом, когда я подходил к шкафам, где они лежали, я мог о любом сказать где, когда и как он был отобран». Я говорю, что поражён, мне такое себе представить трудно, на что он, улыбаясь, отвечает, что память не раз его выручала. Это был первый в моей жизни случай встречи с феноменальной памятью, второй случай это жена Татьяна, но, поскольку здесь речь идёт о Игоре Михайловиче, то о ней я расскажу в другой раз. Вполне возможно, конечно, что я был знаком и с другими обладателями феноменальной памяти, но они «не раскрылись».

Участие Игоря Михайловича в дипломном проекте Алисы я уже описал выше. Он же привлёк меня к совместной работе над темой планетариев и народных обсерваторий (тема его диссертации), благодаря чему я побывал в Киевском и Московском планетариях и даже в знаменитой Пулковской обсерватории, а собранный там материал вошёл в изданный коллективный труд по этой теме.

Такова, вкратце, история моего многолетнего знакомства с прекрасным человеком, архитектором и художником Игорем Михайловичем Безчастновым, вписавшим свои страницы в историю Одессы, а впоследствии, и Нью-Йорка: там состоялась персональная выставка его художественных работ, прошедшая с большим успехом, там его разыскали и предложили консультировать строительство планетария.

Расставшись с Игорем Михайловичем, иду по Генуэзской, любуюсь прекрасными домами-ново-стройками. Очень интересно по своей задумке творение альянса «Белый парус» (верхнее фото): идущие по кругу, всё возрастающие по высоте этажи образуют не только красивый силуэт, но и замкнутое пространство двора, исчезнувшее с появлением отдельно стоящих в отдалении друг от друга домов. Это была так называемая «свободная планировка микрорайона», достижение советской архитектуры 60-х годов прошлого века, с помощью которой была сделана попытка несколько скрасить унылость застройки. Помогло мало, зато полностью исчезло индивидуальное «лицо двора», и спрятаться от ветра при плохой погоде было негде. Однако, этот дом не идёт ни в какое сравнение с прототипом – творением необычайно самобытного австрийского архитектора Фриденсрайха Хундертвассера (1928-2000), я бы его назвал родоначальником «весёлой архитектуры». До него так смело экспериментировал с фасадами, насколько мне известно, лишь великий Антонио Гауди (его работы я впервые увидел в зарубежном альбоме, который мне показал Сева Великанов). Разумеется, дом «Белого паруса» объёмнее и выше, но – в данном сравнении, конечно – суше и рациональнее прототипа, радующего глаз необычной раскраской фасада, башенками, и, особо, крышей-парком.

творчества (при желании познакомиться ближе с его работами просто наберите в поисковой строке фамилию). Но в одесской застройке дом «Белого паруса» безусловно выделяется.

Так незаметно добрался домой, сходил за водой к скважине, поужинал и за книгу до отбоя.

И был вечер в Одессе, и было утро в Одессе. День 9-й – 09.09.

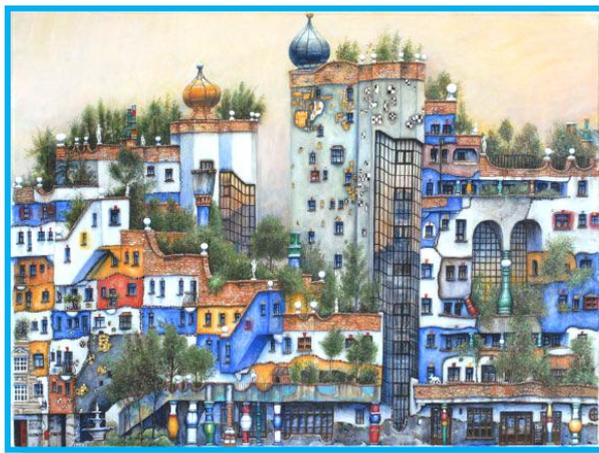
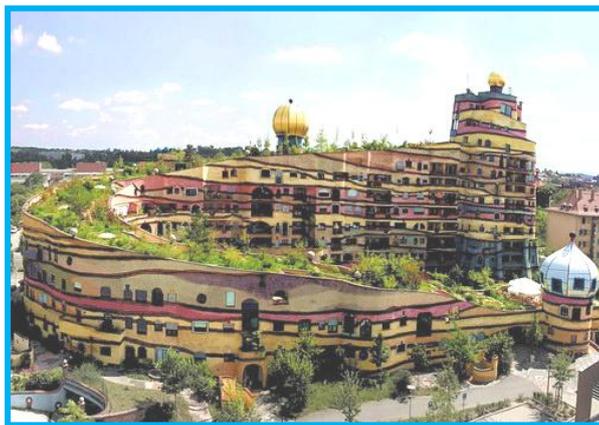
С утра, после завтрака, еду в оптику на Адмиральском проспекте, заметил, когда как-то проезжал. Да, наверно есть и поближе, но я хотел проехаться по этому проспекту, когда-то руководил проектом грандиозной реконструкции всего этого района малоэтажной застройки, однако гибель Черноморского пароходства не дала этому осуществиться. Проспект не изменился, такой же уютный, а вот и моя оптика.

Вас, конечно, интересует зачем мне понадобилось ремонтировать очки за тридевять земель, разве нельзя это сделать дома? Можно, но у меня особая статья. Дело в том, что когда мы приехали в Израиль и я пошёл к офтальмологу из нашей больничной кассы с жалобой на плохие очки, она направила меня в один из магазинов сети «Зиги Шауль». И там ловкие молодые продавцы этого Зиги, расписав мне невероятные скидки, которые делаются специально для меня – бесплатное оптометрическое обследование, возможность выбора любой оправы, бесплатный кожаный футляр, стёкла особой прозрачности с тройным защитным покрытием, обзигишаулили меня на 900.0 шекелей за 2 пары очков (по \$100.0 за каждую!). Конечно, они мне понравились, я давно хотел такие: одни с узкими линзами, другие с более квадратными, тоненькие ободки, дужки подпружиненно отгибаются наружу и потом плотно прижимаются к вискам. И так как это было время начала нашей жизни тут, и корзина абсорбции казалась бездонной («корзина абсорбции» – деньги, выделяемые в течение двух лет на обустройство: оплата багажной пошлины, покупка электротоваров и др.), то мне эта сумма не показалась чрезмерной. Другого мнения придерживался один родственник, которому я похвалился своим приобретением, и это мнение он высказал мне со всей родственной откровенностью: «Ты с ума сошёл! На очки больше \$10-20 не тратят! Если ты, конечно, не бизнесмен или ещё кто-то с деньгами». Ну, век живи... Да, эти очки хорошо послужили все 8 лет, качество оно всегда себя оправдывает, но когда я их уронил на улице и шедший сзади слон на них наступил, их не спасло ни тройное защитное покрытие стёкол, ни кожаный футляр. Пожелав вслед равнодушно топающему слону похудеть, положил в сумку не глядя, а дома обнаружил треснувшие стёкла и погнутую оправу. Выбросил стёкла, поправил оправу и к Зиги, который Шауль. «Новые стёкла 300.0 шекелей». Опустошённая до дна корзина давно забыта, а щедроты Битуах Леуми, снабжающей нас пособием, уже не позволяют такого размаха. Выручает вторая пара, хорошо, что согласился тогда. Но позже мне подсказывают, что на Герцель есть специальная оптика для таких репатриантов, которые со «средненьким» достатком. Спешу туда, показываю, говорю, что нужно вставить стёкла. Дама с несколько брезгливым выражением лица осторожно берёт оправу, говорит, что это не их оправа, да и вот, точки ржавчины появились, в общем: «Мы Вам подберём новые очки, стоить будут 99.0 шекелей». Я говорю, что это моя любимая оправа и я хочу застеклить именно её. Дама, также осторожно держа оправу двумя пальцами, возвращает мне её и равнодушно роняет: «Как хотите. Сюда вставить стёкла нельзя». Возмущён её настырным желанием обязательно втюхать мне свой товар, но книга жалоб не предусмотрена и я уйду, не прощаясь.

Вот почему оправа оказалась со мной на Адмиральском проспекте. Вхожу в частную оптику, просторно, современно, за компьютером скучает девушка. Показываю оправу, прошу застеклить. «Пожалуйста, что желаете, стекло или пластмассу?». Я колеблюсь, стекло всё же лучше, но она развеивает мои сомнения: «Рекомендую пластмассу, прозрачность такая же, но надёжность выше». Согласился, назвал диоптрии и межцентровое расстояние, получил квитанцию с указанием даты готовности – завтра утром – и ценой: 105 гривен, что вдвое дешевле, чем в родной стране. Попрощался и вышел в приподнятом настроении, утёр всё же нос даме с улицы Герцель.

Чем не история с географией?

Еду домой обедать, позже встреча с Арнольдом. Что у нас сегодня в обеденном меню? Помимо салата, нужно, наконец, испечь любимые лепёшки, даром я вёз с собой заготовку для них? Там гото-

вая смесь ржаной, ячменной и соевой муки, с овсяными отрубями, с семенами фенхеля, тмина и укропа. Это высыпается в чашку, добавляются 2 яйца, вода, размешивается, туда же натираются понемногу морковка и свекла, мелко нарезается половина красного болгарского перца, соевый соус, размешивается, немного соды, ещё размешивание, растительное масло на сковороде уже потрескивает, выкладывая туда две увесистые лепёшки теста, приминаю и даю жару сделать своё дело. Он справляется быстро, переворачиваю, и через несколько минут готов. Как и полагается выходцу с румыно-молдавских просторов, к этому великолепию добавляется стакан красного вина. Боярский стол! Но одолел только одну лепёшку, очень сытно. Ладно, вторая не пропадёт. Почему не угощал Аню этими изысками? Не хотел будить в ней не самые радостные воспоминания.

Из памяти – 12.

Это было во время прекрасного месяца декабря 2008 года, когда я гостил у них по её с Серёжей приглашению – познакомиться с внуком Севой. Внук Сева оказался замечательным другом, который ежедневно выводил меня на утреннюю прогулку, на 2 часа в парк, исполняя мою мечту подышать, наконец, морозным воздухом после многих лет общения с воздухом хамсинов (хамсин это такое милое явление местного климата, которое с частой периодичностью сопровождает его с апреля по октябрь, и заключается оно в появлении сильного ветра, приносящего мельчайшую жёлтую пыль, которая застилает всё вокруг, при температуре за +30 и влажности за 70%, замечательные ощущения!).

Вообще, мы с ним прекрасно проводили время:

и когда его рано утром приносили в мою комнату, чтобы родители могли поспать ещё часок, и он принимался трясти лежащие на полу провода, пытаюсь их оживить (для непонятливых объясняю – «оживить провода» это значит привести в движение замершие в них электроны*), а в мою задачу входило проследить, чтобы эти провода не были вырваны из приборов, затем хорошо протряхивался напольный ионизатор воздуха (вы уже понимаете, это чтобы освободить выходное отверстие от налипших там ионов), и, завершив рутинные дела, он отдавался игрушкам;

(*прошу Вас, не нужно говорить о движении электронов только под разностью потенциалов, об ЭДС и др. многожды пережёванных вещах; Вы эти электроны видели? может, дадите адресок какой, где можно поговорить с очевидцами, или ссылку на что-то? и вообще, это дуальное существо, то частица, то волна... речь идёт о принципиально другом: известен ведь ответ Эйнштейна на вопрос, как делаются великие открытия – все знают, что этого сделать нельзя, но приходит человек, который этого не знает, и делает открытие; вот и Севик пришёл, и не знает, но пробует же, вот что главное, ну, сейчас не открыл, откроет позже, или в другом месте, главное же поощрять творческий, нестандартный подход!);

и когда мы оставались с ним вдвоём после ухода няни и до прихода мамы, и он, придерживаясь за предметы обстановки, начинал свой ритуальный обход по кухне – немного шарил в кадке большого цветка, взрыхляя землю, может, это гены мамы и он чувствовал тягу к флоре, пытаюсь понять таинственные процессы, приводящие к сокодвижению, а может в поисках каких-то спрятанных там вкусных вещей, после чего я хватал его и мыл ему руки (позже я стал огораживать кадку стульями, но он, улыбаясь моей наивности и вращая корпусом, ввинчивался между ними и достигал своей цели), потом наступала очередь всех нижних шкафчиков кухонного стола, которые выдвигались и там рукой болталось по крышкам, кастрюлям и другим предметам, которые восхитительно бречали, приводя его в восторг, после чего наступала очередь посудомоечной машины, массивная дверца которой открывалась вниз, но тут я был начеку, потому что, когда он хватался за ручку, дверца открывалась, он хлопался на попку, и она стремительно неслась к его голове – вот где пригодилась моя реакция теннисиста, ничего в этой жизни не пропадает зря, я всегда успевал выбросить руку ей навстречу; завершался обход холодильником, на дверцах которого были навешаны красочные памятные сувениры с барельефами знаменитых зданий и названиями городов, откуда его родители привезли их, и он с удовольствием отрывал их от дверец и бросал на пол, а в мою задачу входило подбирание и быстрое прикрепление обратно, пока он не дошёл до конца; основательно поработав, Севик опускался на четвереньки и стремительно нёсся на всех четырёх в класс вокала – в длинный коридор, где, как он заметил, замечательно резонировал звук при громком «а-а-а», причём он набирал такую скорость, что иногда руки не успевали и он падал грудью на пол, проезжая полметра по паркету с громким плачем, но после моих успокаивающих поглаживаний и увещеваний снова устремлялся туда, усаживался в начале коридора и приступал к уроку, самозабвенно выводя эти звуки до тех пор, пока я не замечал, что он беспокойно ёрзает по полу, из чего следовало, что пора менять подгузник, на чём урок заканчивался и тут появлялась мама, к которой он таким же способом и с той же скоростью бросался навстречу; для развития молодого вокального дарования я начал становиться во время урока в другой конец коридора, и после нескольких вступительных упражнений мы приступили к разучиванию канона, дело пошло очень успешно, но пропев его как-то маме получили: «ой, может лучше не надо?» – конечно, музыкальная десятилетка, образованщина никогда не упустит случая насолить самородкам, ничего, я тут тренируюсь на берегу моря, а Севик потом догонит, мы ещё споём!

и на праздновании дома нового года, к которому папа Серёжа срубил и привёз из сибирской тайги красавицу ёлку, Сева, конечно, должен был самолично проверить надёжность контактов гирлянд и прочность крепления игрушек к веткам, для чего, улучшив момент, когда за ним не наблюдали, устремлялся к ней и самозабвенно тряс ветки, приводя к опасным качаниям всей ёлки, тогда все сразу бросались его нейтрализовывать, что вызывало его крайнее неудовольствие таким столпотворением и вмешательством в процесс;

и, конечно, наше знакомство и дружбу мы с ним отметили в престижном торгово-развлекательном центре «Европа», куда нас его папа с мамой как-то завезли вместе с Юлей (это двоюродная сестра Серёжи), где, чтобы попасть во внутреннюю парковку мы минут 20 ползли черепашью шагом за успешными приехать раньше нас, и где при входе в ресторан за стеклом двигал клешнями гигантский живой краб, и где мы очень славно все посидели, но выпили с ним, обнявшись, отдельно. Опять не верите? Вот вам документальное фото с места события (ему, понимаете сами, пришлось быстро опрокинуть, пока тётя-администратор не видела).

Ну вот, теперь о не самых приятных Аниных воспоминаниях. Я решил приобщить радушных хозяев к лакомым блюдам своего стола, для чего привёз все необходимые ингредиенты – разные виды муки (ржаная, соевая, ячменная, овсяная, у них, бедных, ничего этого нет, это проверялось в прошлый мой приезд к ним тотальным обследованием всех мелких и крупных магазинов), отруби, разнообразные специи (фенхель, кориандр, кинза, имбирь и мн. др., у них, бедных ... читайте чуть выше). И вот в один из вечеров, когда Севик был уложен спать, а Серёжа с Аней утонули в объятиях своего РС, я взялся за дело. Замесил в том же составе, что в вышеописанном обеде, поставил сковороду на огонь. Тут нужно отметить, что у них электроплита с сенсорным управлением и ступенчатой регулировкой степени нагрева, и если принять во внимание ещё значительно больший, чем я обычно готовлю, объём замеса, и неизвестные пока способности сковороды к нагреву, то совмещение такого количества неопределённости привело к бурному выделению сизого дыма с соответствующим запахом, быстро заполнившим кухню и распространившимся по квартире, достигнув и отдалённой комнаты, где находились мои родственники. Появился встревоженный Серёжа с телефоном в руке, видимо, для быстрого вызова пожарных, раздвигая рукой мглу подошёл поближе, я начал бормотать что-то про первый блин, на что он резонно заметил, что можно же было начинать со второго, и включил вентилятор отсоса. Какие провидцы проектировали эту кухню: ведь они предусмотрели появление меня там с этой выпечкой! Серёжа молча удалился, вентилятор быстро привёл видимость к норме, я убавил нагрев, добавил масло и дальше дело пошло получше. Неудачные экземпляры я спрятал для себя на дне тарелки, покрыв их более или менее удачными. Потом, когда Аня появилась на кухне, где я читал газету, с вопросом: «Ну, что, папа, каковы результаты твоего поджога квартиры?», я ответил: «Вот, попробуй». Здесь я должен похвалить себя, как одного из участников воспитательного процесса дочери – она недолго рассматривала тёмно-коричневые изделия и смело приступила к дегустации, выбрав наименьший экземпляр, демонстрируя уважение к родителю и готовность к жертвам. Расправившись с ним, сказала: «А что, вкусно!», имея ввиду, наверное, свои неоправдавшиеся худшие ожидания. От предложения съесть ещё вежливо уклонилась, сказав, что наелась, и пошла смотреть свой любимый сериал. Я их потом доедал вечерами с салатом.

Должен заметить вдобавок, что я закреплял в памяти хозяев свои приезды не только доставляемым удовольствием от моего присутствия, а дополнительно серией происшествий, которые и через годы позволяют им без мучительных раздумий точно идентифицировать время, например: «а, это было тогда, когда ты разбил (испортил и др., выбирается нужное)». Так, в свой первый к ним приезд я изящно выронил на пол в кухне вместе с содержимым большой стеклянный контейнер, входивший в комплект холодильника. Потом этого показалось маловато, и я поджарил яичницу, прикрыв её крышкой, плотно севшей в углубление (прекрасное изделие, высокая тщательность исполнения), отвлекся на время, а когда вернулся, то крышка не захотела открываться, устояв перед отвёрткой и другими силовыми методами воздействия. Мне понадобилось достаточное время на попытки извлечь из памяти что-либо из забытых фрагментов знаний по физике, которые пробовали туда поместить педагоги в школе, а потом и в институте. Разница в теплопроводности сковороды и крышки, что при остывании привело к её обжатию? Вряд ли. А вот вариант, при котором частицы масла при жарке, попадая в зазор между крышкой и краем углубления пригорали на нём, образуя уплотнение в виде корочки, что при остывании воздуха внутри и уменьшении его объёма привело к образованию там небольшого вакуума, это уже ближе. Ведь при диаметре сковороды 20 см. её площадь равна 314 см^2 , что при атмосферном давлении в 1 кг/см^2 образует силу прижима 314 кг (вакуум не очень глубокий) – понятно, что отвёртка спасовала. Становится понятным и способ открывания: быстрый нагрев, чтобы оставшиеся внутри пары воды выровняли давление внутри и снаружи. Это и было продемонстрировано приглашённым хозяевам, мысленно уже простившимся со своей красивой сковородой из набора, хотя Аня улыбалась и

даже пыталась снять процесс на видеокамеру. Конечно, чисто эмпирический подход к выбору температуры нагрева привёл к тому, что крышка с громким хлопком взлетела вверх и с грохотом шлёпнулась на сковородку, не помогла даже реакция теннисиста. «Физика», натянуто улыбаясь, сказал я. «Да», с тяжёлым вздохом ответили они.

Так что, поведя сеанс задымления квартиры, я смог спокойно уехать: и этот мой приезд они запомнят хорошо.

Вот почему, несмотря на свой значительный прогресс в пекарских делах и ряд достижений, отмеченных таким видным кулинаром, как Люда, на этот раз я оставил выпечку лепёшек для себя.

После обеда иду на встречу с Арнольдом в парк Победы, ранее парк Ильича или просто дендропарк. Недолго гуляю, появляется Арнольд и с присущим ему умением быстро находит интересные для нас темы: последние примеры неудачных построек, обстановка в городе, в стране, спрашивает о жизни в Израиле, хотя она ему знакома, оказывается, здесь живут его родственники. Время за разговорами и прогулкой пробежало быстро, выходим на Говорова, он провожает меня до дома. Спрашивает, не нужна ли завтра помощь, может быть проводить меня в аэропорт? Благодарю его, говорю, что справлюсь, желаем друг другу самого лучшего и расстаёмся. Я набираю шифр на двери подъезда, вхожу, дверь захлопывается, поднимаюсь в темноте, конечно сильно спотыкаюсь, чуть не падаю, но успеваю упереться ладонями в пол площадки, потом поосторожнее добираюсь домой. Снимаю рубашку и иду готовить чай. Выпив его и почитав, устраиваю смотр своим финансам, ведь завтра нужно ещё сделать закупки на Привозе. Маловато, с учётом добраться в аэропорт, и запас на всякий непредвиденный случай, конечно, нужен.

Собираюсь и иду на площадь 10 Апреля, там допоздна работает обменный пункт. По дороге кладу деньги в нагрудный карман рубашки, где лежит слуховой аппарат. Меняю в обменном пункте, кладу туда же наменянное, иду домой, поднимаюсь опять в темноте, но уже осторожнее, к себе. Дома вынимаю деньги, вместе с ними вынимается и аппаратик, из него сиротливо торчит трубочка – наконецника, который вставляется в ухо, нет! Приказываю себе не паниковать, хотя повод достаточный: без этой детальки я должен буду постоянно приставать ко всем с просьбами что-то сказать мне погромче, а впереди аэропорт с его объявлениями по радио, разговоры при сдаче багажа, на таможне, на посадке ...

М-м-м, чьёрт побьери, как выражался один персонаж фильма «Бриллиантовая рука», ведь я же заметил ещё вчера, что наконецник постоянно соскальзывает, но это неискоренимое авось... Так, прокручиваю обратно ход событий. Расстался с Арнольдом у подъезда, снял аппарат, положил в карман: точка проверки №1. Дома снял рубашку, потом одел, точка №2, проверяется тут же, тщательный поиск с подметанием не приносит результата. Где-то по дороге в обменный пункт шуровал в кармане рубашки, точка №3, у обменного пункта №4. Вперёд, уже темно, надежда на уличные фонари. У дома предусмотрительно поставлен яркий фонарь, но он ничего не высветил, хотя я прочесал всё до сантиметра. Шансы на успех резко сокращаются, ведь на улице и у обменного пункта побывали десятки людей, и если наконецник и заметили, то кто-нибудь обязательно отфутболил его в сторону, я, во всяком случае, отфутболиваю всё, что попадает под ноги. Всё равно иду, медленно, опустив голову и привлекая внимание редких уже прохожих, туда, обратно. Безрезультатно. У дома ещё раз ищу. Нет. В подъезде поднимаюсь, подсвечивая путь экраном мобильного, на всякий случай осматриваю место, где я споткнулся – нет.

Дома сажусь обдумывать ситуацию. Об купить не может быть речи, эта вещь заказная и индивидуальная, в Хайфе мне сняли слепок с уха и велели прийти через день. М-да.

Чьёрт побьери, Саша! Когда ты уже перестанешь быть беспечным разгильдяем! Когда ты уже наконец, станешь вовремя реагировать на важные моменты! Когда ты уже станешь собраннее и ответственнее, в 80? В 100 лет? (далее были употреблены некоторые выражения покрепче, конечно, в пределах нормативной лексики, но не представляющие здесь интереса).

И тут я ощущаю некий импульс, включающий мысль: пойти ещё раз на место спотыкания. Иду, долго и внимательно свечу экраном, ВОТ! Лежит себе молча и равнодушно в самом уголке ступени под площадкой. Ну! Я же потерял из-за тебя полкило нервов! А может и кило, забыл взвеситься вначале. Взлетаю на 4-й этаж, осторожно нацарапываю трубочку ножом (не мог ..., сделать это сразу, как заметил, что плохо держится) и вставляю в наконецник, проверяю, держится лучше. О, спасибо за совет, но приклеивать нельзя, так как трубочку приходится часто менять, она становится жёсткой. Приказываю себе запомнить пользу самопоругания (самовыругания? самозаругания?) и делать это почаще, можно включить в комплекс утренней зарядки.

Вспоминаю про импульс и возношу благодарность на самый верх – ведь КТО-ТО этот импульс послал! Даже несмотря на упоминание рогатого существа и специфические выражения. Если здесь читателями будет предпринята очередная попытка обсуждения, кто послал импульс, то вы помните: без моего участия.

Закрепляю благодарность и успех стаканом вина, закусываю, немного читаю и с этим же чувством благодарности ложусь спать.

И был день, и был вечер в Одессе. День 10-й – 10.09.

С утра Адмиральский проспект, нужно забрать очки. Прежним маршрутом туда, девушка на месте, здороваюсь, спрашиваю, получилось-ли с моей оправой. «Вот, посмотрите», достаёт коробочку с очками. Смотрю, очень приличная работа, о чём и сообщая собеседнице. «Работаем с высоким качеством», горделиво произносит она. Прощаюсь, желаю всего хорошего.

Теперь Привоз. Собираюсь закупить гостинцев: кукурузную муку, огурцы в пупырышках*, медные груши. Еду троллейбусом до вокзала, там прохожу на рынок и к овощным навесам, покупаю огурцы и груши, иду к кукурузной девушке. Пробую снова, доверяй но проверяй, но мука по-прежнему хороша. «Почём?». «6». «Как же так, девушка, всего пару дней назад покупал у вас по 5, а сегодня уже по 6?». «А, я смотрю, что-то знакомое, ладно, по 5». Не реагирую на «что-то» (рубашка? брюки? причёска?) и заказываю прилично, на всех хайфских едоков. Накладывает, как и раньше, с примиманием и верхушкой, тщательно упаковывает и пододвигает ко мне. Расплачиваюсь и прошу всё на распродавать, скоро ещё приеду. «Не беспокойтесь», смеётся она, «хватит!».

* когда я привёз гостинцы домой, Рома схватил огурец со словами: «Завтра понесу на работу, покажу, что такое настоящий огурец!».

Нагруженный добираюсь домой, нужно приступить к упаковке багажа. Набралось прилично, с учётом муки, огурцов, груш, мёда, подарков мэра, ну и свои вещички, вестимо. Выручает вместительный чемодан, в котором распускается дополнительная змейка для увеличения объёма, и старина-портфель, жёлтый красавец из прекрасной кожи, подарок Вовы (Вова это мой двоюродный брат, живший в Бухаресте с семьёй, когда папе удалось вырваться к ним в гости через войну и 17 лет разлуки, в числе привезенных оттуда подарков был для меня портфель, который верно мне служит уже более полувека).

Опять готовить обед? Вроде ведь недавно готовил, ах да, это же было вчера. Сегодня в меню салат и лососевая уха, сваренная традиционно: засыпка – пшено, специи – лавровый лист, душистый горошек, имбирь (с этого года, прочитав книгу Друзьяка «Как продлить быстротечную жизнь», любую рыбу перед варкой ухи очищаю от плавников и костей, ну, а если на пару или поджарка, то, конечно, потом). Обед удался, теперь наводим в квартире порядок. Вот, вроде, и все дела.

Самолёт в 22 часа, значит нужно там быть в 20, звоню Серёже и договариваюсь о встрече в начале 8-го. Можно отдохнуть перед дорогой, почитать. Читиво попало несколько усыпительное, пролетело полчаса, попью-ка я чаю. Только закончил, как звонок в дверь, открываю – Сергей. Здороваемся, я веду его в комнаты, показываю, что вся мебель на месте, он с улыбкой машет рукой и идёт на кухню. Поговорили, я поблагодарил за приют и помощь, он отвечает : «да, нормально!». Выходим на Черняховского, он останавливает машину, прощаемся, и я качу опять в аэропорт. Приезжаю около 20 часов, походил по залу, посидел, посадки нет. В 21 час раздаётся звук гонга и мелодичный голос на двух языках уведомляет об откладывании рейса до 24 часов. Пф-ф-ф! Убить ещё 3 часа это уже труднее, хожу по залу взад-вперёд, потом кругами, меняя направление, потом восьмёрками, потом пью чай в буфете. В 22.15 девица с гонгом извещает о прибытии самолёта из Тель-Авива. Уже легче, позволяю себе кофе с мороженым по поводу приятной новости, хождение проходит веселее, и около 23 объявляют посадку. После проверки на входе билета и паспортадвигаюсь к сдаче багажа. Подходит очередь, поднимаю свой чемодан на электронные весы, стоящая рядом с ними девушка сообщает: «У Вас сверхнормативный вес». Я, ещё не зная дальнейшего развития событий, держусь бодрячком: «В каком углу отсыпать излишки?». «Если Вам провожают, можете вернуть им». «Нет», говорю, «как ни уговаривал, никто не захотел провожать, друзья называются!» (я большой шутник, когда на меня находят). «Тогда заплатите за излишек веса». «Где?». «Вот стойка слева от меня» и выписывает квитанцию. Иду туда, там другая девушка берёт мою квитанцию, отходит в глубину, что-то там отмечает и я слышу: «17 долларов». Ха, думаю я, вполне по-людски, у меня с Аниной сотней – 150, ещё и домой привезу прилично. Кладу купюру в 20 долларов на стойку, с приветливой улыбкой смотрю на неё. Она подходит к стойке и молча смотрит на меня. «Что-то не так?», говорю, пододвигая к ней двадцатку. «Гражданин пассажир», произносит она, и, выдержав паузу: «с Вас 117 долларов». Наступает моя очередь молчаливого рассматривания её, но я спохватываюсь, неприлично всё же. Достаю и отдаю ещё 100 долларов, мысленно благодаря дорогую дочь, которая, оказывается, всё предвидела – ведь без этих денег пришлось бы буквально высыпать в углу муку, выставлять туда мёд, огурцы с грушами и, наверное, вдобавок альбом от Гурвица. Возвращаюсь с квитанцией к весам, показываю, девушка отрывает корешок, стоящий рядом мужчина просит: «Выньте что-нибудь, чтобы ребятам полегче было». Мне уже как-то не хочется шутить (что однозначно диагностирует неустойчивость психики при стрессах), приоткрываю молнию, лезу в глубину и вытягиваю какой-то кулёк с коробкой. «Ещё?», спрашиваю. «Да, ладно». Застёгиваю, отдаю чемодан и иду на таможенный контроль. На входе стоит милиционер, проверяет документы и закрывает за мной турникет – хода назад нет. Прохожу, таможенник предлагает поставить портфель на ленту просвечивающего устройства и показать содержимое кулёка. Портфель проезжает, выходит с другой стороны, таможенник его раскрывает, извлекает оттуда кулёчек с пузырьками, поднимает вверх и спрашивает: «Что это?». «Это чистый йод, меня просили привезти, у нас такого нет». Он молча опускает кулёк на место и смотрит на большой кулёк. Я его открываю и достаю оттуда коробку, это оказался подарочный коньяк от Гурвица. Он отрицательно машет

головой: «Это с собой везти нельзя». Эмоции растрчены при потере 100 долларов, вкладываю коньяк в кулёк, кладу его сбоку на столик и говорю: «Это был личный подарок от мэра города – выпейте за его здоровье!», забираю портфель и ухожу.

Неплохо пощипали меня тут на прощанье, однако. Но коньяк! Экстра с сертификатом! Вот шляпа, не мог достать из чемодана кулёк с альбомом! Шляпа резонно отвечает, что не знала о запрете везти коньяк, но теперь будет знать. Ха, мне уже стало хорошо, что она теперь будет знать!

Ладно, идём в автобус, в самолёт вхожу последним – вижу, что народа не очень много, сяду в хвосте. Располагаюсь, дожидаюсь взлёта и спать, перый час ночи.

И было утро в Хайфе. День 11-й – 11.09.

Долетели быстро, по ночам дороги свободны, выхожу, автобус, погранконтроль, опять пандусы, ожидание багажа. Вот и мой зелёный толстяк, сволакиваю его с ленты, качу на выход. Сворачиваю влево, спускаюсь вниз и вот я уже на ж. д. станции. Покупаю билет, прохожу через турникет на перрон. 5 часов утра, поезд через 15 минут, недолго. Вот и он, втаскиваю свои пожитки, сажусь на откидное сиденье и качу в родную Хайфу.

Часть времени из 1.5 часов проходит в составлении списка непосещённых мест:

- Пос. Таирова, дом, где мы с Галей и Алисой пожили по-барски в кооперативной квартире;
- Дом в Черёмушках, куда мы переехали из барской квартиры;
- Дом на Екатерининской площади, где жили Люда с Таней;
- Дома на Сегедской, где мы жили с Таней, Аней и Ромой;
- Роддом, где появился на свет Рома;
- Южно-Украинский университет, где училась Аня;
- Еврейское кладбище, где покоятся Лиза Семёновна и Давид Львович;
- Христианское кладбище, где покоятся Сева Великанов, Полина Георгиевна, Антон Великанов, Виталий Чечик, Лариса Сикорская, Георгий Павлович Владыченко, Игорь Викторович Авербах.

Остальное время проходит в воспоминаниях о поездке, которые я останавливаю на пороге Одесского аэропорта, чтобы опять не ввязаться в дискуссию со шляпой. Нужно быть внимательным, объявления на иврите, не проехать бы свою автобусно-железнодорожную станцию Хоф-Акармель. Есть ещё потом в городе пара остановок, но эта ближе всех к моему дому. Приехали, выход опять через турникет, с предъявлением автомату своего проездного билета – здесь очень тщательный отлов зайцев: те, которые просочились на станциях, или прыгнули на крышу с многочисленных мостов над дорогой, будут отловлены на выходе. Турникет разрешает мне выход, но крепко держит своими рогами мой чемодан. Как, теперь нельзя что-то ввезти? Звыняйтэ, досыть вже! То-есть, слиха, маспик уже, сколько можно! Ко мне спешит на помощь работник станции, я усиливаю попытки выдернуть чемодан из этих рогов, заканчивается это тем, что я отскакиваю на метр за турникетом с ручкой чемодана в руке. Наконец, догадываюсь опустить его полностью на пол и протаскать волоком, работник, улыбаясь помогает мне с другой стороны. Удалось, и если учесть, что в нём предусмотрены ещё другие ручки, то можно забыть эту турникетную придирку и катить его дальше. Выкатываюсь на маленькую площадку, справа вход на автобусную станцию, крепкий охранник тщательно проверяет багаж и сумки.

Ну, думаю, опять досмотр, достали уже, да и потом по ступенькам вниз, через подземный переход, а там снова ступеньки вверх, а потом от автобусной остановки ступеньки в гору к дому, нет, возьму такси. А вот и оно стоит недалеко. Направляюсь к нему, но тут передо мной возникает громадный туристический автобус, который маневрирует для выезда наверх. Жду, сменив направление, выехал, такси нет. Из дверей станции выходит молодой человек с большим ранцем за плечами, держит в руке конец большого отходящего от него гофрированного шланга. И тут из конца шланга вырывается поток воздуха, который он начинает направлять влево и вправо на асфальт. На меня движется вал всяких обёрток и прочего мусора, за ним идёт сплошная стена пыли. «Уборочка», догадываюсь я, и в панике бросаюсь вверх по крутой дороге. Да-а, куда подевались усатые дядьки в фартуках и с бляхами, степенно размахивающие мётлами влево и вправо... Изо всех сил спешу, пока меня не накрыли этот вал и стена, дорога поворачивает вправо и выводит меня к посадочному перрону автостанции. А, думаю, ладно, пусть автобус, зато без проверки. Через дорогу от меня сидит охранник, увидев меня подходит, любезно осведомляется: «Такси?». «Кен». «Бвакаша», и показывает на знак такси возле его места. Идём к его месту, я ставлю багаж под знаком, но он показывает на столик рядом с его стулом. Та-ак, схитрить не удалось, досмотр состоится. Правда, он был достаточно поверхностным, пассажир всё же солидный и подозрений не вызывает. Скоро прикатывает такси, загружаюсь, и через 10 минут я у подъезда. Расплачиваюсь – по счётчику, никаких «сколько берёшь-сколько даёшь» – и начинаю заволакивание вещичек на свой 4 этаж. Всё, дома, с приездом! Звоню Люде, поздравляю её со своим прибытием, она меня с моим.

Вояж окончен.

Его описание тоже, с чем вас поздравляю и благодарю за проявленное терпение!

Хайфа, 10.2010.

Только для восторженных отзывов: alexkgn@inbox.ru.